

**Университет
Мировых
Цивилизаций**
ИМЕНИ В.В. ЖИРИНОВСКОГО

ПУБЛИЧНАЯ И НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В УРЕГУЛИРОВАНИИ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Материалы стратегической сессии
(11 февраля 2026 года)

Сборник статей

Москва
Издательский дом «УМЦ»
2026

УДК 327.82:327.5
ББК 66.49:66.4(0),302
П88

П88 Публичная и народная дипломатия в урегулировании современных конфликтов: материалы стратегической сессии (11 февраля 2026 года): сборник статей / отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. — Москва : Издательский дом «УМЦ», 2026. — 248 с.

ISBN 978-5-908135-51-1

В сборнике представлены материалы стратегической сессии «Публичная и народная дипломатия в урегулировании современных конфликтов». Рассматривается отечественный и зарубежный опыт публичной и народной дипломатии, ценности и смыслы публичной и народной дипломатии; проблемы обеспечения национального суверенитета России и ее союзников на евразийском пространстве; роль публичной дипломатии в урегулировании конфликтов; использование «мягкой силы» в публичной дипломатии и внешней политике государства; место и роль парламентской дипломатии в изменяющемся мироустройстве; роль организаций гражданского общества в предотвращении и урегулировании международных и этнополитических конфликтов.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений.

УДК 327.82:327.5
ББК 66.49:66.4(0),302

Материалы публикуются в авторской редакции. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, собственных имен, статистических данных и прочих сведений.

Содержание

Байгулов Р.М., Илюхина С.С.

Нейросетевой анализ цифровых дипломатических коммуникаций для мониторинга проектов технологической реконструкции в условиях перманентной геοэкономической нестабильности..... 6

Бартош А.А.

Факторы публичной дипломатии в гибридной войне 22

Винокуров В.И.

Публичная, общественная и культурная дипломатия как компоненты «мягкой силы» 33

Демидов А.В.

Научная дипломатия: потенциал в борьбе за мир..... 54

Добролюбов С.И.

Перспективы развития арктической публичной и народной экологической дипломатии: синергия на будущее 66

Звонарёва Л.У., Звонарёв О.В.

Литература как важный фактор мягкой силы новой России (из опыта проведения в разных странах международных литературных чтений, фестивалей и дней русской культуры) 74

Иванов А.Н.

Гуманитарная политика Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Центральной Азии 86

Иванов О.Б.

Политизация социальных конфликтов как одна из форм манипуляции общественными интересами 95

Карцев Н.А.

Место и роль парламентской дипломатии в изменяющемся мироустройстве 101

Катагощина М.В.

Музейная дипломатия стран СНГ в условиях международной конфликтности XXI века: специфика, достижения и риски.....	110
---	-----

Коньков А.Е.

Социальная архитектура публичной дипломатии	124
---	-----

Кроленко А.П.

Ценности и смыслы публичной и народной дипломатии (на примере Кубы, Никарагуа и СССР)	132
---	-----

Кроленко-Филиппова Н.Ю.

Арсенал публичной дипломатии в урегулировании конфликтов (на примере СССР)	138
--	-----

Лебедева О.П.

Социальная экология в системе конфликтологического знания: войны и окружающая среда	145
---	-----

Новиков А.Б.

Медицинская и спортивная дипломатия в социокультурной сфере.....	152
--	-----

Питайкина И.А.

Поверх барьеров: научная и народная дипломатия как канал коммуникации в условиях кризиса доверия.....	159
---	-----

Реброва Т.П., Васильева И.Н., Богатова Р.С.

Анализ инициатив форума Россия — Исламский мир по вопросам укрепления позиций сотрудничества со странами Ближнего Востока	172
---	-----

Рылева А.Н.

Публичная и народная дипломатия: синергия усилий в реализации внешнеполитических задач России — от парламентских механизмов и научной дипломатии до цифровых платформ гражданского общества	186
---	-----

Свиридов И.В.

Глобальная конкуренция в области ИКТ и актуальные вопросы цифрового суверенитета государства в контексте публичной дипломатии	191
---	-----

Семенов В.О.

Русский ПЕН-Центр: литературная платформа для синергии публичной и народной дипломатии	207
---	-----

Сулейманян А.Г.

Россия и стратегия «мягкой силы» или как стать «культурным героем»?	214
--	-----

Табаринцева-Романова К.М.

Трансформационная сила как «зонтичная» система «мягкой» силы: лингвистический, эмоциональный и эстетические повороты в практике публичной дипломатии	220
---	-----

Шевцов В.С.

Народная дипломатия и народная наука. О нашем (белорусском) опыте	228
--	-----

Эльц Е.Э.

Общая историческая память как интегративный вектор развития информационного и образовательного пространств СНГ	235
--	-----

Р.М. Байгулов

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Университета мировых цивилизаций
baygulov2018@mail.ru

С.С. Илюхина

кандидат технических наук, доцент,
Московский авиационный институт (национальный исследовательский
университет), г. Москва
sana18@mail.ru

НЕЙРОСЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ ДЛЯ МОНИТОРИНГА ПРОЕКТОВ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРМАНЕНТНОЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

R.M. Baigulov

Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher University of World Civilizations
baygulov2018@mail.ru

S.S. Ilyukhina

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute
(National Research University), Moscow
sana18@mail.ru

NEURAL NETWORK ANALYSIS OF DIGITAL DIPLOMATIC COMMUNICATIONS FOR MONITORING TECHNOLOGICAL RECONSTRUCTION PROJECTS UNDER CONDITIONS OF PERMANENT GEOECONOMIC INSTABILITY

Аннотация. В статье представлена авторская методика нейросетевого анализа цифровых дипломатических коммуникаций и модель, предназначенная для мониторинга и прогнозирования реализации проектов технологической реконструкции в условиях перманентной геоэкономической нестабильности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оперативного выявления сигналов о формировании технологических альянсов и изменении инвестиционных стратегий в

сфере высокотехнологичного восстановления инфраструктуры. На основе методов обработки естественного языка (NLP) и трансформерных архитектур (BERT, GPT) разработана модель классификации дипломатических текстов по критериям тональности, субъектности и модальности в отношении проектов реконструкции. Эмпирическую базу составили корпуса официальных заявлений внешнеполитических ведомств, стенограммы многосторонних переговоров и публикации специализированных СМИ за 2024-2026 гг. Предложен инструментарий верификации результатов через экспертное анкетирование, представлен проект анкеты и алгоритм математической обработки данных. Результаты моделирования сценариев развития на примере макрорегионов (Центральная Азия, Ближний Восток) демонстрируют прогностическую ценность подхода.

Ключевые слова: нейросетевой анализ, цифровая дипломатия, технологическая реконструкция, геоэкономическая нестабильность, NLP-модели, мониторинг коммуникаций, проекты реконструкции, трансформерные архитектуры, экспертное анкетирование, сценарное прогнозирование.

Abstract. The article presents an original method of neural network analysis of digital diplomatic communications designed for monitoring and forecasting the implementation of technological reconstruction projects under conditions of permanent geoeconomic instability. The relevance of the study is determined by the need for rapid identification of signals about the formation of technological alliances and changes in investment strategies in the field of high-tech infrastructure restoration. Based on natural language processing (NLP) methods and transformer architectures (BERT, GPT), a model for classifying diplomatic texts by criteria of sentiment, subjectivity, and modality regarding reconstruction projects has been developed. The empirical base comprises corpora of official statements from foreign policy departments, transcripts of multilateral negotiations, and publications from specialized media for 2024-2026. A toolkit for verifying results through expert surveying is proposed, including a draft questionnaire and an algorithm for mathematical data processing. The results of scenario modeling for macro-regions (Central Asia, the Middle East) demonstrate the prognostic value of the approach.

Key words: neural network analysis, digital diplomacy, technological reconstruction, geoeconomic instability, NLP models, communication monitoring, reconstruction projects, transformer architectures, expert surveying, scenario forecasting.

Рассматривая цифровую дипломатию как источник данных для анализа технологической реконструкции, необходимо отметить, что в современных условиях перманентной геоэконо-

мической нестабильности, характеризующейся фрагментацией глобальных рынков, санкционным давлением и борьбой за технологический суверенитет, проекты технологической реконструкции (восстановление и модернизация промышленных, транспортных и энергетических объектов) приобретают ключевое значение. Информация о намерениях, планах и ходе реализации таких проектов всё чаще содержится не в закрытых аналитических записках, а в открытых цифровых дипломатических коммуникациях: заявлениях МИД, коммюнике международных организаций, выступлениях официальных лиц, постах в верифицированных аккаунтах дипломатических ведомств.

Современная цифровая дипломатия, как отмечают многие современные исследователи, трансформируется под влиянием искусственного интеллекта и больших данных (Big Data), переходя от традиционных протокольных форматов к динамичным цифровым платформам [7]/ Объёмы генерируемых данных делают невозможным их «ручной» мониторинг, что обуславливает необходимость применения методов машинного обучения и, в частности, нейросетевого анализа.

Цель настоящего исследования — разработка и апробация методики нейросетевого анализа цифровых дипломатических коммуникаций для мониторинга проектов технологической реконструкции. Нами решались следующие задачи:

- во-первых, изучалось формирование репрезентативного корпуса текстов;
- во-вторых, решалась адаптация NLP-моделей¹ для классификации по заданным параметрам;
- в-третьих, осуществлялась верификация результатов экспертным сообществом;
- и наконец, предложено сценарное прогнозирование.

В ходе исследований авторами рассмотрены теоретико-методологические основания, а именно то, каким образом эволюцио-

¹ NLP-модели (Natural Language Processing — обработка естественного языка) — это программы на основе искусственного интеллекта, которые помогают компьютерам понимать, интерпретировать и генерировать человеческую речь (текст или голос). Простыми словами: это «переводчик» с человеческого языка на компьютерный.

нировал сформировавшийся концепт «технологическая реконструкция» в геоэкономическом дискурсе.

Понятие «технологическая реконструкция» выходит за рамки сугубо инженерного понимания. Поэтому в современном политологическом дискурсе оно трактуется как комплекс мер по обновлению производственных мощностей на новой технологической основе, реализуемый в условиях жёсткой международной конкуренции и с учетом технологического суверенитета [1]. Как подчёркивается в научной литературе, ИИ (AI) становится инструментом анализа рисков автоматизированных решений и моделирования переговорных стратегий [4].

Методология анализа цифровых дипломатических текстов, при проведении количественного анализа текстов в международных отношениях прошла путь от простых словарных методов до сложных архитектур глубокого обучения [8]. Так появились трансформерные модели (BERT¹, RoBERTa², GPT³), которые позволяют учитывать контекст, что критически важно для анализа дипломатического языка с его эвфемизмами и подтекстами. В российской науке накоплен успешный опыт применения нейросетей для создания баз данных и анализа дипломатического дискурса (проект РНФ № 25-28-01062)⁴ [1].

¹BERT — это нейросетевая модель от Google для понимания текстов. Bidirectional Encoder Representations from Transformers — перевод на русский: Двухнаправленные кодировочные представления от Трансформеров (или проще: Двухнаправленная трансформерная модель для представления языка).

²RoBERTa — это улучшенная и более мощная версия модели BERT. Robustly optimized BERT approach — перевод на русский: Основательно оптимизированный подход BERT (или Улучшенная версия BERT).

³GPT — это самая известная нейросетевая модель, которая умеет разговаривать как человек, писать тексты, стихи, код и отвечать на вопросы. Generative Pre-trained Transformer — перевод на русский: Генеративный предварительно обученный Трансформер.

⁴Проект РНФ № 25-28-01062 — это проект, поддержанный Российским научным фондом в 2025 году. Название проекта: «Искусственный интеллект для подготовки технического задания специалиста-гуманитария. Опыт создания базы данных “Спецслужбы и силовые структуры в истории славянских стран в новейшее время (XX–XXI вв.)”». Дзюба Е.В., Кузякин А.Г. Искусственный интеллект для подготовки технического

В ходе исследований теоретико-методологических основ можем приложить принципы формирования корпуса данных для нейросетевого анализа, которые должны отвечать требованиям репрезентативности, хронологической полноты и жанрового разнообразия. При этом источниками для этого выступают:

- официальные сайты МИД (РФ, КНР, США, Франция, ФРГ, Индия, Турция, ОАЭ, Казахстан);
- базы данных ООН (цифровой архив Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности);
- стенограммы переговоров (представленные в открытом доступе);
- публикации специализированных СМИ (Коммерсантъ¹, Reuters², Bloomberg³) в части, касающейся дипломатических заявлений.

Все иноязычные тексты подвергаются машинному переводу с последующей постредактурой экспертом-политологом для сохранения смысловых нюансов.

задания. Опыт создания базы данных // Технологии ИИ в гуманитарных науках: опыт и перспективы использования: материалы науч. конф. (Москва, 10-11 июня 2025 г.). — М.: Институт славяноведения РАН, 2025. — С. 45–52. Эта публикация является промежуточным отчётом по данному гранту.

¹Коммерсантъ (часто сокращенно Ъ — «твердый знак») — это одна из самых известных и влиятельных ежедневных общественно-политических газет России. «Коммерсантъ» — это авторитетный источник, на который можно ссылаться при анализе внешнеполитических заявлений и экономических трендов, считается, что если новость опубликовал «Коммерсантъ», значит, она проверенная и заслуживает доверия.

²Reuters — это одно из крупнейших и самых известных в мире международных новостных агентств, это «глобальный поставщик новостей», которому доверяют СМИ, биржи и правительства по всему миру.

³Bloomberg — это глобальная компания, которая является одним из главных в мире поставщиков финансовой информации, а также крупное новостное агентство. Если Reuters — это «лента новостей для всех», то Bloomberg — это «профессиональный компьютер финансиста». Это система, без которой не работают банки, инвестиционные фонды и крупные компании по всему миру

С учётом предложенных принципов нами разработана модель нейросетевого анализа дипломатических коммуникаций со следующей архитектурой нейросетевой модели и выбор алгоритмов.

В основе модели — архитектура Transformer¹, для решения задачи классификации текстов по тональности и выявлению релевантных проектов реконструкции мы используем многослойную схему (табл. 1, описывается вербально).

Таблица 1

**Основных этапов многослойной схемы нашей модели
(авторская модель)**

Этапы	Характеристика
Этап 1 (предобработка)	токенизация ² , лемматизация ³ , удаление стоп-слов, нормализация.
Этап 2 (векторизация)	эмбединги ⁴ (word2vec, fastText) ⁵ с учётом домена — дипломатическая лексика.

¹ Transformer — это тип нейросетевой архитектуры, который произвел революцию в области искусственного интеллекта и лежит в основе всех современных языковых моделей, таких как GPT, BERT, RoBERTa и других. Transformer — «Трансформер» (от английского transform преобразовывать, трансформировать).

² Токенизация (от англ. tokenization) — это процесс разбивки текста на минимальные единицы — токены (слова, части слов или знаки препинания). Иногда используют термин «сегментация текста».

³ Лемматизация (от греч. lemma — основа слова) — это приведение слова к его начальной (словарной) форме с учетом части речи и грамматических правил. Иногда говорят «приведение к лемме» или «нормализация слова».

⁴ Эмбединги (от англ. embedding — встраивание, вложение) — это способ превратить слова (или другие объекты) в понятные для компьютера числа, которые к тому же отражают смысл этих слов (часто используют это слово без перевода). Также говорят «векторное представление» или «встраивание».

⁵ Word2Vec и fastText — это два знаменитых алгоритма (инструмента), которые научили компьютеры «понимать» значения слов, превращая их в числа (векторы). Они были очень популярны до появления BERT и GPT, но их идеи до сих пор используются. Word2Vec (от англ. Word to Vector — «слово в вектор»), fastText — (от англ. Fast Text — «быстрый текст»).

Этапы	Характеристика
Этап 3 (классификация)	ансамбль моделей — BERT-multilingual ¹ для понимания контекста и LSTM ² для учёта последовательности. Используется библиотека Transformers (Hugging Face) ³ , фреймворк PyTorch ⁴ .
Этап 4 (постобработка)	выделение именованных сущностей (NER) — страны, компании, персоналии, технологии, даты, финансовые параметры.

При этом целевыми признаками классификации принимаем:

- во-первых, тональность (позитивная / нейтральная / негативная) по отношению к конкретному проекту или стра-не-участнику;
- во-вторых, субъектность (кто является инициатором, пар-тнёром, оппонентом);

¹ BERT-multilingual – это многоязычная версия модели BERT, которая понимает тексты сразу на 100+ языках, включая русский, английский, китайский и многие другие. Перевод на русский язык – «Многоязычный BERT» или «BERT для множества языков». Обычный BERT (который мы обсуждали ранее) – это как профессор английского языка.

² LSTM – это тип нейросети, которая обладает памятью и умеет запо-минать важную информацию надолго, а ненужную – забывать. Перевод на русский язык – Long Short-Term Memory – «Длинная краткосрочная память» (или «Сеть долгой краткосрочной памяти»).

³ Hugging Face Transformers (Хаггинг Фейс Трансфóрмерс) – это самая популярная в мире библиотека с открытым исходным кодом, которая даёт возможность одним щелчком загружать и использовать тысячи готовых нейросетевых моделей (типа GPT, BERT, Llama) для решения задач с текстом, изображениями и звуком. Перевод на русский язык – дословно: «Обнимающее лицо» – это название компании, Transformers – «Транс-формеры», Hugging Face Transformers – «Библиотека Трансформеров от Hugging Face». Hugging Face Transformers – это как «единый пульт управления» для всех этих моделей.

⁴ PyTorch – это фреймворк (инструмент), на котором написаны сами модели и который выполняет все математические вычисления. Это «мо-тор» автомобиля. Hugging Face Transformers работает как универсаль-ный пульт, а PyTorch (или TensorFlow) — это как «двигатель» или «про-водка», которая обеспечивает работу этого пульта.

— и в-третьих, модальность (обещание / намерение / отчёт о выполнении / критика).

Для сбора и предобработки данных мы использовали Python-скрипты¹ (библиотеки requests, beautifulsoup4, selenium для динамических страниц)². Для работы с API³ социальных сетей (Telegram, X/Twitter) используются официальные API при соблюдении политик использования. Хранение данных организовано в нереляционной базе данных MongoDB⁴, что позволяет гибко работать с неструктурированными текстами.

На рис. 1 приведён пример кода для сбора данных (фрагмент), на языке программирования — python.

¹ Python-скрипты — это небольшие программы (файлы с кодом), написанные на языке Python, которые выполняют определённую последовательность действий: собирают данные, обрабатывают тексты, считают формулы или управляют нейросетями.

² Requests, BeautifulSoup4 и Selenium — это три самые популярные библиотеки Python для автоматизированного сбора данных из Интернета (парсинга). Они работают как звенья одной цепи: одна качает, вторая разбирает, третья делает то, что не могут первые две. Перевод: Requests — «Запросы». BeautifulSoup — «Красивый суп». Название взято из сказки про Алису в Стране чудес (стихотворение про «Суп из черепахи»). Selenium («Селен» — химический элемент). Selenium — это робот, который открывает настоящий браузер (Chrome, Firefox) и делает там всё, что делает человек: кликает по кнопкам, скроллит страницу, заполняет формы, ждёт загрузки картинок.

³ API (Application Programming Interface) — это посредник, который позволяет разным программам общаться друг с другом, запрашивать данные и выполнять команды, не вникая в то, как они устроены внутри. Перевод на русский язык — Application Programming Interface — «Интерфейс программирования приложений». Проще говоря — «программный интерфейс» или «набор правил для связи программ».

⁴ MongoDB — это гибкая база данных, которая хранит информацию не в скучных таблицах (как Excel), а в виде удобных документов, похожих на файлы JSON. Перевод на русский язык MongoDB (от англ. Humongous — «огромный»). Database — «База данных». MongoDB — «Огромная база данных».

```
import requests
from bs4 import BeautifulSoup
import pandas as pd

url = „https://mid.ru/ru/press_service/statements/”
response = requests.get(url)
soup = BeautifulSoup(response.text, ‘html.parser’)
statements = soup.find_all(‘div’, class_ = ‘state-
ment-item’)

# ... далее цикл сбора и сохранения
```

*Рис. 1. Фрагмент кода для сбора данных
(на языке программирования — python)*

Для оценки качества классификации используются стандартные метрики: accuracy, precision, recall, F1-мера¹. Тестирование проводится на размеченной вручную выборке (10% от общего корпуса). Целевые значения: $F1 > 0.85$ для всех классов.

¹ Accuracy, Precision, Recall, F1-мера — это четыре главные метрики (числовые показатели), которые используют, чтобы понять, насколько хорошо модель машинного обучения (например, NLP-модель для анализа дипломатических текстов) справляется со своей задачей. Простыми словами: это «школьные оценки для нейросети». Они показывают, сколько ошибок она делает и какие именно. Accuracy (Точность) — это самая простая и понятная метрика. Precision (Прэсижн) — Точность измерений. Эта метрика отвечает на вопрос: «Из того, что модель посчитала правильным, сколько действительно правильное?». Она наказывает за ложные срабатывания (когда модель сказала «да», а на самом деле «нет»). Recall (Рикол), в переводе — Полнота, чувствительность. Эта метрика отвечает на вопрос: «А сколько из всех реально существующих правильных объектов модель вообще нашла?».

Таблица 2

Результаты тестирования моделей на валидационной выборке

Модель	Accuracy	Precision	Recall	F1
BERT-multilingual	0.89	0.87	0.91	0.89
LSTM	0.82	0.80	0.84	0.82
Ансамбль (BERT+LSTM)	0.92	0.91	0.93	0.92

Рассмотрим работу нашей модели на эмпирических кейсах, т.е. на реальном опыте, наблюдении, а не на теории и проанализируем конкретные проекты технологической реконструкции.

Итак, Кейс 1 — Центральная Азия — водно-энергетический комплекс, в период 2024–2025 гг. дипломатическая риторика стран Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) демонстрировала повышенное внимание к совместным проектам строительства ГЭС и модернизации ирригационных систем. Нейросетевой анализ заявлений МИД и публикаций Евразийской экономической комиссии позволил выявить следующие тренды:

- во-первых, заметно смещение тональности в отношении российского участия от сугубо позитивной (2024) к «выжидательной» (2025) с акцентом на диверсификацию партнёров (Китай, ОАЭ);
- во-вторых, отмечен рост частоты упоминаний термина «water technology»¹ в контексте трансфера ноу-хау, а именно Water technology — это водные технологии или технологии очистки и управления водой, т.е. это все технические решения, которые помогают людям:
- добывать воду (из рек, озёр, под землей, из воздуха);
- очищать воду (делать грязную воду питьевой);
- экономить воду (умные системы полива, капельное орошение);
- опреснять соленую морскую воду (превращать ее в пресную).

¹Water technology — это водные технологии или технологии очистки и управления водой.

По своей сути, это «умные штуки», чтобы у людей всегда была чистая вода.

Кейс 2 — Ближний Восток — проекты «зелёной» энергетики и реконструкция портовой инфраструктуры — анализ цифровых коммуникаций МИД ОАЭ, Саудовской Аравии и Катар за 2025 г. показал консолидацию усилий вокруг проектов реконструкции портов (Дубай, Джидда, Доха) с применением технологий «умного порта» (Smart Port). Модель зафиксировала значительное увеличение (в 2.3 раза) числа позитивных упоминаний российских компаний в области СПГ-технологий в первой половине 2025 г., что коррелирует с подписанием ряда коммерческих соглашений во втором полугодии.

Для верификации выводов, полученных нейросетевым методом при анализе эмпирических кейсов, необходимо обращение к экспертам используя экспертное анкетирование и математическую обработку полученных данных. Как показывает опыт исследователей из Дипломатической академии МИД России, сочетание анкетирования и глубинных интервью позволяет получить наиболее достоверную картину.[6] В рамках данного исследования нами разработан проект анкеты рис. 2. и алгоритм обработки данных.

Уважаемый эксперт!

Приглашаем Вас принять участие в исследовании, посвящённом оценке достоверности результатов нейросетевого анализа цифровых дипломатических коммуникаций.

Раздел 1. Общая информация

1. Сфера Вашей экспертизы:

- Ближний Восток и Северная Африка
- Постсоветское пространство / Центральная Азия
- Азиатско-Тихоокеанский регион
- Европа
- Иное _____
- Стаж работы по специальности: ____ лет.

Раздел 2. Оценка конкретных выводов модели

* Ознакомьтесь, пожалуйста, с выводом модели (представленным ниже) и оцените его достоверность по 5-балльной шкале, где 1 — «абсолютно не соответствует действительности», 5 — «абсолютно соответствует».*

Вывод модели: «На основе анализа заявлений МИД стран Центральной Азии за март-октябрь 2025 г. модель зафиксировала снижение позитивной тональности в адрес российских технологических инициатив в водно-энергетической сфере на 17% по сравнению с аналогичным периодом 2024 г.»

Ваша оценка: 1 2 3 4 5

Комментарий: _____

Раздел 3. Открытые вопросы

3.1. Какие, на Ваш взгляд, наиболее значимые проекты технологической реконструкции в Вашем регионе не нашли отражения в цифровых дипломатических коммуникациях? Почему?

3.2. Каковы основные ограничения применения автоматизированного анализа к дипломатическим текстам?

Благодарим за участие!

Рис. 2. Проект анкеты для опроса экспертов, разработано авторами

Методология отбора экспертов в целевую группу включает специалистов-международников, востоковедов, экономистов, сотрудников аналитических подразделений (не менее 30 человек). В качестве основных критериев можно использовать наличие публикаций по теме, стаж работы от 5 лет, аффилиация с академическими или аналитическими центрами (ИМЭМО РАН, ИВ РАН, МГИМО, РСМД, Дипломатическая академия, вузы Луганска и Донецка).

Для обработки данных анкетирования в качестве метода математической обработки результатов анкетирования применяем метод описательной статистики (среднее, мода, стандартное отклонение) [13], а также коэффициент конкордации Кендалла¹ для оценки степени согласованности мнений экспертов. Для анализа открытых вопросов используется контент-анализ с выделением смысловых единиц.

Алгоритм обработки:

1. Формирование электронной базы ответов (Excel / SPSS).
2. Расчёт средних баллов по каждому утверждению.

¹ Коэффициент конкордации Кендалла (Kendall's W) — это статистическая мера, которая показывает степень согласия между несколькими экспертами (или критериями) при оценке каких-либо объектов.

3. Выявление «выбросов» (мнений, резко отклоняющихся от среднего).

4. Корректировка весов признаков в нейросетевой модели на основе экспертных оценок (обратная связь). Например, если эксперты указывают на неучтённый моделью фактор (культурная специфика), в модель вводится соответствующий корректирующий коэффициент.

Таким образом, в отношении развития проектов технологической реконструкции на 2026–2028 гг. на основе анализа динамики тональности и частотности упоминаний технологий с применением методов регрессионного анализа и цепей Маркова построены три сценария:

Первый, это **Инерционный** сценарий или базовый, когда сохраняется текущая геоэкономическая фрагментация. Где ключевые проекты реализуются в рамках макрорегиональных блоков (ЕАЭС, ШОС, БРИКС+). Будет наблюдаться рост числа заявлений о намерениях, однако их конверсия в реальные соглашения останется на уровне 40–45%. Поэтому, прогноз по водно-энергетическим проектам в ЦА в этом сценарий приведет к подписанию рамочных соглашений, но с задержкой финансирования.

Второй — **Оптимистичный** сценарий, т.е. кооперационный, где возможна частичная разрядка напряжённости с созданием временных технологических альянсов для решения конкретных задач, например, по климату, цифровизации границ и т.д. При этом анализ предполагает рост позитивных упоминаний российских технологий в коммуникациях стран Персидского залива примерно на 25–30%. Согласно прогнозу, это запуск пилотных проектов по реконструкции портовой инфраструктуры с участием российских операторов.

И наконец, третий сценарий — **Пессимистичный**, по своей сути это конфронтационный, т.е. будет происходить ужесточение санкционного режима, вторичные санкции в отношении участников проектов с РФ. При этом вырастет негативная тональность и модальность «предупреждения» в дипломатических текстах западных стран. И как прогноз, это в первую очередь заморозка или свёртывание ряда международных проектов, и соответственно переориентация на внутренние ресурсы.

Таблица 3

**Вероятность реализации сценариев
(по результатам моделирования)**

Сценарий	Вероятность, %	Ключевые индикаторы раннего предупреждения
Инерционный	55	Стабильная, но невысокая частота упоминаний
Оптимистичный	25	Рост позитивных упоминаний в незападных медиа
Пессимистичный	20	Появление негативных нарративов в официальных заявлениях G7

Таким образом, разработанная нами методика нейросетевого анализа цифровых дипломатических коммуникаций демонстрирует высокую эффективность для мониторинга проектов технологической реконструкции. В качестве основных выводов необходимо отметить следующее:

Во-первых, трансформерные архитектуры позволяют с высокой точностью (F1 до 0.92) классифицировать дипломатические тексты по параметрам тональности и модальности;

Во-вторых, выявляют корреляцию между динамикой цифровых коммуникаций и реальными экономическими соглашениями (лаг 3-6 месяцев);

В-третьих, верификация результатов через экспертное анкетирование является обязательным этапом, позволяющим скорректировать «слепые зоны» алгоритмов.

Основываясь на материалах наших исследований и соответственно выводов, рекомендуем для органов государственной власти и аналитических структур:

1. Внедрение систем автоматического мониторинга дипломатических коммуникаций по приоритетным направлениям технологического сотрудничества.

2. Создание двуязычных корпусов текстов (русский-английский / русский-китайский) для обучения специализированных NLP-моделей.

3. Проведение регулярных экспертных опросов для валидации результатов машинного анализа и обновления обучающих выборок.

Наши дальнейшие исследования будут связаны с интеграцией в модель данных экономической статистики и спутниковых снимков для мультимодального анализа проектов реконструкции в режиме реального времени.

Список литературы

1. *Байгулова А.Р., Байгулов Р.М.* Успехи антикризисной политики Испании // Региональная инновационная экономика: сущность, элементы, проблемы формирования, новые вызовы. Труды Шестой Всероссийской научной конференции с международным участием. Ульяновский государственный университет, редкол.: д.т.н., проф. Белый Е.М., д.э.н., проф. Иванова Т.Ю., к.э.н., доц. Рожкова Е.В. — 2016. — С. 30–32.
2. *Байгулов Р.М., Высоцкая Н.В.* Цифровая трансформация экономики РФ как приоритетная стратегия для обеспечения технологического суверенитета через совершенствование планирования и прогнозирования // Вестник евразийской науки. — 2025. — Т. 17, № 5.
3. *Дзюба Е.В., Кузякин А.Г.* Искусственный интеллект для подготовки технического задания. Опыт создания базы данных // Технологии ИИ в гуманитарных науках: опыт и перспективы использования: материалы науч. конф. (Москва, 10-11 июня 2025 г.). — М.: Институт славяноведения РАН, 2025. — С. 45–52.
4. *Цветкова Н.А.* Применение искусственного интеллекта в анализе внешней политики США: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2025. — № 4. — С. 12–27. — DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-12-27.
5. *Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2020. — № 2. — С. 37–47.
6. *Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.П., Трефилова Ю.А.* Экспертно-аналитическая поддержка внешнеполитической деятельности // Вестник МГИМО-Университета. — 2021. — Т. 14, № 5. — С. 22–48. — DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-22-48.
7. *Банчук-Петросова Е., Сулим Б.* Цифровая дипломатия: влияние искусственного интеллекта и больших данных на трансформацию дипломатической практики [Цифрова дипломатія: вплив штучного інтелекту та великих даних на трансформацію дипломатичної практики] //

- Empirio. — 2026. — Т. 3, № 1. — С. 49–58. — DOI: 10.18523/3041-1718.2026.3.1.49-58
8. Quantitative Text Analysis in International Relations: A Review and Perspective / APSA Preprints. — 2026. — 10 February. — <https://preprints.apsanet.org/engage/apsa/article-details/698ad63a4770e67d92feb570>
 9. Computational diplomacy // GESDA Science Breakthrough Radar. — 2026. — <https://radar.gesda.global/sub-topics/computational-diplomacy/>
 10. *Mostafaei H., Kordnoori Sh., Ostadrahimi M., Banihashemi S.S.A.* Applications of Artificial Intelligence in Global Diplomacy: A Review of Research and Practical Models // Sustainable Futures. — 2025. — Vol. 9. — P. 100486. — DOI: 10.1016/j.sftr.2025.100486.
 11. *Hafner-Burton E.M., Haggard S., Victor D.G.* Advisers and aggregation in foreign policy decision-making // American Political Science Review. — 2024. — Vol. 118, N 2. — P. 435-450. — DOI: 10.1017/S0003055424000081.
 12. *Кловацкий А.Ю., Байгулов Р.М., Байгулова А.Р.* Экономическое взаимодействие России и ЕС: сотрудничество или противостояние? // Актуальные вопросы экономики и финансов в условиях современных вызовов российского и мирового хозяйства. Материалы III Международной научно-практической конференции. — 2015. — С. 112–115.
 13. *Чернюк А.А., Илюхина С.С.* Тенденции цифровой трансформации регионов Российской Федерации // Мировые цивилизации. — 2025. — Т. 10, № 1. — С. 34–40.

А.А. Бартош

кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук,
аналитик Отдела стратегического анализа и военно-политических исследований
Московского института социологических исследований
aerointel@mail.ru

ФАКТОРЫ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

A.A. Bartosh

Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the
Academy of Military Sciences, Analyst at the Department of Strategic Analysis and
Military-Political Studies at the Moscow Institute of Sociological Research
aerointel@mail.ru

PUBLIC DIPLOMACY FACTORS IN HYBRID WARFARE

Аннотация. Целью статьи является представление значимости фактора сетцентричности при организации взаимодействия классической и публичной дипломатии в гибридной войне. Актуальность обусловлена высокими темпами формирования новой мирополитической системы, что требует радикальной перестройки форм и способов информационно-психологического воздействия как ключевого инструмента гибридного военного конфликта. Новизна заключается в проведении системного сопоставительного анализа факторов классической и публичной дипломатии и вытекающих из анализа выводов по прогнозированию механизмов их взаимодействия.

Ключевые слова: дипломатия, гибридная война, взаимодействие, факторы, стратегия.

Abstract. The purpose of this article is to demonstrate the importance of network-centricity in organizing interactions between classical and public diplomacy in hybrid warfare. This topic is relevant given the rapid pace of formation of a new world political system, which requires a radical restructuring of the forms and methods of information and psychological influence as a key tool in hybrid military conflict. The novelty lies in conducting a systematic comparative analysis of the factors of classical and public diplomacy and the resulting conclusions for predicting the mechanisms of their interaction.

Key words: diplomacy, hybrid warfare, interaction, factors, strategy.

В стратегии гибридной войны публичная дипломатия трансформируется из классического инструмента культурного обмена в механизм стратегического воздействия, направленный на изменение общественного сознания и политической среды страны-мишени.

Ключевые направления деятельности публичной дипломатии в гибридной войне

Британский военный теоретик Б.Х. Лиддел-Гарт во введении к своей книге «Стратегия не прямых действий» утверждает, что: «Метод не прямых действий... является законом жизни во всех областях, философской истиной. Оказалось, что его применение служит ключом к практическому решению любой проблемы, решающим фактором в которой является человек, когда противоречивые интересы могут привести к конфликту. Во всех таких случаях прямой натиск новых идей вызывает упорное сопротивление, увеличивая, таким образом, трудность изменения взглядов. Изменение взглядов достигается более легко и быстро незаметным проникновением новой идеи или же посредством спора, в котором инстинктивное сопротивление оппонента преодолевается обходным путём... Как и в войне, цель состоит в том, чтобы ослабить сопротивление прежде, чем пытаться преодолеть его, и это лучше всего достигается выманиванием противной стороны из занимаемых ею оборонительных позиций»¹.

Таким образом, способность публичной дипломатии как средства «мягкой силы» служить инструментом, обеспечивающим «мягкое» влияние разума одного человека на разум другого, есть важнейший фактор решения стратегических задач в конфликтах современности, а не прямые действия, включая публичную дипломатию, являются важной составляющей этого фактора.

В гибридной войне публичная дипломатия (далее ПД) фокусируется на нескольких ключевых направлениях для достижения стратегических целей:

¹ *Лиддел-Гарт Б. Стратегия не прямых действий / пер. Б. Червякова, И. Козлова, Б. Любимова. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. — 464 с.*

Во-первых, это культурно-мировоззренческая сфера, где главная цель ПД заключается в подрыве традиционных ценностей, национальной идентичности и исторической памяти.

Во-вторых, политическая система, дестабилизация которой с опорой на приёмы и методы ПД осуществляется через поддержку оппозиции, влияние на выборы и манипулирование политическими процессами.

В-третьих, это общественное сознание как объект информационно-психологического воздействия посредством распространения дезинформации, манипуляций СМИ и поляризации общества для снижения сопротивления внешнему влиянию.

И, наконец, это международное позиционирование ПД страной-агрессором как инструмента гибридной войны посредством формирования негативного образа страны-мишени на глобальной арене для её изоляции и ослабления дипломатических позиций.¹

Синергия деятельности ПД призвана обеспечить конечные стратегические цели, которые включают ослабление государственного суверенитета, смену политического курса в пользу агрессора, подрыв региональной стабильности и в перспективе — установление форм косвенного контроля над страной-мишенью.

Роль и эффективность ПБ в гибридной войне обеспечиваются сочетанием ключевых факторов, которые в общем виде заключаются в следующем:

- Дуализм функций, поскольку публичная дипломатия сочетает легитимные культурно-коммуникационные функции с подрывными действиями, направленными на навязывание чуждых ценностей, подрыв суверенитета и создание контролируемого хаоса и подготовку цветной революции в стране-мишени.
- Сетецентричность и децентрализация, когда влияние осуществляется через сеть государственных и негосударственных участников (НПО, СМИ, экспертные группы). При этом часть контента ПД генерируется инициативами «снизу» без прямого приказа, но центральная роль госу-

¹ Бартош А.А. Публичная дипломатия Запада как катализатор гибридных войн и цветных революций // Дипломатическая служба. — 2017. — № 5 (74). — С. 38–53.

дарства-агрессора сводится к координации и поддержке основных направлений использования ПБ. Сетецентричность — концепция, которая предполагает создание единой информационной сети для достижения целей в публичной дипломатии и других сферах. Сетецентричность и цифровизация превратила и публичную дипломатию из инструмента «мягкой силы» в мирное время в высокоэффективное оружие информационно-психологического воздействия в гибридных конфликтах.¹ Сетецентричность придаёт ПД способность медленно и непрерывно подрывать внутреннюю стабильность государства, при этом оставаясь в «серой зоне», где традиционные дипломатические и силовые методы ответа оказываются малоэффективными. Главное внимание в стратегии ПД уделяется информационно-когнитивному воздействию, направленному на завоевание информационного превосходства, разрушение цивилизационного кода, размывание национальной идентичности и манипуляции общественным сознанием для формирования нужной картины мира.²

- Публичной дипломатии присуща высокая синергия с другими инструментами гибридной войны, когда ПБ интегрируется с экономическим давлением, кибератаками, поддержкой НПО и локальных элит для комплексного воздействия на все сферы общественной жизни государства-мишени.
- Публичная дипломатия активно действует в «серой зоне» как театре гибридной войны, где действия ПД сознательно остаются ниже порога открытой военной агрессии, что создаёт проблемы с атрибуцией и затрудняет ответные меры, сохраняя возможность правдоподобного отрицания.
- Стратегия ПД рассчитана на долгосрочный характер и адаптивность в длительной перспективе и направлена на

¹ Балувеский Ю.Н., Пухов Р.Н. Цифровая война — новая реальность // Россия в глобальной политике. — 2025. — Т. 23, № 6. — С. 60–68.

² Когнитивная безопасность медиапространства / под ред. И.Ф. Кефели, Б.Я. Мисонжникова. — Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2025. — 618 с.

постепенное «удушение» ключевых сфер государства. Методы ПД постоянно адаптируются к политическому контексту и используют контролируемую неопределённость.

Публичная дипломатия в гибридной войне представляет собой системный инструмент долгосрочного непрямого воздействия. Её главная опасность заключается не в отдельных акциях, а в способности незаметно менять ценностные ориентиры, разрушать внутреннюю сплочённость и подготавливать условия для достижения стратегических геополитических целей без применения прямой военной силы.

Современные реалии требуют от государств развития общественного и информационного иммунитета к враждебным попыткам влияния ПБ, а от классической дипломатии — поиска новых форматов и инструментов для противодействия этим вызовам, поскольку традиционные дипломатические методы часто оказываются неэффективными.

Суть и проявления сетецентричности в публичной дипломатии

Иными словами, сетецентричность в ПБ обеспечивает переход от иерархических моделей управления к сетевым, в результате чего традиционная централизованная пропаганда уступает место децентрализованным социальным сетям влияния, где множество участников (государственные СМИ, блогеры, неправительственные организации, активисты) действуют скоординировано, но автономно, что затрудняет противодействие.

Социальные сети формируют так называемое «цифровое ядро», вокруг которого группируются СМИ и искусственный интеллект которые становятся основными инструментами для быстрого формирования каналов информационного воздействия, создания и распространения информационного контента. Важной особенностью сетецентричности является её способность ускорять размывание границ, стирать границы между дипломатией, информационно-психологическим воздействием и другими инструментами гибридной войны (кибератаки, поддержка протестов, экономическое давление).

Ключевыми взаимосвязанными стратегическими целями сетевцентричной публичной дипломатии в гибридной войне являются легитимизация своих действий и делегитимизация действий противника. В этих целях возможности ПБ используются для создания положительного образа своих действий и подрыва доверия к правительству и институтам страны-мишени. В рамках информационно-психологической войны сетевцентричное управление ПБ используется для усиления внутренних социальных и политических разногласий для ослабления страны изнутри, для ускорения поляризации общества государства-противника и эрозии единства. Сетевцентричная ПБ обеспечивает дополнительные возможности для маскировки и создания эффекта двойственности при проведении информационно-психологического воздействия с опровержением причастности государства-агрессора, что усложняет атрибуцию и ответные меры.

Примерами практической реализации сетевцентричной публичной дипломатии в гибридной войне служат создаваемые в ЕС и НАТО программы по «инфооперациям» и «боевой дезинформации» (например, AgoraEU EC), финансирование независимых медиа и гражданского общества в странах-мишенях, активное использование цифровой дипломатии официальными лицами.

В ближайшей перспективе ожидается расширенное использование для информационно-психологического воздействия на сознание людей синтетических сообщений, созданных искусственным интеллектом (ИИ). Широко используется взаимодействие с неправительственными организациями и активистами-оппозиционерами в государствах-объектах гибридной войны, а также использование сетей организованной преступности для диверсий, подготовки прокси-войн.

Внедрение сетевцентричных методов в публичную дипломатию влечёт за собой неопределенность и повышает анонимность источников информационных сообщений. Для классической дипломатии децентрализованный характер действий ПБ усложняет атрибуцию и ведение переговоров, поскольку сложно определить, кто является ответственной стороной и с кем вести диалог.

Даже при достижении определённых договоренностей по деэскалации враждебных действий в информационной среде

на государственном уровне сложно остановить и поставить под контроль активность негосударственных сетевых участников. Санкции и контрмеры также непросто отменить из-за их институциональной инерции.

В результате углубляется кризис классической дипломатии, которая зачастую вынуждена заниматься не миротворчеством, а становиться инструментом гибридной войны.

Таким образом, сетцентричность способствует превращению публичной дипломатии из средства «мягкой силы» в высокоэффективное оружие информационно-психологического воздействия в гибридных конфликтах. Ее главная опасность — в способности медленно и непрерывно подрывать внутреннюю стабильность государства, при этом оставаясь в «серой зоне», где традиционные дипломатические и силовые методы ответа оказываются малоэффективными.

Сопоставительный анализ классической и публичной дипломатии

При проведении сравнительного анализа ключевых факторов публичной дипломатии в условиях мира и гибридной войны важно понимать, что гибридная война стирает грань между миром и войной, превращая публичную дипломатию в одно из полей постоянного противоборства. Сопоставительный анализ факторов классической и публичной дипломатии в мирное время и в гибридной войне представлен в табл. 1.

Таблица 1

Факторы ПБ	Мирное время	Гибридная война
Цели и задачи публичной дипломатии	Построение долгосрочного позитивного имиджа, развитие взаимопонимания, культурный и академический обмен.	Достижение тактических преимуществ, подрыв легитимности и социальной сплоченности противника, защита собственного информационного пространства.

Факторы ПБ	Мирное время	Гибридная война
Методы и инструменты	Открытый культурный диалог, международные образовательные программы и обмены, работа с неправительственными организациями	Целенаправленные кампании дезинформации и манипулирование информацией, использование социальных сетей для поляризации общества, поддержка прокси-групп (политических, сепаратистских движений, радикальных оппозиционных СМИ)
Целевая аудитория и каналы коммуникации	Международные организации, широкая иностранная общественность, элиты, диаспоры через официальные и традиционные каналы	Конкретные уязвимые социальные группы противника, внутренняя оппозиция через цифровые платформы и неформальные сети
Правовые и этические рамки	Действие в рамках международных норм, прозрачность	Намеренное создание правовой неопределенности, скрытность, отрицание участия, использование «серых зон»
Оценка эффективности и горизонт планирования	Долгосрочные позитивные изменения качественных показателей, таких как уровень межгосударственных отношений, инвестиционная активность, торговые и культурные отношения	Краткосрочные тактические показатели (охват подрывного информационного воздействия, уровень социальной напряженности)

Проведенный анализ показывает, что публичная дипломатия в эпоху гибридных войн сталкивается с рядом фундаментальных вызовов:

Во-первых, вызовы в сфере управления и контроля. Гибридная война часто ведется децентрализованно, с вовлечением негосударственных участников, частных военных кампаний (ЧВК), радикальных сепаратистских и националистических движений, сил

специальных операций. Такой спектр участников делает крайне сложным не только ее ведение, но и деэскалацию и прекращение гибридного противоборства, даже при наличии политической воли¹. Санкции, однажды введенные, трудно отменить из-за институциональных ограничений.

Во-вторых, гибридная война создаёт новую «гибридную» реальность. Противоборство может длиться годами, девальвируя традиционные дипломатические усилия и соглашения. Характерное для серой зоны состояние «ни мира, ни войны» становится постоянно действующим фактором межгосударственного противоборства.

В-третьих, общества с развитыми цифровыми инфраструктурами особенно уязвимы для дезинформации, которая подрывает доверие к институтам и размывает общую картину реальности.

В-четвёртых, в гибридной войне создаваемые и финансируемые противником прокси-группы выступают как фактор дестабилизации и войны чужими руками. На Украине многолетняя информационно-психологическая обработка населения в духе русофобии и национализма привела к гражданской войне в 2014 г. и сделала необходимой проведение СВО. Привлечение военизированных формирований (как в Ираке, Нигерии, Сомали, самопровозглашённом Косово) может дать краткосрочный тактический выигрыш, но в долгосрочной перспективе подрывает государственную монополию на насилие и становится угрозой для послевоенного урегулирования.

И, наконец, как классическая, так и публичная дипломатия становятся объектами гибридизации дипломатии как всеобъемлющего процесса, при котором официальная дипломатия смешивается с публичной, а традиционные дипломатические методы и институты трансформируются, размываются и дополняются новыми участниками, инструментами, технологиями и подходами. Это связано с радикальными изменениями в международных отношениях, обусловленными глобализацией, действиями некоторых трудно прогнозируемых политических лидеров, информационно-коммуникационной революцией, развитием и

¹ Бартош А.А. Эскалация гибридной войны. — Москва: Горячая линия-Телеком, 2025. — 263 с.

применением стратегий гибридных войн. О.Ю. Пашкевич, автор статьи «Гибридная дипломатия как вербально-прагматический инструмент в политическом дискурсе» рассматривает гибридную дипломатию как комбинацию традиционной и инновационной дипломатии, адаптированную под современные условия международных отношений¹.

Стратегия сетецентричной публичной дипломатии строится на том, что государство больше не является единственным действующим субъектом в дипломатии и должно выстраивать партнерские отношения с неправительственными структурами, такими как организации гражданского общества, компании, аналитические центры, формируя гибкую и настроенную на сотрудничество и взаимодействие сеть. Информационно-психологическое воздействие как инструмент гибридной войны является ключевым элементом для создания и функционирования такой сети.

Фактор сетецентричности способствует переходу публичной дипломатии от традиционной, государственно-центричной, односторонней модели к многополярной, основанной на сотрудничестве, сетевых отношениях и цифровом взаимодействии в новой модели. Ключ к успеху сетевой публичной дипломатии заключается в нахождении тонкого баланса между использованием уникальных преимуществ негосударственных участников и обеспечением их согласованности с национальными стратегическими целями. Будущая дипломатическая практика будет все больше зависеть от способности выстраивать и управлять такими сложными, но эффективными глобальными сетями отношений.

Разработка дипломатических инструментов для прекращения гибридной войны — одна из ключевых задач для будущего дипломатии как института, для чего требуется адаптация классической и публичной дипломатии к цифровой эре, включая регулирование

¹ Пашкевич О.Ю. Гибридная дипломатия как вербально-прагматический инструмент в политическом дискурсе // Сборник материалов всероссийской молодежной научной конференции «Гуманитарная дипломатия: личность, социум и мир» (Екатеринбург, 20-21 апреля 2018 г.). — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. — С. 114–118. — https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/63584/1/978-5-7996-2408-8_2018_22.pdf

технологических платформ и сетей, развитие способности населения отличать истинную информацию от ложной, укрепления взаимосвязи и доверия между государством и обществом.

Будущее публичной дипломатии будет зависеть от ее способности работать в условиях новой, более сложной и многосферной реальности.

В.И. Винокуров

д.и.н., профессор, почётный профессор Дипломатической академии МИД РФ,
руководитель Центра военно-дипломатического анализа и оценок,
Дипломатическая академия МИД России
vin46@mail.ru

ПУБЛИЧНАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

V.I. Vinokurov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Professor of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Head of the Center for
Military-Diplomatic Analysis and Assessments, Diplomatic Academy of the Ministry of
Foreign Affairs of Russia
vin46@mail.ru

PUBLIC, PUBLIC AND CULTURAL DIPLOMACY AS COMPONENTS OF «SOFT POWER»

Аннотация. В статье дается определение официальной, публичной, культурной и общественной дипломатии, вскрывается дуализм их функций, подчеркивается роль и место в отстаивании национальных интересов и формировании объективного образа государства за рубежом.

Ключевые слова: внешняя культурная политика, публичная дипломатия, культурная дипломатия, общественная дипломатия, «мягкая сила», национальные интересы, авторитет государства.

Abstract. The article defines official, public, cultural and social diplomacy, reveals the dualism of their functions, emphasizes the role and place in upholding national interests and forming an objective external image.

Key words: foreign cultural policy, public diplomacy, cultural diplomacy, public diplomacy, “soft power,” national interests, state authority.

Характерной чертой современных международных отношений стала острейшая конкуренция государств за влияние на обще-

ственное мнение, привлечение его на свою сторону, формирование внешнего образа своей страны, соответствующего её внешней политике и национальным интересам.

Значительным потенциалом на этом направлении деятельности дипломатии как средства внешней политики государства обладают публичная, культурная и общественная дипломатия, которые нацелены на открытый диалог, сопоставление позиций, создание благоприятного климата для развития международного взаимодействия. В этом контексте они являются по существу стратегическим ресурсом официальной (классической) дипломатии.

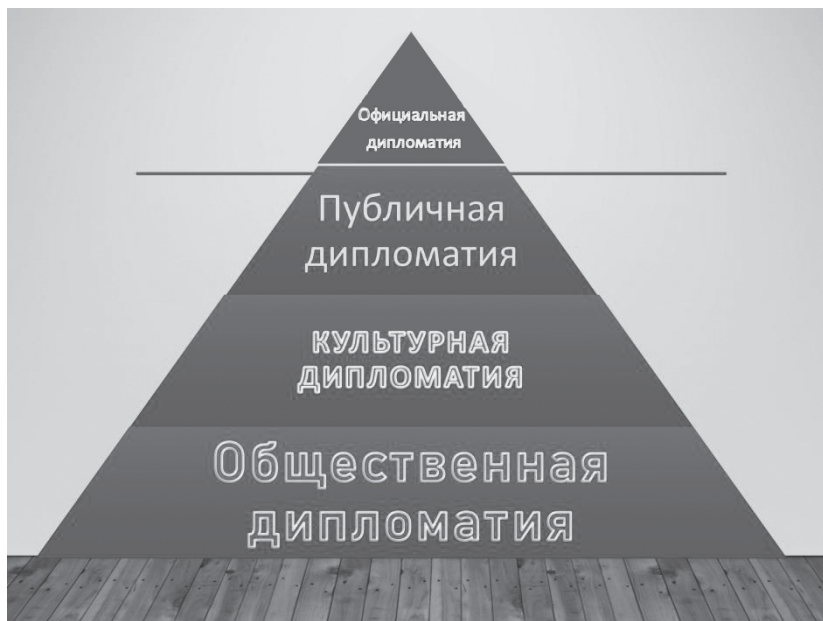

Рис. 1. Сочетание официальной, публичной, культурной и общественной дипломатии

Как известно, **официальная (классическая, традиционная) дипломатия** — это средство осуществления внешней политики государства, представляющее собой совокупность невоенных практических мероприятий, приемов и методов, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач; офици-

альная деятельность глав государств и правительств, министров иностранных дел, ведомств за рубежом, делегаций на международных конференциях по осуществлению целей и задач внешней политики государства, защите прав и интересов государства и граждане за границей...¹.

Термин «**публичная дипломатия**» был введен в оборот в 1965 году Эдмундом Галлионом, деканом Флетчерской школы права и дипломатии Университета Тафтса. Согласно его определению, под публичной дипломатией понимается «формирование правительством отношения к стране за рубежом, способствующее взаимодействию отдельных заинтересованных групп и установлению межкультурной коммуникации»².

В связи с последним замечанием для публичной дипломатии характерно наличие двойственного набора функций:

- с одной стороны, как указано выше, она предоставляет возможность использования её позитивной функции для установления каналов межкультурной коммуникации;
- с другой стороны, каналы публичной дипломатии используются в негативном контексте для навязывания населению и правящей элите отдельных государств и их коалиций ложных ценностей и интересов, подрыва суверенитета, углубления межнациональной и религиозной розни, формирования образа врага.

По этой причине публичная дипломатия далеко не всегда встречает позитивную реакцию со стороны правительства государства-объекта. Её наступательный характер в современном мире обуславливается остротой противоречий между отдельными государствами и коалициями. Этот фактор превращает публичную дипломатию в важный инструмент воздействия на международные отношения, на политику, на диалог между сторонами с несовпадающими национальными интересами.

В переводе с английского «*public*» означает общественный, публичный, открытый, общедоступный и народный. Можно утверждать, что «народный» и «общественный» являются произво-

¹ Дипломатический словарь, В 3 т. — М., 1984. — Т. 1. — С. 327.

² Цит. по: Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? // Публичная дипломатия. — Москва, 2017. — С. 37.

дными от «публичный», и таким образом возможны различные переводы оригинального выражения *public diplomacy*.

Джилл Шукер, бывший старший директор по связям с общественностью Национального совета безопасности США определяет публичную дипломатию как «эффективные коммуникации с общественностью по всему миру», существующие для того, чтобы понять, оценить и даже стремиться превзойти американские взгляды и идеи¹.

Алан Хенриксон, профессор истории дипломатии считает, что публичная дипломатия есть «способ проведения правительствами международных отношений через открытые СМИ и через взаимодействие с широким кругом неправительственных организаций (политические партии, корпорации, торговые ассоциации, профсоюзы, учебные заведения, религиозные организации, национальные группы и даже через индивидов) с целью оказания влияния на действия и политику других правительств»².

Сноу Крокер, директор центра имени Эдварда Мюрроу исходит из традиционного понимания публичной дипломатии как «действия правительства по влиянию на зарубежную общественность в процессе внешнеполитической деятельности»³.

В широком смысле понятие «публичная дипломатия» за рубежом характеризуют следующим образом: стремление государства вести свою внешнюю политику с помощью средств массовой информации, общественных и других организаций, среди которых политические партии, корпорации, торговые ассоциации, профсоюзы, образовательные учреждения, религиозные организации, этнические группы и прочие влиятельные организации и люди для того, чтобы иметь возможность оказывать влияние

¹ Шукер Дж.А. Вызов публичной дипломатии и роль правительства. — 2008. — 4 апреля. — <https://usepublicdiplomacy.org/>

² Хенриксон А. Суверенитет, дипломатия, демократия: меняющийся характер международного представительства — от государства к личности; Роль публичной дипломатии в современном мире (2018); открытая лекция о публичной дипломатии в Американском центре в Москве.

³ Сноу К. Публичная дипломатия и сотрудничество. — <https://vimeo.com/20911293?ysclid=mldvx9heo2578603955>

на политику, действия правительств других стран и на мировое общественное мнение в целом¹.

У нас в стране в аналитической справке Россотрудничества о публичной дипломатии дано следующее определение: «В широком смысле публичная дипломатия понимается как процесс коммуникации с зарубежной общественностью силами государственных и негосударственных игроков с целью косвенного влияния на общественное мнение и процессы принятия внешнеполитических решений в стране-партнере»².

Согласно Большой российской энциклопедии, публичная дипломатия — это система государственных и неправительственных институтов, вовлечённых во взаимодействие и диалог с зарубежным гражданским обществом в рамках продвижения национальных интересов государства.

Основные направления публичной дипломатии: 1) информационная политика и работа со СМИ, в том числе цифровая дипломатия; 2) образовательные программы и академические обмены; 3) экспертная дипломатия (деятельность аналитических центров); 4) программы широкого гуманитарного сотрудничества³.

Известный российский ученый А.В. Долинский видит в публичной дипломатии систему «взаимодействия с зарубежными обществами в политических целях», тогда как, по его мнению, общественная дипломатия должна пониматься либо как термин — синоним публичной демократии, либо как одно из ее направлений⁴.

¹ *Henrikson, A.* What Can Public Diplomacy Achieve? — <https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/What-can-public-diplomacy-achieve.pdf>; *Devai, D.* American Outlook on Public Diplomacy. — http://www.southeast-europe.org/pdf/04/DKE_04_A_D_Devai-Dora.pdf

² Управление информационного обеспечения Россотрудничества. — 2010.

³ Большая российская энциклопедия (1995–2024). — <https://bigenc.ru/c/publicnaia-diplomatia-051c87?ysclid=mlw1zouo6d26676085>

⁴ *Долинский А.В.* Диссертация на тему «Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии» (2011); статьи: «Дискурс о публичной дипломатии» (2011) и «Образовательные обмены в публичной дипломатии: российский и зарубежный опыт» (2014).

Таким образом, если подытожить содержание перечисленных формулировок, под публичной дипломатией следует понимать действия, направленные на достижение целей национальной внешней политики путём установления долгосрочных отношений, изучения общественного мнения за рубежом, информирования зарубежной аудитории с целью лучшего понимания ценностей и институтов собственного государства за рубежом. Публичная дипломатия продвигает национальные интересы и обеспечивает национальную безопасность путём изучения настроений за рубежом, воздействия на тех, кто формирует это мнение¹.

Субъекты российской публичной дипломатии представлены на рис. 2.

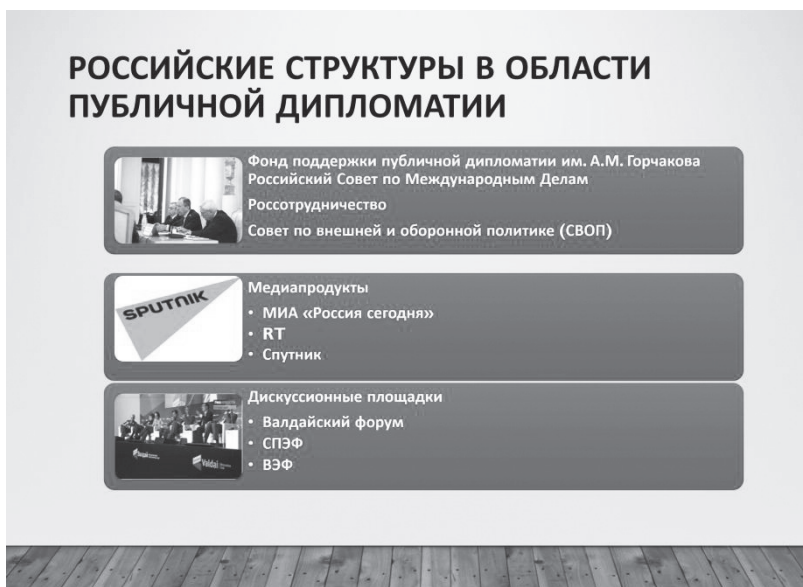

Рис. 2. Субъекты российской публичной дипломатии

Управление деятельностью российских сил и средств публичной дипломатией происходит на уровне высшего руководства

¹ *Винокуров В.И.* Роль публичной дипломатии в отстаивании национальных и коалиционных интересов (на примере США, НАТО и ЕС) // Дипломатическая служба. — 2020. — № 6. — С. 61–69.

страны, и непосредственные распоряжения по этим вопросам отдаются руководством пресс-служб первых лиц государства. Этот факт приводит к тому, что организация их деятельности носит строго вертикальный характер и усложняет горизонтальную кооперацию, что, в свою очередь, затрудняет систематическое и на повседневной основе руководство ими, а также проявление инициативы снизу.

Координацией их деятельности занимается Департамент информации и печати Министерства иностранных дел РФ, на который возложены задачи:

- участие в разработке и проведении мероприятий по информационному сопровождению внешней политики Российской Федерации;
- анализ международных проблем, затрагивающих сферу информационной безопасности, и обеспечение полноценного участия России в их разрешении;
- аккредитация корреспондентов иностранных СМИ в Российской Федерации и оказание им помощи в осуществлении их профессиональной деятельности.

Культурная дипломатия — вид (тип) дипломатии, включающий в себя обмен идеями, информацией, произведениями искусства и другими компонентами культуры между государствами и населяющими их народами с целью укрепления взаимопонимания. Это также одно из важных направлений деятельности центральных и зарубежных органов дипломатической службы с использованием многочисленных ресурсов культуры в целях укрепления мира и стратегической стабильности, развития межкультурного диалога и сохранения культурных ценностей. Помимо обеспечения защиты национальных интересов, культурная дипломатия занимается развитием межкультурного диалога, формирующего толерантное и уважительное отношение к чужой культуре и религии.

Многие специалисты называют культурную дипломатию стержнем публичной дипломатии государства, поскольку именно через культуру нация раскрывает миру свою идентичность, представляет свои ценности и идеи. В качестве главного аргумента данного вывода приводятся несколько факторов, оказывающих

влияние на культурную дипломатию государства — приоритеты внешней политики; стремление сформировать позитивный имидж; история страны; ресурсы и финансирование культурной политики; распространение и популярность государственного языка страны в мире; коммерческие интересы государства¹.

Одним из основных направлений культурной дипломатии является построение долгосрочных взаимоотношений с обычными людьми с помощью программ культурных и академических обменов, грантов и стипендий, тренингов, конференций, а также доступа к каналам информирования. Таким образом, культурные связи могут стать эффективным инструментом публичной дипломатии государства и внести вклад в формирование объективного внешнего образа страны.

Считается, что впервые о культурной дипломатии высказался один из основателей США Томас Джефферсон, который в 1785 году, будучи послом в Париже, писал Дж. Мэдисону о том, что с помощью культуры и искусства можно «развить вкус наших соотечественников, улучшить их репутацию, обеспечить им уважение и почет в мире»².

В нашей стране термин «культурная дипломатия» появился в 1930-х годах в СССР и изначально имел явно выраженный пропагандистский оттенок, поскольку характеризовал политику Советского государства. Американский исследователь Ф. Баргхорн определял это понятие как «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях»³. В самом деле, в 1920–1930-х годах руководство СССР было весьма заинтересовано в создании положительного имиджа государства на Западе. Начавшаяся в Советском Союзе индустриализация требовала привлечения зарубежных технологий и инженерно-технических кадров. Для достижения внешнеполитических целей

¹ *Holden J.* Influence and Attraction. Culture and the race for soft power in the 21st century // British Council. — www.britishcouncil.org

² Extract from Thomas Jefferson to James Madison. Paris, Sep. 20, 1785 // Monticello. — <http://tjrs.monticello.org/letter/1282>

³ *Barghoorn F.C.* The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. — Princeton, 1960.

советское руководство и использовало среди прочего направление культурной дипломатии.

В дальнейшем культурная дипломатия стала активно использоваться западными странами, и термин получил уже целиком позитивную интерпретацию, означая развитие культурных связей и их использование в международных отношениях для улучшения взаимопонимания между странами. Наиболее распространенная в современной литературе трактовка американского исследователя Милтона Каммингса-мл. определяет культурную дипломатию как «обмен идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать улучшению взаимопонимания». При этом культурная дипломатия является составной частью публичной дипломатии и представляет собой комплекс практических действий, имеющих стратегические и тактические цели в сфере культурного взаимодействия государств, международных организаций и других институтов¹.

В постсоветской России отправной точкой развития культурной дипломатии послужило утверждение в 2001 году основополагающего концептуального документа в области внешней культурной политики — «Основные направления работы Министерства иностранных дел Российской Федерации по развитию культурных связей России с зарубежными странами». В связи с его содержанием в отечественной литературе наряду с термином «культурная дипломатия» как синоним часто употребляется понятие «внешняя культурная политика», которая рассматривается как специфический инструмент достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества². В документе также подчеркивается, что взаимодействие дипломатии и культуры имеет давние исторические традиции и служит национальным интересам России.

¹ *Cummings M.C. jr. Cultural Diplomacy and the United States Government.* — Washington DC: Center for Arts and Culture, 2003. — P. 1.

² Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами // Официальный сайт МИД РФ. 13.02.2004. — <http://archive.mid.ru/ns-dksu.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/3ab2f674ebfae614c3256e39002d28a6?>

В деятельности культурной дипломатии России принимают участие Министерство культуры РФ, Министерство образования и науки РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство иностранных дел РФ и Федеральное агентство «Россотрудничество».

- Министерство культуры РФ отвечает за формирование стратегий, концепций, основных направлений и приоритетов развития международных культурных связей министерства; формирование объективного образа страны и популяризацию искусства народов России, а также за установление международного культурного обмена и сотрудничества.
- Министерство образования и науки РФ организует сотрудничество в области образования, науки, технологий и инноваций; проводит работу в сфере молодежной политики и защиты прав детей; в вопросах разработки предложений и концепций в области экспорта образовательных услуг Российской Федерации, их сопровождения и дальнейшей реализации, а также взаимодействия на многосторонней и двусторонней основе со странами дальнего и ближнего зарубежья, международными и региональными организациями.
- Департамент реализации проектов в сфере туристской деятельности Минэкономразвития обеспечивает выработку и реализацию государственной политики и нормативно-правовое регулирование, координацию деятельности по реализации приоритетных направлений госрегулирования туристской деятельности и осуществление госнадзора за деятельностью туроператоров. Департамент развития туризма Минэкономразвития, в задачи которого входит развитие туристического потенциала страны посредством создания условий для устойчивого роста отрасли, поддержания положительного имиджа и комплексного продвижения турпродуктов на российском и международном рынках.
- В соответствии с Положением о Министерстве иностранных дел Российской Федерации МИД осуществляет контроль за выполнением международных обязательств Российской Федерации в сфере культуры, координирует деятельность

других федеральных органов исполнительной власти в этой области и международные культурные связи субъектов Федерации¹. Культурное сотрудничество с зарубежными странами в соответствии с международной практикой включает довольно обширный круг связей в области культуры и искусства, науки и образования, средств массовой информации, молодежных обменов, издательского, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма, по линии общественных групп и организаций, творческих союзов и отдельных групп граждан.

Поэтому даже предложения о проведении переговоров и других международных мероприятий, а тем более заключение международных договоров межведомственного характера в обязательном порядке согласовываются с МИД РФ. Международные договоры, соглашения, конвенции, протоколы, программы составляют правовую основу международного культурного сотрудничества России и подлежат выполнению всеми государственными и негосударственными участниками культурных обменов. Они же и составляют основу культурной дипломатии — особой сферы дипломатической деятельности, связанной с использованием культуры в качестве объекта и средства достижения основополагающих целей внешней политики государства, создания благоприятного образа страны, популяризации культуры и языков ее народов.

Для обсуждения вопросов, связанных с использованием достижений культуры, науки и образования во внешнеполитических интересах России, а также согласования усилий по обеспечению дипломатическими средствами российского культурного присутствия за рубежом при МИД России в апреле 1999 года был создан Совет деятелей культуры, науки и образования. В соответствии с Положением о деятельности Совета он наделен функциями консультативного органа. В настоящее время в него входят 35 человек: руководители творческих союзов и ведущих учреждений культуры страны, представители науки и образования, видные деятели отечественной культуры и искусства.

¹ Положение о Министерстве иностранных дел Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации 14 марта 1995 г., № 271 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 42. Ст. 1033.

Практической реализацией внешней культурной политики России в центральном аппарате Министерства иностранных дел, помимо территориальных департаментов, занимаются Департамент по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям (ДМГК), Департамент международных организаций (ДМО) и Департамент по культурным связям и делам ЮНЕСКО (ДКСЮ). Последний в своей работе опирается на решения Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Департамент по многостороннему гуманитарному сотрудничеству и культурным связям МИД РФ координирует международные связи в области культуры, науки, искусства, молодежных обменов, образования и спорта. Указанный департамент призван также обеспечить разработку общей политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества, определение приоритетов на этом треке, подготовку межправительственных договоренностей, контроль за выполнением международных обязательств Российской Федерации и реализацией государственных программ в этой области. Он оказывает консультативную и практическую помощь как профильным государственным учреждениям, так и неправительственным структурам с учетом страновой специфики и запросов зарубежной аудитории. В этой связи департамент не дублирует функции Россотрудничества, которые нацелены на решение практических вопросов развития международных культурных и гуманитарных связей.

Особая роль в разработке и проведении внешней культурной политики принадлежит российским посольствам за рубежом, которые являются одним из важнейших звеньев в механизме осуществления двусторонних культурных связей. Как явствует из Положения о Посольстве Российской Федерации, основная задача дипломатического представительства в сфере культуры заключается в «обеспечении дипломатическими средствами развития сотрудничества Российской Федерации с государством пребывания в культурной области»¹. Руководит культурной работой посольства посол. Направления работы и ее формы вырабатывает

¹ Положение о Посольстве Российской Федерации. Утверждено Указом Президента Российской Федерации 28 октября 1996 г. № 1497 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Статья 5090.

Совет посольства по культуре, в который входят представители культурных учреждений, работающих с нашей страной, сотрудники посольства. Реализует решения Совета аппарат культурного атташе — карьерный дипломат в должности советника / 1 секретаря.

Культурный атташе (советник по культуре) поддерживает постоянные контакты с культурными ведомствами, учреждениями, организациями, деятелями культуры страны пребывания; руководит подготовкой и реализацией двусторонних программ, составлением культурных планов; готовит правовую базу культурных связей; участвует в поиске источников финансирования совместных проектов; рекомендует импресарио, которые могли бы проводить гастрольную деятельность наших артистов или организацию выставок, т.е. занимается живой и серьезной повседневной работой в рамках своего дипломатического статуса. От качественного уровня ее исполнения и эффективности в значительной степени зависит объем и формы культурного присутствия России в стране пребывания.

- Федеральное агентство «Россотрудничество» отвечает за продвижение русской культуры и достижений российских образования и науки за рубежом; укрепление позиций русского языка; поддержку соотечественников за рубежом; сохранение культурного наследия; проекты, нацеленные на укрепление международных связей, тесное сотрудничество в гуманитарной сфере и формирование объективного имиджа России за рубежом.

Большую работу по распространению объективной и разносторонней информации о духовно-культурной жизни России, организации изучения русского языка и проведению разнообразных культурно-просветительских мероприятий с целью ознакомления зарубежной общественности с культурной жизнью нашей страны проводят подчиненные Россотрудничеству Российские центры науки и культуры («Русские дома»)¹. В их стенах проводятся вы-

¹ До недавнего времени Агентство было представлено в 81 стране мира 98 представительствами и имело в распоряжении 74 центра науки и культуры в 62 странах, а также 24 представителя в составе посольств в 22 странах.

ставки работ российских художников, встречи с находящимися на гастролях известными артистами, прибывшими на соревнования именитыми спортсменами и т.д., устраиваются музыкальные вечера, функционируют курсы русского языка. Их сеть расширяется, они становятся стержневым компонентом нашей культурной работы за рубежом.

Таким образом, используя специфический инструментарий дипломатических форм и методов, культурная дипломатия содействует достижению основополагающих целей внешней политики России. Повышение ее эффективности напрямую зависит от квалификации и культурного уровня тех людей, которые заняты культурной дипломатией, от увеличения государственной поддержки культуры в целом, в том числе политической и финансовой. Опыт России и других крупных государств, которые расходуют на содержание механизма культурных связей значительные средства, свидетельствует что цель — формирование объективного международного культурного имиджа страны и ее народа — оправдывает все затраты, подтверждает необходимость и актуальность этого направления дипломатической деятельности для нашей страны.

Ныне перед Россией стоит задача найти новые культурные образы и символы и актуализировать старые для создания достойного имиджа страны и привлечения зарубежной аудитории. Как подчёркивал Сунь Цзы в своей известной работе «Искусство войны», «Сто раз сразиться и сто раз победить — это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить противника, не сражаясь».

Под **общественной (народной, англ. *citizen*) дипломатией** в широком смысле следует понимать исторически непрерывный процесс общения, взаимного познания народов, взаимовлияния и взаимообогащения культур, участие рядовых граждан, больших групп людей, неправительственных организаций в выработке и реализации политики страны на международной арене. Ныне на Западе взаимодействие между странами на уровне граждан и общественных объединений относят к понятию «дипломатия третьего трека» (англ. «*Track Three Diplomacy*»).

Определения народной и общественной дипломатии не имеют четкой формулировки: так, например, Д. Дэвидсон и Дж. Монтвилл, давая определение «*Track II Diplomacy*», делают упор на воздействие на психологический аспект восприятия проводимой политики массами: «... — это неофициальное, не структурированное взаимодействие. Она [дипломатия] всегда открытая, часто альтруистическая, и ... стратегически благоприятно настроена, основываясь на тщательном анализе ситуации. В её основе лежит предположение о том, что реальный или потенциальный конфликт может быть разрешен или ослаблен за счёт присущих каждому человеку благих намерений и разумных действий»¹.

Позднее Д. Дэвидсон и Дж. Монтвилль дополнили это определение следующими положениями:

- народная и общественная дипломатия позволяет политическим деятелям обезопасить себя от провала в отдельных политических диспутах, участниками которых они являются;
- через обработку общественного мнения, через контроль поступающей в массы информации эта дипломатия позволяет государству подготовить почву для более спокойного восприятия предпринимаемых шагов к мирному урегулированию проблем;
- народная и общественная дипломатия обеспечивает совместное экономическое развитие, провоцирует стимулы, институциональную поддержку и преемственность политических и психологических процессов².

В то же время Дж. Макдональд суть народной и общественной дипломатии объясняет следующим образом: народная и общественная дипломатия нацелена на снижение накала конфликта или его полное решение как на внутреннем, так и на межгосударственном уровне, посредством снижения существующей ненави-

¹ Davidson, W. D., Montville J. V. Foreign Policy According to Freud // Foreign Policy, — 1981-1982. — Vol. 45, Winter.

² Montville, J. Track Two Diplomacy: The Arrow and the Olive Branch // The Psychodynamics of International Relations. — 1991. — Vol. 2.

сти и напряженности в отношениях с помощью облегчения коммуникаций и улучшение понимания точек зрения обеих сторон¹.

В итоге народная и общественная дипломатия, по мнению Д. Дэвидсона и Дж. Монтвилла, — понятие, обозначающее альтернативную классическому представлению об официальной дипломатии деятельность на международной арене, направленную на выполнение совпадающих с последней целей внешней политики государства посредством инструментов, каналов, институтов, отличных от классических. Это означает, что народная и общественная дипломатия отличается от деятельности профессиональных дипломатов как представителей официальных правительственных ведомств различных государств («*Track I Diplomacy*»)².

Субъектами общественной дипломатии выступают различные образовательные, культурные, спортивные учреждения, народной — частные лица. Отличительная черта народной и общественной дипломатии — отсутствие прямой связи их деятельности с правительственными внешнеполитическими ведомствами.

В условиях глобальной взаимозависимости деятельность указанных субъектов может вызвать определенный, пусть и локального характера, национальный и международный резонанс со стороны граждан разных социальных классов и слоев, преследующих свои интересы.

В связи с этим народ, по мнению специалистов, представляет собой ценность как субъект дипломатической системы, поскольку в его силах установить контакт и достичь взаимопонимания между противоборствующими сторонами, добиться рассмотрения злободневных вопросов, построить или восстановить так называемое «социальное общество», урегулировать отношения между странами. По словам профессора практики международных переговоров и разрешения конфликтов в Школе права и дипломатии Флетчера Дианы Чигас, постулат «дипломатии третьего трека»

¹ Conflict Resolution: Track Two Diplomacy / Foreign Service Institute, US Dept. of State. — 1987.

² Великая А. Американо-иранская «вторая дорожка» дипломатии // Международная жизнь. — 2021. — № 10.

заключается в том, что мир может и должен быть достигнут как в направлении снизу-вверх, так и в направлении сверху-вниз¹.

К примеру, она отмечает случаи, когда простые граждане организуют мероприятия по оказанию социальной помощи людям, пострадавшим в ходе какого-либо вооруженного конфликта, а также культурные, творческие, информационно-образовательные мероприятия, конференции, различные совместные предпринимательские проекты, межрелигиозные встречи и т.д. и т.п. для сохранения мирных отношений.

Такого рода инициативы, с одной стороны, дают возможность гражданам посвятить свою деятельность вопросам поддержания мира и урегулирования конфликтов, будучи при этом в стороне от политических переговоров; с другой стороны, они способствуют достижению договоренности, которая впоследствии может найти отражение в общественном мнении, а также повлиять на решения правящей элиты. Однако, поскольку все эти действия исходят от народа, достигнутые соглашения зачастую кратковременны, так как для их полноценной реализации требуется как поддержка всего сообщества, так и эффективные направляющие действия некоторых неправительственных организаций.

На сегодняшний день оба понятия смогли прочно укорениться в российской научной и профессиональной литературе, получив дополнительно названия «гражданская дипломатия», «неофициальная дипломатия», «неправительственная дипломатия» и пр. Ныне народной и общественной дипломатии придают особую роль в связи с возможностью дополнительного влияния на урегулирование спорных вопросов между государствами, взаимодействие которых посредством традиционных каналов ограничено или заморожено. Обращение к этой разновидности дипломатии особенно уместно в условиях, когда официальная дипломатия по каким-либо причинам не эффективна.

В народной и общественной дипломатии нередки случаи, когда гражданские организации посредством СМИ тиражируют и распространяют определенную информацию под видом общественного мнения с тем, чтобы оказать давление на руководство страны,

¹ Chigas, D. Track II (Citizen) Diplomacy. — 2003. — <http://www.Beyond intractability.org/essay/track2-diplomacy>

склонив его к рассмотрению своих пожеланий и рекомендаций, а также с целью занять место за столом переговоров — что полностью противоречит индивидуальному характеру «гражданской дипломатии». Другими словами, гражданские организации, принимающие участие в «дипломатии «второго трека» не обязательно должны быть уполномоченными лицами или экспертами.

В основе публичной, культурной и общественной дипломатии лежат механизмы убеждения, основывающиеся на формировании объективного образа страны, опираясь на идеологическую, культурную и институциональную привлекательность. В условиях информационно-технологической революции публичная, культурная и общественная дипломатия превращаются в эффективную форму не прямых действий, связанных с оказанием влияния на граждан иностранного государства и направленных на продвижение национальных интересов путем налаживания диалога и информирования в интересах взаимопонимания. Тем самым в совокупности они способствуют сохранению единого культурно-цивилизационного наследия.

Благодаря этому публичную, культурную и общественную дипломатию относят к «мягкой силе». Но понятие мягкой силы гораздо шире, публичная, культурная и общественная дипломатии представляют собой лишь важные его составляющие как отдельное проявление «мягкой силы». Они выступают в роли процесса реализации «мягкой силы» на практике, непосредственного диалога между социальными группами, индивидами, государственными и негосударственными акторами, в отличие от традиционной вовлекая в сферу своей деятельности не только правительство, но прежде всего СМИ, неправительственные организации, представители деловых и академических кругов, деятелей культуры и искусства и отдельные личности.

Это проявляется, в частности, в одном из центральных направлений деятельности современной международной системы — **международном гуманитарном сотрудничестве**, основной целью которого является содействие сохранению и развитию потенциала людей всех стран, регионов и континентов, а главная функция — создание атмосферы взаимопонимания между государствами,

между населяющими их народами, взаимодействие в области развития человеческого потенциала.

Гуманитарному измерению Российской Федерации уделяется заметное внимание во всех концепциях внешней политики. В действующей ныне редакции от 31 марта 2023 г. содержится специальный раздел «Международное гуманитарное сотрудничество», непосредственно затрагивающий вопросы публичной, культурной и общественной дипломатии.

Рис. 3. Участие публичной, культурной и общественной дипломатии в международном гуманитарном сотрудничестве

В соответствии со ст. 43 концепции «в целях усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве, формирования ее позитивного восприятия за рубежом, укрепления позиций русского языка в мире, противодействия кампании русофобии, проводимой недружественными иностранными государствами и их объединениями, а также повышения взаимопонимания и укрепления доверия между государствами Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание:

1) популяризации и защите от дискриминации за рубежом отечественных достижений в сферах культуры, науки, образования

и искусства, а также укреплению образа России как государства, привлекательного для жизни, работы, учебы и туризма;

2) поддержке распространения русского языка и укреплению его позиций как языка международного общения, одного из официальных языков ООН и ряда других международных организаций, содействию изучению и использованию русского языка в иностранных государствах (прежде всего в государствах — участниках СНГ), сохранению и усилению роли русского языка в межнациональном и межгосударственном общении, в том числе осуществляемом на площадках международных организаций, защите русского языка от дискриминации за рубежом;

3) развитию механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества, молодежи, волонтерского, поискового и других общественных движений...;

5) содействию в формировании единого гуманитарного пространства Российской Федерации и государств-участников СНГ, сохранению многовековых цивилизационных и духовных связей народа России с народами этих государств»¹.

Таким образом, являясь стратегическим ресурсом официальной (классической) дипломатии, публичная, культурная и общественная дипломатия играют важную роль в создании благоприятного климата для развития мирового сообщества. В современных условиях они превращаются в эффективную форму не прямых действий, направленных на оказание влияния на граждан иностранных государств с целью формирования объективного внешнего образа собственного государства и продвижение его национальных интересов путем налаживания диалога в пределах своих компетенций.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». — <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090?ysclid=mlmfrfi8b812555221>

Список литературы

1. *Александров А.А.* Международное сотрудничество в сфере культурного наследия: учебное пособие / отв. ред. проф. В.И. Уколова. — М.: Проспект, 2009. — 176 с.
2. Большая пресс-конференция Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по внешнеполитическим итогам 2025 года. — https://vk.com/video-25232578_456333010
3. *Великая А.А.* Публичная дипломатия России и США. — М.: Аспект Пресс, 2023. — 192 с.
4. *Винокуров В.И.* Роль публичной дипломатии в отстаивании национальных и коалиционных интересов (на примере США, НАТО и ЕС) // Дипломатическая служба. — 2020. — № 6. — С. 61-69.
5. *Лазоркина О.И.* Культурная дипломатия // Электронная библиотека БГУ. — 2012. — / <https://elib.bsu.by/handle/123456789/27090?mode=full&ysclid=mlmgij9794764116487>
6. *Лебедева О.В.* Современные методы и практики дипломатии. — М.: Аспект Пресс, 2021. — 237 с.
7. *Мозель К.Н.* Культурная дипломатия России. Опыт практической работы: Курс лекций. — Москва: ДА МИД России, 2011.
8. *Наумов А.О.* Мягкая сила и публичная дипломатия. — М.: Издательство Московского университета, 2019. — 208 с.
9. *Паршин П.* Мягкая сила в лабиринте дискуссий (в теории международных отношений): монография. — 2020. — 285 с.
10. *Попов В.В.* Современная дипломатия. Теория и практика. — М., 2003.
11. Публичная дипломатия зарубежных стран: учебное пособие / под ред. А.Н. Панова, О.В. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2018. — 208 с.
12. *Шершнев И.Л.* Общественная дипломатия России в глобализирующемся мире: монография. — Москва: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2011. — 303 с.
13. *Kiehl W.P.* The Last Three Feet: Case Studies in Public Diplomacy. — 2014. — <https://archive.org/details/lastthreefeetcas0000will>

А.В. Демидов

кандидат политических наук. доцент Московского
гуманитарно-экономического университета
andrey.demidov@list.ru

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ПОТЕНЦИАЛ В БОРЬБЕ ЗА МИР

A.V. Demidov

PhD in Political Science, Associate Professor Moscow Humanitarian
and Economic University
andrey.demidov@list.ru

SCIENCE DIPLOMACY: THE POTENTIAL IN THE STRUGGLE FOR PEACE

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, могут ли современные ученые, в т.ч. российские ученые, на базе своих контактов с коллегами из стран Запада, внести позитивный вклад в смягчение нынешнего этапа международной напряженности.

Ключевые слова: Обострение международной обстановки, размещение ядерного оружия, информационная война, «Манифест Рассела-Эйнштейна», Пагуошское движение, научная дипломатия.

Abstract. The article examines the question of whether modern scientists, including Russian scientists, based on their contacts with colleagues from Western countries, can make a positive contribution to mitigating the current stage of international tension.

Key words: The aggravation of the international situation, the deployment of nuclear weapons, information warfare, the Russell-Einstein Manifesto, the Pugwash movement, scientific diplomacy.

Ни для кого не секрет, что в последние десятилетия международная обстановка вновь серьезно обострилась. После разрушения СССР появилось множество очагов напряженности как на постсоветском пространстве, так и по периметру границ Российской

Федерации. Вокруг нашей страны под лицемерными лозунгами «защиты демократии», «защиты западной цивилизации» все туже сжимается кольцо военных баз НАТО. Участились намеки на возможное размещение американского ядерного оружия у самых границ России — в Польше. Новое обострение чревато вследствие весьма агрессивных заявлений лидеров стран Запада, угрозой возникновения ядерной войны. На стороне противников нашей страны уже воюют военнослужащие государств-членов НАТО. По сути, практически все страны-члены Североатлантического альянса заявили о готовности выступить с оружием в руках против России.

Страны коллективного Запада вводят против России все новые серьезные экономические санкции, которые трудно охарактеризовать иначе, чем экономическая война. Некоторые западные политики без стеснения требуют «нанести стратегическое поражение» России.

Пропагандистский аппарат западных держав по аналогии с периодом «холодной войны» развязал против России мощнейшую информационную войну, безосновательно обвиняя нашу страну в агрессивности, в намерении спровоцировать новый военный конфликт. Западные политики, эксперты, журналисты заговорили о возросшей в свете происходящего угрозе новой мировой войны, которая неизбежно выльется в войну с применением ракетно-ядерного оружия. Без всякого на то основания заявляется, что Москва якобы грозит применением ядерного оружия.

Причем, что очень важно, подобная политика Запада в отношении нашей страны начала проводиться задолго до событий февраля 2022 г., она де-факто была запущена после того, как Россия продемонстрировала, свое несогласие с формированием однополярного мира.

Нет сомнения, целями упомянутой пропагандистской кампании являются, с одной стороны, подготовка общественного мнения своих стран к готовящемуся Западом вооруженному столкновению с Россией, а с другой, обоснование выделения на военные цели еще больших бюджетных ассигнований. А это, в свою очередь, диктуется амбициями монополистов военно-

промышленного комплекса западных стран, поскольку сулит им огромные прибыли.

Как отмечал в 50-х годах XX века английский ученый и общественный деятель Дж. Бернал, размах устремлений капиталистов-владельцев предприятий военно-промышленного комплекса, стремящихся к получению максимальной прибыли любой ценой, является источником опасности как для народов стран мира, так и для них самих¹.

В этой связи возникает вполне справедливый вопрос о том, каким же образом можно выйти из сложившейся сложной международной ситуации, что могло бы способствовать нынешней разрядке напряженности.

Размышления на указанную тему наводят на воспоминания о той роли, которую сыграли контакты советских и западных ученых в период «холодной войны». Их совместные выступления против угрозы ядерного конфликта, без всякого сомнения, оказали влияние на политиков, на государственных деятелей и способствовали снижению степени международной напряженности.

По свидетельству выдающегося советского и российского ученого Ж. Алферова, в конце 1940-х годов учёные многих стран мира, особенно после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, первыми поняли, что несёт с собой ядерное оружие. Одним из них был всемирно известный биолог и биохимик Лайнус Полинг. Он четко представлял последствия радиации, которая изменяет наследственность и приводит к радиационным мутациям и онкологическим заболеваниям.

20–26 апреля 1949 г. в Париже и Праге² проходил созданный по инициативе великого французского ученого Ф. Жолио-Кюри Первый Всемирный конгресс сторонников мира. Этот конгресс

¹ *Бернал Дж.Д.* Наука и общество. — М.: Издательство иностранной литературы, 1953.

² Некоторым лицам, приглашенным Ф. Жолио-Кюри для участия во Всемирном конгрессе мира, властями было отказано, вопреки данным обещаниям, в получении французских въездных виз на том основании, что Ф. Жолио-Кюри являлся членом Французской коммунистической партии. Вследствие этого, не допущенные во Францию сторонники мира собрались в Праге. — Прим. автора.

положил начало мощному международному антивоенному движению, в котором серьезную роль играли ведущие мировые ученые. Участники движения открыто заявляли, что войны не будет, если народы мира не захотят ее.

9 июля 1955 г. в городе Пагуош (канадская провинция Новая Шотландия) зародилось Пагуошское движение ученых, выступающих за мир, разоружение и международную безопасность, за предотвращение мировой термоядерной войны и научное сотрудничество. У его истоков стояли такие выдающиеся деятели науки как А. Эйнштейн, П. Уильямс Бриджмен, М. Борн, Л. Ингфельд, Ф. Жолио-Кюри, Л. Полинг, Б. Рассел, Дж. Ротблат и др.

В разгар «холодной войны» всемирно известные ученые выпустили в свет исторический «Манифест Рассела — Эйнштейна», в котором призывали провести международную конференцию против использования ядерной энергии в военных целях. Они обратились к мировым лидерам с призывом вести дело к мирному урегулированию международных конфликтов. К научным работникам всего мира был обращен призыв объединить усилия за немедленное прекращение ядерных испытаний.

В документе говорилось: «Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо сделать для достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно совершить для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?»¹

В течение первых лет существования Пагуошского движения был создан целый ряд международных документов, нацеленных на разоружение и введение контроля над процессом вооружения и над самой гонкой вооружений. Именно ученые-участники Пагуошского движения приняли активное участие в подготовке проектов договоров о запрещении испытаний ядерного оружия в

¹ Кравчук М., Ибрагимова А. Диалог во имя разоружения. Пагуошское движение ученых // Научная Россия. 07.07.2023 — <https://www.scientificrussia.ru/articles/dialog-vo-ima-razorizenia-pagousskoe-dvizenie-uchenyh>

трех сферах (подписан в 1963 г.). В 1959 г. пагуошцами была проведена конференция по запрету химического и бактериологического оружия. В 1991 г. Движением был предложен новый проект под названием «Мир без ядерного оружия». По мнению ученых, политика «ядерного сдерживания», проводившаяся США и странами НАТО, не отвечает велениям времени и не способна решить такие важнейшие проблемы как международный терроризм и др.

В 1995 г. Пагуошскому движению была присуждена Нобелевская премия мира.

Как отмечалось выше, наряду с активным объединением усилий ученых, деятели науки способствовали появлению широкого международного движения сторонников мира, охватившего общественность многих стран. В работе Первого Всемирного конгресса сторонников мира приняли участие активисты Международного бюро связей деятелей культуры в защиту мира, члены Международной демократической федерации женщин, а также видные деятели многих областей из 17 стран.

Такова славная история миротворческих усилий, выдающихся ученых из разных стран в период «холодной войны» и сразу по ее завершению.

Нужно подчеркнуть, что современная эпоха отличается стремительным развитием науки и техники. Небывалое развитие науки, ее усиливающееся влияние на все стороны материальной и духовной жизни общества стало яркой чертой современной эпохи.

Важные научные открытия и серьезные изобретения делаются и происходят на наших глазах. Наука и научно-технический прогресс, без сомнения, меняют нашу жизнь. Это способствует росту авторитета ученых, росту их влияния на политику государств.

Вместе с тем, следует признать, что значительная часть изобретений и открытий делается в областях, связанных с оборонной промышленностью. Соответственно, крупнейшие сдвиги в научно-технической области зачастую выливаются в создание все более страшных средств разрушения.

Вспомним, что развитие науки и техники в период Первой мировой войны вылилось в появление химического оружия, военных самолетов, танков. В ходе Второй мировой войны на базе научно-технических достижений были созданы и применены

авианосцы, атомное оружие. Сразу по ее завершению появились реактивные самолеты, ракеты. Современный этап развития науки и военной техники привел к разработке сверхзвуковых и гиперзвуковых ракет и самолетов, беспилотных летательных аппаратов, планирующих бомб, крылатых ракет, тяжелых огнеметных систем и др.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что в период осложнения международной обстановки, когда вновь возникает угроза ядерной войны, особая ответственность за сдерживание амбиций воинствующих политиков и экстремистов ложится на плечи тех, кто может реалистично осознать те опасности, которые несут в себе новые виды оружия, к чему может привести вероятный международный конфликт с применением современного оружия массового уничтожения.

Речь идет об ученых, о научных работниках, прекрасно понимающих, куда может завести безмерное увлечение воинственной риторикой. Такие ученые, не страдающие политическими амбициями, но и не абстрагирующиеся от политических проблем современности, способны лучше, чем рядовые граждане, на которых изливается неконтролируемый поток ангажированной пропаганды, понять сущность открытий, делаемых в процессе научно-технического прогресса, способны оценить все те последствия, которые могут быть вызваны тем или иным открытием или изобретением.

Очень важно, чтобы ученые, использовали свой авторитет для убеждения государственных деятелей и политиков в бесперспективности наращивания военных потенциалов, контрпродуктивности попыток решить спорные международные вопросы на путях силового противостояния.

Наряду с продвижением науки и научно-технического прогресса, ученые должны выполнять и определенную социальную функцию — функцию просвещения народов своих стран и всего мира. И подобная функция включает в себя широкое распространение информации о тех опасностях, которые несут в себе современные средства разрушения, донесение до широкой общественности мысли о том, что «ограниченная ядерная война» невозможна, как невозможна и «чистая ядерная бомба».

В качестве весомого аргумента против наращивания вооружений можно обратить внимание и на негативный экономический эффект гонки вооружений. Все больше и больше ценных ресурсов постоянно отвлекается от служения на благо общества, направляется на изготовление самых ужасных орудий уничтожения людей — ядерного, химического и бактериологического оружия.

Как отмечал Ф. Жолио-Кюри, средств, вкладываемых в долгосрочное содержание всего одной роты солдат с офицерами, хватило бы на оборудование важной современной научной лаборатории¹.

Возникает вопрос, могут ли ученые, в т.ч. российские ученые, на фоне нынешней обострившейся и продолжающей обостряться международной обстановки, внести свой вклад в миротворческие усилия.

Как известно, совместный доклад британского Королевского общества и Американской ассоциации содействия науке, выпущенный в 2010 г., в качестве одного из компонентов явления научной дипломатии сформулировал направление «наука для дипломатии». Это направление, по заявленному тогда мнению англичан и американцев, подразумевало использование научного сотрудничества для построения и улучшения отношений между странами, что очень важно, на нейтральной основе².

Как видится указанным позитивным тенденциям в международных отношениях на нынешнем этапе могло бы способствовать возрождение международного движения ученых за мир на базе использования опыта Пагуошского движения, что стало бы лучшим проявлением научной дипломатии на современном этапе.

Соответственно, можно говорить, что на нынешнем этапе ученые могли бы взять на себя моральную ответственность за формирование широкого общественного движения сторонников мира и, возможно, создать международную организацию сторонников мира (по образцу Всемирного совета мира).

Такая организация могла бы:

¹ Жолио-Кюри Ф. Пять лет борьбы за мир. — М.: Издательство иностранной литературы, 1955. — С. 10.

² The Royal Society and AAAS's Conceptual Framework. — <https://www.s4d4c.eu/topic/2-3-2-the-royal-society-and-aaass-conceptual-framework/>

- организовывать сбор подписей под воззваниями к правительствам наиболее агрессивных стран;
- инициировать обращения к парламентам и правительствам стран за справедливое решение сохраняющихся международных конфликтных ситуаций, за урегулирование региональных конфликтов;
- издавать брошюры и листовки с призывами к справедливому урегулированию международных конфликтов как глобальных, так и региональных, к миру во всем мире.

Возможно, также имело бы смысл создать информационное бюро сторонников мира, работающее в сети Интернет.

В России действует Российский Пагуошский комитет при Президиуме Российской академии наук¹. Очевидно, что именно этому комитету, возглавляемому известным ученым членом-корреспондентом РАН М.В. Ковальчуком, могла бы принадлежать лидирующая роль в организации и проведении мероприятий, нацеленных на смягчение международной напряженности и ликвидацию угрозы ядерной войны.

Что же можно сделать для привлечения внимания научной общественности мира к новому развороту противостояния между ядерными державами?

Как представляется, следует воспользоваться наилучшими практиками движения ученых за мир периода «холодной войны». К ним можно отнести проведение тематических конференций научных работников и общественных деятелей. В ходе таких встреч можно было бы принимать документы для публикации в мировых СМИ, документы, доказывающие безальтернативность мирных средств разрешения международных споров.

В ходе подобного рода конференций ученые могли бы со всей убедительностью доказать контрпродуктивность политики угроз и шантажа, показать важность отказа от гонки вооружений и от расширения производства военной продукции, переключения

¹ Российский Пагуошский комитет при Президиуме Российской академии наук. Международная научная организация. — <https://www.new.ras.ru/structures/komitety-sovety-i-komissii/natsionalnye-komitety/rossiyskiy-pagoushskiy-komitet-pri-presidiume-rossiyskoy-akademii-nauk/?ysclid=lugsyf5d71502200184>

предприятий военной промышленности на выпуск мирной продукции. Имеет смысл напоминать о выводах и заключениях ученых 50–60-х годов XX века, говоривших о катастрофических последствиях для всего мира, к которым может привести ядерная война («ядерная зима»). Очень важно убедить мировую общественность в том, что «ограниченной ядерной войны» в принципе быть не может.

Для начала такие конференции можно было бы организовывать в странах, сохраняющих нормальные отношения с Россией и готовых принять участие в миротворческих усилиях (Китай, Индия, ОАЭ, Египет и др.).

На следующих этапах проведение подобных встреч можно было бы запланировать в России и в других странах. Так, по линии Российской академии наук, Министерства науки и высшего образования можно было бы организовывать конференции ученых за мир и разоружение.

Нет сомнения, что власти США и их союзников будут пытаться сделать все возможное, чтобы, во-первых, повернуть дискуссии будущих миротворческих встреч ученых в выгодное им русло и обвинить Россию в нынешнем обострении международной ситуации. Как отмечал Ж. Алферов, современные информационные технологии стали средством массового одурачивания всего населения планеты¹. Их используют для пропаганды войны, для пропаганды конфликтов, нарушения нормальных человеческих взаимоотношений. Таким попыткам будет необходимо давать решительный отпор, подчеркивая, что речь идет не о выдвижении обвинений в чей-то адрес, а о спасении человечества от угрозы ядерной войны.

Во-вторых, как можно предположить на основании изучения опыта встреч ученых в 50-х — 60-х годах XX века, западниками будут предприниматься попытки сорвать подобные встречи, как это было с Первым Всемирным конгрессом сторонников мира в Париже и Праге². На этот раз, весьма вероятно, ученым из стран НАТО будет попросту запрещено общаться со своими рос-

¹ Алферов Ж. За мир и дружбу народов // КИПРФ Москва. — <https://www.msk.kprf.ru/2016/07/01/11569/?ysclid=lw91f9d3m830822607>

² Жолио-Кюри Ф. Пять лет борьбы за мир..., с. 15.

сийскими коллегами. К последним же будет обращено лицемерное требование отмежеваться от политики российского руководства.

К сожалению, одурачиванию подвержены и ученые. И далеко за примерами ходить не приходится. Так, в издаваемом Американской ассоциацией содействия науке (АААС) журнале “Science and Diplomacy” открыто говорится о необходимости проводить жесткий подход к контактам с учеными из России¹. В марте 2022 года опрошенные журналистами этого издания американские ученые потребовали предпринять меры «по разрыву связей с российской наукой и учеными до тех пор, «пока все российские войска не покинут Украину и более здравомыслящие люди не возьмут под контроль ядерный арсенал России»². Понятно, что при подобном подходе речи о наведении мостов между странами и народами быть не может.

Характерны и публикации немецких научных кругов. В изданной Германской службой академических обменов (ДААД) в июле 2022 года брошюре «Научная дипломатия многополярному миру. Системное соперничество, конфронтация и глобальный кризис» заявляется недвусмысленно: «Сразу после начала войны (Специальная военная операция российских вооруженных сил на Украине — А.Д.) немецкие академические круги решительно отреагировали на российскую агрессивную войну: немецкие университеты и научные учреждения приостановили совместные проекты с российскими институтами и массово ограничили обмены между немецкими и российскими студентами, докторантами, преподавателями и исследователями»³. О каком наведении мостов на этом фоне может идти речь? В этой публикации совершенно безапелляционно утверждается, что «война на Украине показала невозможность интегрировать Россию на постоянной основе в

¹ Russia’s Invasion of Ukraine: What Can U.S. Scientists Do? / By Gerson S. Sher, Cathleen A. Campbell, Alfred Watkins, and Glenn E. Schweitzer // Science and Diplomacy. 03/03/2022. — <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2022/russias-invasion-ukraine-what-can-us-scientists-do>

² Демидов А.В. Парадоксы научной дипломатии и ответственность ученого. // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2023. — № 9.

³ Там же.

устойчивое сотрудничество посредством экономических, культурных или научных обменов»¹.

На этом весьма неблагоприятном фоне российской научной дипломатии будет необходимо реанимировать успешно применявшийся ранее лозунг «мирного сосуществования» государств с различными политическими системами. В этой связи можно было бы опереться на положения преамбулы Декларации о принципах международного права, принятой Генассамблеей ООН в 1970 г., где подчеркивается необходимость развития дружественных отношений между государствами, независимо от их политической, экономической и социальной системы и от уровня их развития².

Очевидно, имеет смысл внести от имени российских ученых предложение о создании в рамках ООН международной научно-исследовательской организации, которой было бы поручено заниматься поисками эффективных путей решения важных международных проблем как глобального, так и регионального масштаба, на основе норм международного права. Таким образом, можно было бы придать научной дипломатии глобальный многосторонний характер.

* * *

Думается, следует согласиться с мнением американского ученого Л. Полинга, согласно которому «сам человек разумом должен одержать верх над жестокостью и безумием войны»³. Ученые должны потребовать от политиков и государственных деятелей всех стран мира принять целый комплекс мер по ликвидации угрозы ядерной войны навсегда, а не на время.

¹ Демидов А.В. Парадоксы научной дипломатии и ответственность ученого. // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. — 2023. — № 9.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. Организация Объединенных Наций. — https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

³ Полинг Л. Не бывать войне. (Перевод с английского). Издательство иностранной литературы — М., 1960. — С. 25.

В ходе работы по предотвращению возникновения новой мировой войны нет смысла выявлять виноватых в нынешнем обострении международной обстановки. Необходимо искать пути выхода из сложившейся ситуации. И ученые всех стран мира могли бы внести весомый вклад в это дело.

Вспоминается в этой связи мудрое высказывание А. Эйнштейна: «Чтобы человечество могло выжить и достичь более высокого уровня развития, необходим новый образ мышления». И далее: «Нас не могут защитить ни вооружения, ни наука, ни уход под землю...»¹. И это действительно так.

На путях научной дипломатии необходимо выйти из-под потока политически ангажированной информации. Важно уйти от сложившихся еще в период «холодной войны» стереотипов, уйти от парадигмы блокового мышления.

¹ *Полинг Л.* Не бывать войне. (Перевод с английского). Издательство иностранной литературы — М., 1960. — С. 20.

С.И. Добролюбов

заместитель директора Библиотеки искусств им. А.П. Боголюбова

dobrolybov@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ И НАРОДНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: СИНЕРГИЯ НА БУДУЩЕЕ

S.I. Dobrolyubov

Deputy Director of the Bogolyubov Art Library

dobrolybov@mail.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ARCTIC PUBLIC AND NATIONAL ENVIRONMENTAL DIPLOMACY: SYNERGY FOR THE FUTURE

Аннотация. В статье рассматривается роль публичной и народной экологической дипломатии в развитии Арктики. Анализируется правовая база, регулирующая деятельность России в Арктическом регионе, включая ключевые указы Президента и федеральные законы. Описываются текущие инициативы в рамках публичной дипломатии (участие в Арктическом совете, продвижение Северного морского пути, научные исследования, культурные проекты) и народной дипломатии (волонтерские проекты, этнокультурные инициативы, арктический туризм, образовательные программы). Особое внимание уделяется синергии двух направлений — взаимодействию государственных и общественных механизмов в защите арктической экосистемы. Рассмотрены перспективы развития международного сотрудничества, технологического обновления, сохранения биоразнообразия, просвещения и поддержки традиционного образа жизни коренных народов. Выделены основные вызовы (геополитическая конкуренция, климатические изменения, логистические сложности) и инструменты поддержки арктической дипломатии. Делается вывод о важности консолидации усилий для устойчивого развития Арктики.

Ключевые слова: публичная дипломатия, народная дипломатия, экологическая дипломатия, Арктика, Северный морской путь, международное сотрудничество, ох-

рана окружающей среды, коренные народы, волонтерские проекты, этнокультурные инициативы, экотуризм, устойчивое развитие.

Abstract. The article examines the role of public and folk ecological diplomacy in the development of the Arctic. It analyses the legal framework governing Russia's activities in the Arctic region, including key presidential decrees and federal laws. The current initiatives in the field of public diplomacy (participation in the Arctic Council, promotion of the Northern Sea Route, scientific research, cultural projects) and folk diplomacy (volunteer projects, ethno-cultural initiatives, Arctic tourism, educational programmes) are described. Particular attention is paid to the synergy of the two areas — the interaction of state and public mechanisms in protecting the Arctic ecosystem. The prospects for development of international cooperation, technological innovation, biodiversity conservation, education and support for the traditional way of life of indigenous peoples are considered. The main challenges (geopolitical competition, climate change, logistical difficulties) and tools to support Arctic diplomacy are highlighted. The conclusion is drawn about the importance of consolidating efforts for the sustainable development of the Arctic.

Key words: public diplomacy, folk diplomacy, ecological diplomacy, Arctic, Northern Sea Route, international cooperation, environmental protection, indigenous peoples, volunteer projects, ethno-cultural initiatives, ecotourism, sustainable development.

В XXI веке Арктика приобретает ключевое значение в геополитической повестке дня, поскольку сочетает в себе уникальные экосистемы и значительные запасы природных ресурсов. Наблюдаемые процессы глобального потепления, интенсификация освоения природных богатств региона, а также увеличение антропогенной нагрузки формируют серьёзные экологические вызовы для мирового сообщества. Россия, являясь одним из крупнейших арктических государств, демонстрирует заинтересованность в сохранении хрупкой экосистемы Арктики. Достижение данной цели представляется возможным посредством синергии механизмов публичной и народной экологической дипломатии, способствующих обеспечению устойчивого развития региона и защите национальных интересов Российской Федерации.

Публичная дипломатия России в Арктике реализуется по ряду приоритетных направлений. Прежде всего, это активное участие в деятельности Арктического совета и иных международных

организаций, способствующее укреплению международного сотрудничества. Существенное значение имеет развитие Северного морского пути (СМП) как важнейшей логистической артерии, обладающей значительным экономическим потенциалом. Кроме того, публичная дипломатия включает демонстрацию научных достижений в сфере исследований климата и ледовой обстановки, а также реализацию комплекса культурных и образовательных проектов, направленных на формирование арктической идентичности России.

Ключевыми задачами публичной дипломатии являются укрепление позиций России в Арктическом совете, привлечение инвестиций в развитие арктической инфраструктуры, формирование позитивного международного имиджа арктических территорий, а также координация совместных усилий с союзниками (включая Китай, Индию и другие государства) в рамках реализации арктических проектов.

Правовую основу публичной дипломатии в Арктике составляют следующие ключевые документы: Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», определяющий национальные интересы России в регионе; Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», закрепляющий меры по развитию международного сотрудничества; Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», создающий условия для привлечения иностранных инвестиций; Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», формирующий правовую основу Стратегии развития Арктической зоны; Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», устанавливающий географические рамки Арктической зоны РФ. Помимо этого, Россия руководствуется рядом международных соглашений, включая Договор о Шпицбергене (1920 г.), Международную конвенцию по морскому праву,

соглашения в рамках Арктического совета и Илулиссатскую декларацию (2008 г.).

Народная дипломатия в арктическом контексте охватывает широкий спектр деятельности — организацию волонтерских проектов, направленных на защиту природной среды; реализацию этнокультурных инициатив, способствующих сохранению традиций коренных народов; развитие арктического туризма как инструмента «мягкой силы»; проведение образовательных и эколого-просветительских программ; организацию научных экспедиций с участием непрофессиональных исследователей.

Правовая база народной дипломатии опирается на ряд нормативных актов, включая Указ Президента РФ № 645 (2020 г.), нацеленный на развитие международного и межкультурного сотрудничества; Указ Президента РФ № 164 (2020 г.), предусматривающий популяризацию арктической тематики и развитие туризма; Федеральный закон № 49-ФЗ (2001 г.), обеспечивающий поддержку этнокультурных традиций коренных народов; Федеральные законы № 7-ФЗ (1996 г.) и № 135-ФЗ (1995 г.), создающие правовую основу для волонтерской деятельности.

Примеры успешной реализации народной дипломатии в Арктике включают организацию волонтерских лагерей для изучения флоры и фауны региона, проведение фестивалей экокультуры и традиционного природопользования, реализацию проекта «Встреча поколений», направленного на знакомство школьников с экологическим потенциалом Арктики, организацию экспедиций студенческих отрядов в арктические регионы, а также создание онлайн-платформ для обмена знаниями о жизни в Арктике.

Синергия публичной и народной дипломатии достигается посредством комплексной работы — государственной поддержки волонтерских и этнокультурных инициатив; привлечения некоммерческих организаций (НКО) к разработке и реализации арктических проектов; проведения совместных информационных кампаний; налаживания диалога между представителями органов власти, научного сообщества и коренного населения. Примерами такого взаимодействия служат проекты по мониторингу состояния вечной мерзлоты с привлечением как учёных, так и местных жителей; программы адаптации арктической инфраструктуры с

учётом мнений населения; международные волонтерские лагеря по очистке арктических территорий, реализуемые при поддержке Министерства иностранных дел и региональных властей.

Перспективы развития арктической дипломатии связаны с реализацией нескольких ключевых направлений. В сфере международного сотрудничества планируется углубление взаимодействия в рамках Арктического совета, разработка совместных программ по защите арктической фауны, обмен опытом в области утилизации промышленных отходов, создание «зелёных» коридоров для миграции арктических животных. В области технологического развития приоритетами являются внедрение «зелёных» технологий в арктическую инфраструктуру, разработка экологически безопасных методов добычи и транспортировки природных ресурсов, использование спутниковых систем для мониторинга загрязнений, создание цифровых платформ для анализа экологических данных.

Особое значение придаётся сохранению биоразнообразия и экосистем Арктики, что предполагает расширение сети особо охраняемых природных территорий, защиту мест гнездования морских птиц и лежбищ моржей, восстановление популяций редких видов, реализацию проектов по реинтродукции исчезающих видов. В сфере образования и просвещения планируется интеграция арктической тематики в учебные программы, организация международных молодёжных лагерей по изучению экологии Арктики, развитие экотуризма с образовательным компонентом, создание мультимедийных ресурсов, посвящённых природе региона. Особое внимание уделяется поддержке традиционного образа жизни коренных народов, включая сохранение и передачу экологических знаний, содействие устойчивому развитию оленеводства и рыболовства, защиту территорий традиционного природопользования, привлечение представителей коренных народов к принятию решений в сфере экологической политики.

Развитие арктической дипломатии сопряжено с рядом вызовов, среди которых геополитическая конкуренция за ресурсы Арктики, необходимость дополнительных инвестиций в связи с климатическими изменениями, логистические сложности, об-

условленные суровыми природными условиями и удалённостью территорий, потребность в поиске баланса между экономическим развитием и охраной окружающей среды.

Для усиления синергии публичной и народной дипломатии требуется реализация комплекса мер, включающих: принятие законодательных актов; предоставление грантов, налоговых льгот для арктических проектов; реализацию инфраструктурных проектов (строительство дорог, портов, научных станций); проведение информационных кампаний, направленных на популяризацию арктической повестки; разработку образовательных программ по подготовке специалистов для работы в Арктике; создание платформ для диалога (организация форумов, конференций, онлайн-площадок).

Региональные власти играют ключевую роль в развитии арктической дипломатии. Так, Мурманская область осуществляет сотрудничество с Норвегией и Финляндией в сфере охраны Баренцева моря. Ямало-Ненецкий автономный округ реализует проекты по сохранению тундровой экосистемы и развитию оленеводства. Чукотка участвует в программах обмена с Аляской по вопросам охраны морских млекопитающих. Архангельская область развивает арктический туризм (Соловецкие острова, Мезень) и осуществляет деятельность по защите уникальных природных территорий. Красноярский край уделяет внимание охране природных комплексов Таймыра.

Таким образом, перспективы развития арктической публичной и народной экологической дипломатии характеризуются значительным потенциалом. Синергия данных направлений позволит укрепить позиции России в международном диалоге по вопросам охраны Арктики, привлечь дополнительные ресурсы для реализации экологических проектов, сохранить уникальную экосистему региона для будущих поколений, повысить уровень экологической культуры населения и сформировать позитивный международный имидж России как ответственного хранителя Арктики. Достижение поставленных целей требует консолидации усилий государства, бизнес-сообщества и гражданского общества, а также активного участия в международном сотрудничестве по арктической экологической повестке. Будущее Арктики

напрямую зависит от эффективности мер, принимаемых сегодня в рамках экологической дипломатии.

Список литературы

1. Договор о Шпицбергене (1920 г.).
2. Илулиссатская декларация (28 мая 2008 г.).
3. Международная конвенция по морскому праву (ЮНКЛОС, 1982 г.).
4. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».
5. Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года».
6. Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года».
7. Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».
8. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».
9. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики. — https://arctic.gov.ru/digest/?date_start=2023-06-19%2000:00
10. Гутенев М.Ю., Сергунин А.А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // Вестник международных организаций. — 2022. — Т. 17, № 3. — С. 155-174.
11. Документы по арктической политике // Правительство РФ. — <https://government.ru/>
12. Об актуальных вопросах социально-экономического и инфраструктурного развития Арктической зоны // Материалы к «Правительственному часу» в Государственной Думе 21 мая 2025 года. — <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm>
13. Отчёты, декларации, рабочие документы (на сайте организации) // Сайт Арктического совета. — <https://arctic-council.org/>
14. Раздел «Арктика» // Министерство иностранных дел РФ. — <https://www.mid.ru/>
15. Тишков А.А., Белоновская Е.А. Международное научное сотрудничество в Российской Арктике как возможный элемент современной на-

родной дипломатии (в год 160-летия Ф. Нансена) // Международное сотрудничество в Арктике и Антарктике = International cooperation in the Arctic and Antarctic: история и современность : материалы X научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 18-20 мая 2022 г. / Арктический и антарктический научно-исследовательский институт [и др.] ; отв. ред. Филин П.А. — Москва: Паулсен, 2023. — С. 112-123.

Л.У. Звонарёва

доктор исторических наук, почётный член РАХ, профессор,
Университет мировых цивилизаций
им. В.В. Жириновского, Москва
lzvonareva@mail.ru

О.В. Звонарёв

кандидат исторических наук, доцент, Университет мировых цивилизаций
им. В.В. Жириновского, Москва
donfeliz@yandex.ru

**ЛИТЕРАТУРА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР МЯГКОЙ СИЛЫ
НОВОЙ РОССИИ (ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ В РАЗНЫХ
СТРАНАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЧТЕНИЙ,
ФЕСТИВАЛЕЙ И ДНЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ)**

L.U. Zvonareva

The Russian Academy of Arts Honorary member,
Ph.D. (History), Professor,
University of World Civilizations
Named after V.V. Zhirinovsky, Moscow
lzvonareva@mail.ru

O.V. Zvonarev

Ph.D. (History), Assistant Professor, University of World Civilizations
Named after V.V. Zhirinovsky,
Moscow, Russia
donfeliz@yandex.ru

**LITERATURE AS NEW RUSSIA “SOFT POWER” IMPORTANT FACTOR
(BASED ON INTERNATIONAL LITERARY READINGS, FESTIVALS
AND THE RUSSIAN CULTURE DAYS HELD IN VARIOUS COUNTRIES)**

Аннотация. В статье анализируется опыт организации и участия в литературных чтениях, фестивалях и Днях русской культуры, проводившихся при поддержке посольств РФ и Российских центров науки и культуры в Польше, Болгарии, Непале, Черногории, Сербии, Турции, Абхазии и Шри-Ланке. Авторы считают, что

для российских писателей, участников литературных чтений, фестивалей и Дней русской культуры была важна сама последовательная трансляция традиционных ценностей русской культуры и русского мира в иноязычной среде, особенно современникам младшего поколения, которые росли в атмосфере недооценки и отмены русской культуры за рубежом, формирование позитивного образа России, установление долгосрочных партнёрских связей. Авторы утверждают: даже в начале становления новой России её мягкая сила проявляла себя как конструктивный фактор в становлении и развитии таких связей. Поэтому теперь, когда новая Россия по праву возвращает себе своё место в клубе великих держав, представляется важным не только поддерживать нынешний уровень таких связей и диалога, но и всемерно развивать их, что благотворно повлияет на всех участников этих процессов.

Ключевые слова: дни русской культуры, русский мир, новая Россия, мягкая сила, межкультурные связи.

Abstract. It is analyzed in the article the outcome of literary readings, festivals and the Russian culture days in Poland, Bulgaria, Nepal, Montenegro, Serbia, Abkhazia and Sri-Lanka organized with the help of the Russian embassies and Russian science and culture centers. The authors believe the Russian participants found it important to present the traditional Russian world and culture values in foreign environment demonstrating it younger generations representatives bred in the atmosphere of underestimation or even the Russian culture abolition. The authors consider such events to be also aimed at Russia positive image making abroad and establishing long-term cooperation. The authors claim Russia “soft power” to positively influence establishing and maintaining of such relations even after the first years of new Russia infancy. That is why nowadays, with new Russian having regained its great power status it is considered to be important not only to maintain the level of such dialogue and cooperation but to develop them which will be fruitful for all participants engaged.

Key words: the Russian culture days, the Russian world, new Russia, soft power, international cultural relations.

С 1996 г. по 2026 г. один из авторов этой статьи постоянно организовывал и принимал участие в литературно-образовательных чтениях, фестивалях и Днях русской культуры, проводившихся при поддержке посольств РФ и Российских центров науки и культуры в Польше, Болгарии, Непале, Черногории, Сербии, Турции, Абхазии и Шри-Ланке.

Поддерживая или проявляя инициативу по проведению подобных мероприятий, представители той или иной страны в том числе решали и собственные геополитические задачи.

В Польше, где, после 1991 г., краха соцлагеря и распада СССР, огромная армия русистов оказалась невостребованной и вынуждена была переквалифицироваться, именно высококвалифицированные варшавские русисты кандидат филологических наук Веслава Ольбрых, доктора филологических наук Данута Кулаковская, Флориан Неуважный стали создателями научного международного фонда «*Slavica Orientalia*» и инициаторами проведения в Варшаве, Гданьске и Сопоте (в посёлке Весёлое под Варшавой и в Гдыне, в домах, принадлежавших научному сотруднику Института литературы Польской академии наук В. Ольбрых, постоянно сотрудничавшей с Российским центром науки и культуры в Польше) с 1996 г. по 2019 г. ежегодных летних международных литературно-образовательных чтений. За четверть века в них приняли участие более ста писателей, художников, учёных, пишущих по-русски или знающих русский язык из разных городов России и Польши, из Белоруссии, Украины, Эстонии, Литвы, Германии, Израиля, США, Франции, Норвегии, Турции, Китая, Болгарии, Канады. В гданьском издательстве «*Piękny świat*» (Прекрасный мир) было выпущено в переводе на польский известной поэтессы Малгожаты Мархлевской более 40 книг русских писателей (сборники стихов, прозы, детской литературы). В журнале «Литературные знакомства» опубликованы две литературные тетради-антологии «Русские писатели в Польше» (составители Т.В. Хохлова и Л.У. Звонарёва) и три сборника научных статей, профинансированных различными фондами России, Польши и частными спонсорами, они были выпущены в Варшаве, Гданьске и Москве. Л.У. Звонарёву наградили золотыми медалями «Лучший профессор» (Гданьский и Вармино-Мазурский (Ольштын) университеты) и двумя почётными медалями «Мицкевич-Пушкин» (отделения Общества русско-польской дружбы в Варшаве и Белостоке). Л.У. Звонарёву, читавшую лекции в университетах Белостока, Варшавы, Торуня, Ольштына, участвовавшую в сотнях конференций и опубликовавшей сотни работ по русской эмиграции избрали

вице-президентом международной Ассоциации эмигрантологов, созданной польскими русистами.

После 1991 г. ослабли привычные связи между русской и болгарской культурой, и Р.Ф. Казакова, первый секретарь Союза писателей Москвы, много переводившая с болгарского вместе со своей младшей коллегой, Галиной Климовой, стали в 2000 г. инициаторами создания русско-болгарской поэтической антологии «Из жизни Райского сада» [2], посвящённой тысячелетию принятия Русью христианства и теме сада в русской и болгарской поэзии (составители Г. Климова и Панко Анчев). Книга была выпущена в Болгарии на деньги болгарских спонсоров, друзей России (владельцев судоремонтного завода «Одессус» в Варне), переживающих как личную трагедию усиление американского влияния на Балканах, связанного с тем, что большая часть людей, пришедших к власти в 90-е гг. XX в., училась в США и негативно относилась к России. Л.У. Звонарёва принимала участие в презентации этой антологии в марте 2000 г. в разных городах Болгарии (в Варне, Шумене, Добриче и др.). В софийских журналах ещё в 80-е гг. прошлого века были опубликованы в переводе на болгарский несколько статей Л.У. Звонарёвой. Было заметно, насколько истосковалось старшее и среднее поколение болгар по русской культуре и русским книгам.

Вскоре, по инициативе болгарского русиста, кандидата филологических наук, преподавателя Шуменского педагогического университета им. Епископа Константина Преславского Ивайло Петрова, закончившего аспирантуру Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, автора книги «Мир прозы Василия Шукшина», организатора издательства «Аксиос», Л.У. Звонарёва при поддержке генерального консульства РФ в Варне и Шуменского педагогического университета им. Епископа Константина Преславского стала проводить ежегодно в сентябре Дни русской культуры в Варненско-Шуменском регионе, привозя с собой делегации русских писателей и художников. Русские писатели привозили в подарок в библиотеки Болгарии свои книги и журналы, выступали в университетах, школах, галереях, музеях и театрах. Художники Н.А. Баженова, П.Е. Григорьев, Е.А. Кудрявцева, почётный академик РАХ, заслуженный художник

РСФСР Г.А. Мазурин организовывали в галереях, Шуменском театре, залах Варненского генерального консульства РФ выставки живописи и графики.

В сентябре 2000 г. была подготовлена болгарская литературная тетрадь в старейшем всероссийском журнале «Литературная учёба», где Л.У. Звонарёва тогда работала заместителем главного редактора. До пандемии и санкций ежегодно — с 2000 по 2019 г. проводились Дни русской культуры в Варне, Шумене, Добриче, Волчьем доле. Министерство культуры Болгарии наградило Л.У. Звонарёву почётным дипломом за лучшее эссе о Болгарии, а посольство Болгарии в РФ — серебряным Самарским крестом. По инициативе Л.У. Звонарёвой были выпущены три книги известного болгарского писателя Николая Табакова на русском языке в московских издательствах «ПоРог» и «Нонпарель», два романа опубликованы с предисловием Л.У. Звонарёвой в журнале «Литературные знакомства». Профессор Ивайло Петров в издательстве «Аксиос» выпустил более 20 книг русских писателей и антологию «Болгария глазами русских писателей и художников» (составители — Ивайло Петров и Л.У. Звонарёва) [1]. В галереях Москвы и Калининграда прошли выставки выдающегося болгарского художника Тодора Игнатова, председателя Варненского отделения Союза художников Болгарии, главного художника Варненского драматического театра, поучаствовавшего, по рекомендации Л.У. Звонаревой, в международном пленэре художников-импрессионистов в Калининграде, который последняя курировала как арт-критик. В Шумене был создан международный Союз писателей имени Кирилла и Мефодия (его возглавил Ивайло Петров), в который Л.У. Звонарёву избрали почётным членом, проводящий и ныне ежегодные фестивали русскоязычных литераторов. В 2020 г. вышел номер журнала «Под сенью Кирилла и Мефодия» в саратовском издательстве «Задира», возглавляемом Ф.В. Маляренко, представивший постоянных участников Дней русской культуры в Варненском регионе из России и Болгарии.

В ноябре 2011 г., по инициативе члена правления Общества «Россия — Непал» и Союза писателей России В.П. Зуева, при поддержке Российского центра науки и культуры в Катманду, посольства РФ в Непале, Л.У. Звонарёва и В.П. Зуев провели

Дни русской культуры в Непале, в которых участвовали поэты А.Ю. Саед-Шах, О.А. Харламова, Г.Д. Певцов, И.А. Елисеев, художники Н.А. Баженова и Д.А. Трубин. Делегация русских писателей и художников выступала в Русском доме в Катманду, где была открыта, при участии посла РФ в Непале, выставка работ Н.А. Баженовой и Д.А. Трубина, участвовала в официальном приёме в резиденции посла РФ в Катманду, встречалась с выпускниками российских вузов в Катманду, которые не понимали новой России и тосковали по СССР.

В этой стране 1 июня 2001 г. в результате борьбы за власть были убиты девять членов королевской семьи и пятеро тяжело ранены. Трагедия произошла во время семейного обеда в королевском дворце Нараняхити, резиденции непальских монархов в Катманду (после отречения короля и основания республики здания и окружающая территория превращены в музей), и в значительной мере подорвала авторитет непальской монархии, что привело к массовым беспорядкам, а в дальнейшем — в 2008 г. — к переходу страны к республиканской форме правления.

В 2025 г., по инициативе поэта и переводчика И.А. Елисеева, мы выпустили «Непальскую поэтическую тетрадь» [3], где представили непальских поэтов в его переводе.

Осенью 2008 г. Союз писателей Черногории и музей сербского Нобелевского лауреата Иво Андрича в Герцег-Нови, где в 1920 г. высадилось 40 тысяч русских белогвардейцев-беженцев, эмигрантов первой волны, предложили Л.У. Звонарёвой как секретарю Союза писателей Москвы организовать и провести литературный фестиваль в местечке Дженовичи, рядом с г. Герцег-Нови. В этот момент на территории Черногории, как потом рассказал сербский митрополит Феофил, принимавший делегацию русских писателей в своей резиденции в Цетинье, обострилась борьба православных с католиками-хорватами, некоторые сербские газеты заменили кириллицу на латинский алфавит (так было в начале XX в. и в Белоруссии, где православное население существовало рядом с католическим).

В результате этих переговоров, начиная с 2009 г. по 2019 г., в местечке Дженовичи в день рождения А.С. Пушкина 6 июня Союз писателей Москвы проводил международный литературный

фестиваль «Русские мифы»: в нём участвовали за эти годы сотни русских писателей, художников, библиотекарей. Л.У. Звонарёва как составитель ежегодно готовила специальную литературную тетрадь в журнале «Литературные знакомства». В результате этих фестивалей на сербский язык были переведены черногорским писателем Воиславом Караджичем и изданы книги русских писателей П.Г. Кренёва и И.А. Елисеева, принимавшего впоследствии несколько раз участие в поэтических фестивалях в черногорской экодеревне на родине Воислава Караджича.

Три раза инициативу по проведению литературных мероприятий проявляли переводчики и преподаватели русского языка в Турции. На базе Эйджиейского университета в старинном городе Кайсари, где Л.У. Звонарёва и Г.Д. Певцов преподавали в 2010 г., зав. кафедрой русского языка и литературы Эрджиейского университета профессор и переводчик Севинч Учгюль организовала литературный форум «Две литературы — один мир» в 2012 г., когда Кайсари, Стамбул и Каппадокию посетили и выступили перед студентами и преподавателями московские писатели А.А. и Д.А. Лихановы, Г.Д. Певцов, И.А. Есаулов, П.Е. Фокин, В.Е. Лебединский, А.А. Шорохов. Впоследствии подобное выступление, в сокращённом составе, было организовано в 2016 г. в университете г. Ченак-Кале.

Вскоре в журнале «Литературные знакомства» появилась рубрика «Литературная Турция», и в 2023 г. Л.У. Звонарёва стала литературным редактором перевода профессора Севинч Учгюль с турецкого на русский (книгу выпустило московское издательство «Проспект») книги президента Турции Реджепа Эрдогана «Более справедливый мир возможен» [6].

Общение с русскими писателями было важно и полезно для турецких студентов, так как в университете долго преподавали русский язык педагоги из Белоруссии агрессивно-либеральных (если не сказать антирусских) взглядов, предлагавшие турецким студентам учить наизусть стихотворение вдовы Джохара Дудаева.

Весной 2023 г. поступило предложение в Русский ПЕН-Центр, где Л.У. Звонарёва была членом Исполкома, провести в сентябре 2023 г. Дни русской культуры в Абхазии при поддержке Дома Москвы в Сухуми и Министерства культуры Абхазии. Л.У. Зво-

нарёва опубликовала «Сухумскую литературную тетрадь: книга в журнале» (составитель — писатель и художник В.В. Делба) в журнале «Литературные знакомства» и более 30 экземпляров были переданы сухумским писателям и в республиканские библиотеки. В Доме Москвы в Сухуми была открыта выставка картин известного московского художника Н.А. Баженовой. Сухумские газеты поместили беседы с участниками Дней русской культуры.

Побывав в Абхазии, мы увидели печальные последствия недавней грузино-абхазской войны — разрушенные и сожжённые дома, и поняли, насколько абхазские педагоги и писатели нуждаются в моральной и финансовой поддержке — книгами, текстами, творческими встречами с русскими писателями.

По инициативе руководителя РДФ писателя Д.А. Лиханова, побывавшего в Шри-Ланке, где перевели его роман «Бьянка. История белой суки», зимой 2025 г., при поддержке Русского ПЕН-Центра, Союза писателей Москвы, Русского Дома в Коломбо и Посольства РФ в Шри-Ланке, а также Клуба русской литературы при Русском доме был организован международный литературный фестиваль «Синий лотос», проходивший в Шри-Ланке с 29 января по 6 февраля 2006 г. и приуроченный ко дню рождения А.П. Чехова, 20-летию Клуба русской литературы, работающего при Русском Доме в Коломбо, и выходу «Шриланкийской литературной тетради» в № 12 журнала «Литературные знакомства», возглавляемого Л.У. Звонарёвой [5].

В рамках форума детских писателей состоялась презентации четвёртого сборника переводов русской прозы XIX–XXI вв. на сингальский язык (предыдущие три выходили в 1983–1985 гг.) [4], в подготовке которого участвовало восемнадцать переводчиков, членов Клуба русской литературы, в течение двадцати лет работающего при Русском Доме в Коломбо. Получилась своеобразная антология, в состав которой, наряду с новеллами классиков — И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, В.В. Вересаева, А.М. Горького, И.А. Бунина, А. Ремизова, К.Г. Паустовского, А. Платонова, М.А. Шолохова, Ю. Нагибина, В.М. Шукшина, вошёл рассказ члена Союза писателей Москвы Д.А. Лиханова «Хохотунья» в переводе Махинды Сенарат Гамаге.

В предисловии к этой книге Посол РФ в Шри-Ланке Л.С. Джагарян подчеркнул: «Русская литература — это мощный инструмент межкультурного и межнационального диалога, философского осмысления бытия, источник вдохновения и ключ к пониманию одной из величайших мировых культур. Она по-прежнему играет роль культурного моста не только между Востоком и Западом, но и Глобальным Югом, влияя на общественные нормы и ценности, общественное сознание и горизонты человеческого понимания. Во многом благодаря переводам русских и советских писателей на сингальский язык дружественный народ Шри-Ланки продолжает открывать для себя Россию. Русская литература играет одну из ключевых ролей в укреплении добрососедских отношений между Россией и Шри-Ланка. Как нам известно, многие ланкийские студенты приходят к изучению русского языка через переводы классических произведений, прочитанных ещё в детстве» [4, с. 5].

На форуме прозвучало предложение губернатора восточной провинции, учившегося в Университете Дружбы народов имени П. Лумумбы, переводившего три книги К.Г. Паустовского и опубликовавшего книгу «Десять лет в Москве», провести российско-шриланкийский литературный фестиваль в 2027 г. в возглавляемой им восточной провинции Шри-Ланки.

В Шри-Ланке русская литература пользуется большой популярностью. Это объясняется тем, что в советское время московские издательства «Прогресс» и «Радуга» постоянно большим тиражом выпускали советскую классику для детей на сингальском и тамильском языках (на острове Цейлон проживает 22 миллиона человек, большая часть — сингалы, исповедующие буддизм, 13% — тамилы, исповедующие ислам; между ними случались конфликты, перерастающие в гражданскую войну в разные годы).

Многие дети в Шри-Ланке учились читать в XX в. по книгам на сингальском и тамильском языке — переводам русских и советских классиков, так как именно эти книги были самыми доступными для небогатых многодетных семей благодаря их невысокой цене.

Кроме того, многие сингалцы учились в Москве в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, полюбили Россию и сохрани-

ли самые добрые воспоминания о годах учёбы в Москве и других городах России (Ростове-на-Дону и др.) и сегодня занимают высокие посты. Уже в постсоветское время в Шри-Ланке переведены на сингальский язык пьеса А.П. Чехова «Вишнёвый сад», роман «Тихий Дон» М.А. Шолохова (переводился с английского языка), проза В.М. Воскобойникова, повесть В. Голявкина «Мой добрый папа».

На открытии фестиваля выступили министр по делам буддизма, религий и культуры Шри-Ланки профессор Хинидума Сунила Сеневи, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Шри-Ланке Л.С. Джагарян, посол Казахстана в Шри-Ланке С. Викторов. Л.У. Звонарёва представила доклад «О классической русской литературе и тенденциях развития современной словесности». Было принято решение провозгласить на Шри-Ланке 2027 год Годом Льва Николаевича Толстого.

31 января Л.У. Звонарёва участвовала в масштабном литературно-художественном мероприятии в г. Канди, последней столице независимого сингальского государства, центре шриланкийского буддизма, проходившем с участием высших чиновников города и Центральной провинции Шри-Ланки в Детской библиотеке им. Э.Л. Сенанаяки и посвящённом развитию культуры Центральной провинции и роли литературы и искусства в воспитании молодого поколения. Выступающие говорили о значении русской литературы для формирования личности. Мэр Канди Чандрасири Видженаяки вручил Л.У. Звонарёвой почётный диплом от имени городской администрации, детской библиотеки и Общества русско-шриланкийской дружбы, которое к этой встрече выпустило три брошюры с переводом на сингальский язык истории визита А.П. Чехова в г. Канди в 1890 г., назвавшего Цейлон «раем», и с переводом двух выступлений президента РФ В.В. Путина, посвящённых юбилею Великой Отечественной войне и присоединению Новороссии.

3 февраля в Русском Доме в Коломбо состоялся форум детских писателей Шри-Ланки памяти А.А. Лиханова, на котором профессор Л.У. Звонарёва выступила с докладом «Востребованность традиций, заложенных прозой А.А. Лиханова, в детской литературе постсоветской России».

5 февраля в Университете Рухуны (исторической области на юге Шри-Ланки), единственном университете в Южной провинции, основанном в 1978 г., профессор Л.У. Звонарёва встретилась с директором Центра по международным отношениям доктором Ваджирой П. Булугахапития, зав. кафедрой сингальского языка доктором Локешвари Карунаратна, преподавателями и студентами сингальского отделения и представила в развёрнутом сообщении международную и образовательную деятельность Университета мировых цивилизаций. В Университете Рухуны работают 600 преподавателей на 10 факультетах, обучаются 12 тысяч студентов.

В 2020 г. по инициативе посольства Шри-Ланки в РФ университет организовал онлайн-курсы сингальского языка для желающих (доктор Локешвари провела 46 занятий), учебные материалы адаптировал для русскоязычных слушателей доцент Института стран Азии и Африки Б.М. Волхонский, подготовивший учебник сингальского языка.

Доктором Ваджирой П. Булугахапития было предложено установить прямой контакт между международным отделом УМЦ и Центром по международным отношениям Университета Рухуны с целью организации дальнейшего сотрудничества и возможного обмена студентами.

Таким образом, хотя общественность каждой из этих стран — Польши, Болгарии, Черногории, Турции, Непала, Шри-Ланка пыталась решать, опираясь на русских писателей, свои внутриполитические задачи, связанные со стабилизацией ситуации страны в целом, для русских писателей, участников литературно-образовательных чтений, литературно-музыкальных фестивалей и Дней русской культуры, была важна последовательная трансляция традиционных ценностей русской культуры и русского мира в иноязычной среде, особенно современникам младшего поколения, которые росли в атмосфере недооценки и отмены русской культуры за рубежом, формирование позитивного образа России, установление долгосрочных партнёрских связей.

Мягкая сила новой России, основывающаяся, в том числе, и на базовых ценностях русского мира, — по-прежнему востребованный инструмент в развитии и поддержании межкультурных

связей и межнационального диалога с различными странами мира. Важно, что даже в начале становления новой России её мягкая сила проявляла себя как конструктивный фактор в развитии таких отношений. Поэтому теперь, когда новая Россия по праву возвращает себе своё место в клубе великих держав, представляется важным поддерживать нынешний уровень таких связей и диалога и всемерно развивать их, что благотворно повлияет на всех участников этих процессов.

Список литературы

1. Болгария глазами русских писателей и художников (составители Л.У. Звонарёва, И. Петров). — Шумен: Аксиос, 2015. — 240 с.
2. Из жизни Райского сада (составители Г. Климова, П. Анчев). — Варна: Компас, 2000. — 480 с. (на болгарском и русском языках).
3. Непальская поэтическая тетрадь: книга в журнале (составитель И.А. Елисеев, подстрочный перевод — Кришна Пракаш Шрестха) // Литературные знакомства. — 2025. — № 5. — С. 5–113.
4. Советские и русские рассказы. Т. 4. — Коломбо: S. Godade Brothers, 2026. — 428 с. (на сингальском языке, предисловие Л.С. Джагарян, Е.Л. Поповой — на русском языке)
5. Шри-ланкийская литературная тетрадь: книга в журнале (составители Б.М. Волхонский и Р. Сенасингхе) // Литературные знакомства. — 2025. — № 12. — С. 5–142.
6. *Эрдоган Р.Т.* Более справедливый мир возможен / перевод с турецкого С. Учгюль, под ред. Л.У. Звонарёвой. — М.: Проспект, 2023. — 190 с.

А.Н. Иванов

специалист по организации и сопровождению мероприятий,
Централизованная религиозная организация
«Международная Исламская Миссия»

ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА СОЕДИНЁННОГО КОРОЛЕВСТВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А.Н. Ivanov

Event Management and Support Specialist,
Centralized Religious Organization International Islamic Mission

HUMANITARIAN POLICY OF THE UNITED KINGDOM OF GREAT BRITAIN AND NORTHERN IRELAND IN CENTRAL ASIA

Аннотация. Статья имеет своей целью проанализировать и обобщить основные направления, задачи и результаты деятельности Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в области гуманитарной политики в Центральной Азии в 2020–2025 годах на примере Управления по вопросам иностранных дел при правительстве с момента его преобразования из Департамента международного развития.

Ключевые слова: Центральная Азия, внешняя политика Великобритании, гуманитарная политика, публичная дипломатия, неправительственные организации.

Abstract. The article aims to analyze and generalize the main directions, tasks and results of the activities of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland in the field of humanitarian policy in Central Asia in 2020-2025 using the example of the Office of Foreign Affairs under the Government since its transformation from the Department of International Development.

Key words: Central Asia, United Kingdom Foreign policy, humanitarian policy, public diplomacy, non-governmental organizations.

Интерес Великобритании к Центральной Азии проявляется не первое столетие. Как справедливо было отмечено Еленой

Парубочай, одной из современных задач Великобритании в проведении активной гуманитарной политики в Центральной Азии является поиск альтернативных торговых маршрутов, которые проходят в обход России¹. Однако стоит отметить, что в геополитическом контексте не менее выгодным является оказание давления на Россию, для которой Центрально-Азиатский регион представляет стратегический интерес, что подтверждается Главой V, пунктом 4 Концепции внешней политики Российской Федерации². После выхода из состава Европейского союза Великобритания стала одним из активнейших акторов в Центральной Азии. В период консервативного правительства Риши Сунака (2022–2024 гг.) ключевые программы по взаимодействию со странами перестали быть ориентированными на конкретную страну, перейдя на региональные программы Официальной помощи в целях развития (ODA³).

27 марта 2024 года при правительстве Риши Сунака были опубликованы аналитические записки по взаимодействию Великобритании и стран Центральной Азии — Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана. Иностранные партнеры Великобритании по сотрудничеству в регионе представляют широкий спектр различных государственных акторов и международных организаций и включают США, ЕС, Организацию по сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Всемирный банк, Азиатский банк развития (АБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и др. В контексте программ ODA, реализуемых во всех странах Центральной Азии, стоит отметить ключевые из них.

¹ Парубочая Е.Ф. «Мягкая сила» и публичная дипломатия ЕС и Великобритании в отношении стран Центральной Азии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2025. — № 3. — <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-i-publichnaya-diplomatiya-es-i-velikobritanii-v-otnoshenii-stran-tsentralnoy-azii>

² Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. — 2026. — <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

³ Official development assistance.

Одной из магистральных программ является содействие климатической, энергетической и водной безопасности в регионе Центральной Азии (CEW-SA¹). Реализация данной программы началась в 2024 году и продлится до 2030 года, она включает в себя комплекс мероприятий, среди которых обеспечение низкоуглеродного роста, устойчивого к изменению климата, а также укрепление регионального сотрудничества. В качестве ожидаемых результатов правительство Сунака видело повышение устойчивости и суверенитета Центральной Азии. Одной из организаций, которые косвенно могут быть связаны с реализацией данной программы, является Ассоциация возобновляемых источников энергии «Qazaq Green» (Казахстан), на которую ссылаются составители аналитической записки, и деятельность которой полностью соответствует заявленным целям и задачам настоящей программы CEW-SA: «поддержка развития возобновляемых источников энергии в Казахстане, продвижения принципов зеленой экономики и содействия достижению углеродной нейтральности. Ассоциация представляет и защищает интересы участников сектора зеленой энергетики и объединяет инвесторов, девелоперов, производителей оборудования, международные финансовые институты и университеты»². Данный факт представляет особую ценность, так как становится очевидно, что общественная организация представляет многих акторов, но только не то государство, на территории которого реализуется деятельность. Таким образом, сохранение климата в государстве представляется через интересы других — иных акторов, что ставит под вопрос истинные интересы данной организации.

В этой связи стоит отметить беспрецедентный характер организации «Совет партнеров по развитию в Кыргызской Республике», о которой упоминается в аналитической записке правительства Риши Сунака³. Здесь примечательно то, что Великобритания

¹ Climate, Energy and Water Security for Central Asia region.

² О нас // Ассоциация ВИЭ «Qazaq Green». — 2026. — <https://www.qazaqgreen.kz/ru/about>

³ УК — Kyrgyzstan development partnership summary // GOV UK. — 2024. — <https://www.gov.uk/government/publications/uk-kyrgyzstan-development-partnership-summary>

является одним из учредителей организации. Не слишком ясно, чем занимается «Совет по развитию Кыргызской Республики», так как цель организации расплывчата и не содержит конкретных формулировок: «...создан с целью улучшения многостороннего потока соответствующей информации между донорами, государственными учреждениями и институтами гражданского общества»¹. О передаче какой информации идет речь стоит только догадываться, однако настолько непрозрачные и расплывчатые формулировки выводят на мысль о попытках Великобритании напрямую влиять на внешнюю и внутреннюю политику Республики Кыргызстан. В этой связи стоит обратить внимание на партнерские отношения между правительством Великобритании и министерствами Республики. В той же аналитической записке упоминается о взаимодействии с Министерством экономики и коммерции, Министерством природных ресурсов, Министерством цифрового развития, Национальным статистическим управлением и Национальным банком Кыргызстана. Таким образом Соединенное Королевство в Кыргызстане имеет широкое представительство как на официальном уровне, так и на уровне институтов гражданского общества, имея все инструменты для продвижения собственной политики в стране.

Наиболее расплывчатой в формулировках представляется программа «Эффективное управление в целях экономического развития в Центральной Азии» (EGED²). Программа реализовывалась с 2020 по 2025 год, по итогам программы ожидалось повышение эффективности, подотчетности и прозрачности реализации экономической политики в отношении «приоритетных реформ в экономике». Что под ними понимается, остается неизвестным, так как в аналитической записке отсутствуют пояснения. Не менее интересным является тот факт, что реализация программы закончилась относительно недавно, на февраль 2026 года сайт программы доступен только в рамках главной страницы, не по-

¹ О Совете партнеров по развитию в Кыргызской Республике // Координационный совет по развитию в КР. –2026. — <https://donors.kg/ru/o-nas>

² Central Asia Effective Governance for Economic Development.

зволюя изучить отчетность или открыть какие-либо вклады о программе¹.

Представляет интерес деятельность Фонда «Зеленый инклюзивный рост» Великобритании и Центральной Азии (GIG²). Она началась в 2024 году и продлится до 2029 года. Целью программы Фонда за указанный период является увеличение малого и среднего бизнеса и в его контексте увеличение «зеленого» инвестирования в Центральной Азии. Основной задачей при этом ставится обеспечение гендерного равенства, а потом уже достижение целей Рамочной конвенции об изменении климата и Конвенции по борьбе с опустыниванием. Всё это обозначено в проекте, связанном с «зеленой» энергетикой, что говорит о первостепенной значимости продвижения политической повестки, а не помощи в связи с изменениями климата. Бюджет программы составляет £18 014 806 (1 904 525 290.3 рублей), из которого за два года реализации было использовано £2 499 038 (264 198 297.36 рублей)³. Отсутствуют данные о бюджете на конкретную страну, поэтому проблематично сделать вывод, какую долю составляет финансирование программы в той или иной стране региона. Тем не менее, исходя из того, что на последние 4 года остаётся более 85% заложенного бюджета, можно сделать вывод о том, что основные этапы ещё впереди, и существенных результатов стоит ожидать в ближайшие 2–3 года.

Проанализировав три основные программы ODA, следует остановиться на 4 основных программах в рамках Центральных управленческих программ (CMPs⁴). Среди них особо выделяется программа Фонда поддержки торговли и инвестиций (TAF2 Plus⁵). Программа реализовывалась с 2015 по 2024 гг. при бюджете £16 000 000 (1 691 520 000 рублей). Цель программы — помочь правительствам эффективно участвовать в международных

¹ The Effective Governance for Economic Development (EGED). — 2026. — <https://eged-ca.org/>

² UK-Central Asia Green Inclusive Growth Fund.

³ UK-Central Asia Green Inclusive Growth (GIG) Fund // GOV.UK Development Tracker. — 2026. — <https://devtracker.fcdo.gov.uk/programme/GB-GOV-1-400053/summary>

⁴ Centrally Managed Programmes.

⁵ Trade and Investment Advocacy Fund.

торговых переговоров и интегрироваться в глобальную торговую систему. Варианты поддержки у программы заявляются разные, различающиеся по качеству и времени выполнения: «Окно переговоров» — для краткосрочной поддержки до и во время переговоров, «Стратегическое окно» — расширенная поддержка до начала переговоров и после подписания соглашений, «Окно страновых представительств» — для узкоспециализированных консультаций британских представительств за рубежом для формирования политики и программ¹. Исходя из настоящих данных в совершенно ином свете предстаёт тот факт, что проект для дипломатического сопровождения представителей Великобритании за рубежом выделяет финансирование для Узбекистана. Так, например, в 2023–2024 гг. Узбекистану в рамках программы было выделено £50 000 (5 286 000 рублей).

Программа Обеспечения репродуктивного здоровья (HSP²). Релизация проводилась с 2019 по 2025 гг. с целью удовлетворения потребностей в контрацепции более 20 миллионов женщин в год для снижения числа нежелательных беременностей и материнской смертности. В Центральной Азии, где сильны традиционные общества, такие программы требуют системного и длительного подхода. Как и в случае с GIG, основная задача указывается первой, а сопутствующие, менее важные, далее. Другими задачами HSP являлось улучшение здоровья матерей, новорожденных и детей, а также содействие всеобщему охвату услугами здравоохранения.

Также следует упомянуть о двух других программах, проводившихся в Центральной Азии. Одна из них — Глобальное налогообложение и общественные блага (GTP³). Программа реализовывалась до 2024 года и была направлена на укрепление налоговых институтов и мобилизацию доходов на национальном уровне. Другая программа — Глобальное партнерство в интересах образования (GPE⁴) — проводится с 2021 по 2026 гг., заявленная цель программы — преодоление глобального кризиса в сфе-

¹ <https://www.taf2plus.com/about>

² Health Supplies Programme.

³ Global Tax and Public Goods.

⁴ Global Partnership for Education.

ре образования, в том числе последствий пандемии COVID-19, особенно для девочек. Это говорит о приоритетной задаче Великобритании сконцентрировать идеологическую пропаганду среди женского подрастающего населения Центральной Азии, чтобы в дальнейшем использовать это для более эффективного продвижения интересов в регионе. Однако в этом возникают определенные сложности по причине того, что в Центральной Азии всё ещё преобладает клановая система как во внутренней, так и во внешней политике, что неоднократно отмечал Богатуров¹. Следовательно, продвижение неолиберальной повестки испытывает значительные трудности, в сравнении с аналогичной политикой, проводимой Западом до Специальной военной операции в России.

В табл. 1 представлена информация о проектах ODA и CMPs, реализованных и реализуемых в странах Центральной Азии с 2020 по 2025 гг.

Таблица 1

**Проекты Великобритании в Центральной Азии
с 2020 по 2025 гг.**

Казах- стан	Кыргыз- стан	Туркмени- стан	Узбекистан	Таджикистан
CEW-CA	CEW-CA	CEW-CA	CEW-CA	CEW-CA
EGED	EGED	—	EGED	EGED
GIG	GIG	GIG	GIG	GIG
—	—	—	TAF2 Plus	—
—	RHS	—	—	—
—	GTP	—	GTP	GTP
—	GPE	—	GPE	GPE

Следует особо остановиться на масштабах официального сотрудничества Великобритании с ведомствами и министерствами стран Центральной Азии. В Казахстане Соединенное Королевство сотрудничает с Агентством по стратегическому планированию и

¹ *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. — М.: Аспект Пресс, 2017. — С. 404.

реформам Республики Казахстан¹. В Туркменистане — с Министерством иностранных дел, Министерством сельского хозяйства и охраны окружающей среды, Министерством образования, Министерством экономики и финансов, Министерством обороны, Государственным комитетом водного хозяйства, Министерством культуры, Министерством внутренних дел². В Узбекистане — с Агентством стратегических реформ (АСР), Министерством иностранных дел, Министерствами экономики и торговли, финансов, промышленности, труда и миграции, обороны, а также с правоохранительными органами³. В Таджикистане — с Администрацией президента, Министерством иностранных дел, Министерством экономики и торговли, финансов, промышленности, труда и миграции, обороны, а также правоохранительными органами⁴. Такой широкий спектр официальных партнеров среди ведомств и министерств стран Центральной Азии говорит о том, что присутствие Великобритании является значительным и способно при благоприятных обстоятельствах обеспечить высокую эффективность по реализации целей и задач страны в регионе.

Таким образом, стоит отметить, что деятельность Соединенного Королевства в странах Центральной Азии осуществляется на всех уровнях, начиная с гражданского общества, заканчивая органами исполнительной и законодательной власти. Это говорит о том, что присутствие является существенным и способно кардинально влиять на состояние государств и на принимаемые

¹ UK — Kazakhstan development partnership summary // GOV UK. — 2024. — <https://www.gov.uk/government/publications/uk-kazakhstan-development-partnership-summary>

² UK — Turkmenistan development partnership summary. March 2024 // GOV UK. — 2024. — <https://www.gov.uk/government/publications/uk-turkmenistan-development-partnership-summary/uk-turkmenistan-development-partnership-summary-march-2024#links>

³ UK — Uzbekistan development partnership summary // GOV UK. — 2024. — <https://www.gov.uk/government/publications/uk-uzbekistan-development-partnership-summary>

⁴ UK — Tajikistan development partnership summary. March 2024 // GOV UK. — 2024. — <https://www.gov.uk/government/publications/uk-tajikistan-development-partnership-summary/uk-tajikistan-development-partnership-summary-march-2024>

ими решения. Прикрываясь заявленными целями в программах поддержки о принесении благ для обществ Центральной Азии, непряткрыто заявляються также и цели о продвижении неолиберальных нарративов и, как следствие, о влиянии на внутреннюю и внешнюю политику государств. Для этого среди прочего используются в качестве давления различные инструменты, например, возможность продолжения или прекращения финансирования тех или иных программ. К факторам, замедляющим реализацию данных программ, относится клановая и в определенной степени традиционная составляющая обществ Центральной Азии. Современная неолиберальная парадигма сталкивается с противодействием среди местных жителей на культур и ценностных ориентиров. Ответственные лица в Великобритании не игнорируют данный факт, в связи с чем организуются программы, нацеленные на противодействие этому фактору, с особым акцентом воспитание и образование девочек, в образовательные программы для девочек закладываются те ценности и то мировоззрение, которое в перспективе 10–20 лет даст необходимый для Соединенного Королевства результат. Также стоит обратить внимание, что в данные образовательные программы попадают представители различных слоев общества, что позволит в будущем представлять интересы Лондона в регионе как в низших слоях общества, обеспечивая почву для проводимой политики, так и в высших, которые принимают решения на уровне государства. Исходя из этого, Российской Федерации, считающей Центральную Азию одним из приоритетных направлений во внешней политике, следует учитывать данные факторы при организации взаимодействия со странами региона во всех сферах и на всех уровнях. В противном случае высока вероятность, что в ближайшие десятилетия регион, традиционно считающийся партнером России, превратится в проводника интересов Соединенного Королевства.

О.Б. Иванов

руководитель Центра урегулирования социальных конфликтов,
доброволец бригады «БАРС-Курск», ветеран СВО

ПОЛИТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ИНТЕРЕСАМИ

O.B. Ivanov

head of the Center for the Settlement of Social Conflicts,
volunteer of the BARS-Kursk brigade, a veteran of the Special military operation

POLITICIZATION OF SOCIAL CONFLICTS AS A FORM OF MANIPULATION OF PUBLIC INTERESTS

Аннотация. Актуальность исследования связана с усилением политизации социальных конфликтов, используемой как инструмент манипуляции. Цель статьи — проанализировать данное явление. Методология основана на сравнительном анализе современных протестных движений (BLM, «Me Too» и др.) и медийных практик. Основные результаты: выявлены ключевые механизмы трансформации социальных конфликтов в политические — их провокация и эскалация медиа для создания «хайпа», использование для отвлечения внимания от реальных проблем, а также навязывание «новой этики» в качестве манипулятивного инструмента. Вывод: политизация конфликтов зачастую служит не разрешению противоречий, а продвижению узкогрупповых интересов, что требует разработки адекватных национальным традициям механизмов урегулирования.

Ключевые слова: социальный конфликт, политизация, манипуляция, медиа, «культура отмены», политические технологии.

Abstract. The relevance of the study is related to the increasing politicization of social conflicts, used as a tool of manipulation. The purpose of the article is to analyze this phenomenon. The methodology is based on a comparative analysis of modern protest movements (BLM, “Me Too”, etc.) and media practices. Key results: the key mechanisms of transformation of social conflicts into political ones have been identified — their provocation and escalation by the media to create a “hype”, use to distract attention from real problems, as well as the imposition of a “new ethics” as a manipulative tool.

Conclusion: the politicization of conflicts often serves not to resolve contradictions, but to promote narrow-group interests, which requires the development of settlement mechanisms adequate to national traditions.

Key words: social conflict, politicization, manipulation, media, “cancellation culture”, political technologies.

Каждое утро, включая новостные программы и сайты, листая ленты социальных сетей, мы видим широкую панораму противостояний разного характера, степени интенсивности и влияния на жизнь людей и функционирования социальных институтов. Выступления против реальных или мнимых фальсификаций выборов, которые происходят теперь не только в «новых» демократических странах вроде Ирака (2021) или Белоруссии (2020), но и в традиционно благополучных «колыбелях демократии» — Франции (2022) и США (2021). Протесты экологов, вне зависимости от важности проблемы, зачастую выглядящие комично, — вспомним, шведскую школьницу Грету Тунберг, призывавшую прогуливать уроки ради борьбы с изменением климата. Массовые беспорядки на расовой и этнической почве, организованные движением Black Lives Matter (BLM, «Жизни черных имеют значение») в 2020 г. после гибели во время ареста афроамериканца Джорджа Флойда и спровоцировавшие серьезный социальный кризис не только в США, но и в европейских странах. Бунты против антиковидных ограничений и обязательной вакцинации, возникавшие в разных государствах вне зависимости от строгости этих ограничений, политического устройства стран и традиций публичного протеста. Споры и флешмобы в соцсетях, существенно влияющие на новостную и этическую повестку общества, например, «Me too» («Я тоже», 2017) — флешмоб, в рамках которого миллионы женщин рассказали о сексуализированном насилии, которому подвергались в разные годы своей жизни, прямо указывая имена и должности виновных в этом. Важнейшим последствием этого флешмоба стало появление новой этической практики — «культуры отмены», которая спустя несколько лет стала распространяться не только на обвиненных в сексуальных домогательствах отдельных граждан, но и на целые народы и их культуры. Такому

остракизму в европейских странах после начала Специальной военной операции (СВО) на Украине подверглись поддерживавшие решение президента Владимира Путина о проведении СВО российские деятели спорта и культуры. Впрочем, такое настойчивое привлечение к «коллективной ответственности» вызвало в мире неоднозначную реакцию, в свою очередь, приведшую не к профессиональному — творчески-эстетическому, а к политическому конфликту в разнообразных культурных институциях.

Примеры конфликтов и их эскалации можно приводить бесконечно. Важно констатировать, что по причинам объективного и субъективного характера, современный мир находится в очевидно конфликтном состоянии. Человечество вступило в новое тысячелетие не только с достижениями в социально-экономической, научно-технической и культурной сферах, но и с грузом нерешенных и все более обостряющихся проблем. Кроме того, многие плоды научно-технического и социального прогресса — в частности, неограниченный доступ в Интернет, который дает каждому возможность высказаться по любому поводу и разместить любую информацию без особых последствий для себя — становятся мощными факторами и инструментами возникновения и эскалации конфликтов, а также их трансформации из социальных в политические.

Политический конфликт занимает среди конфликтов особое место. Ведь сама по себе политика — область постоянной и повышенной конфликтности по сравнению с другими сферами общественной жизни. Источник такой конфликтности кроется в самой природе политических отношений как отношений власти, построенных на господстве интересов одних людей над интересами других. В современном обществе, публично декларирующем стремление к демократии и гуманизму, принято достигать такого господства не за счет грубой силы и принуждения, а с помощью различных манипуляций общественным сознанием, которые, впрочем, могут иметь не только негативный, но и альтруистический характер. Как известно, вовремя разрешенный конфликт также является важнейшим средством выработки новых, удовлетворяющих общество и отдельного гражданина идей, смыслов, социальных и политических практик.

И тут возникает парадокс: с одной стороны, манипуляция общественным сознанием направлена на достижение общественного согласия, с другой — казалось бы, антоним «согласия» «конфликт» тоже служит выработке необходимых для достижения общественного согласия решений. Другое дело, насколько этот конфликт реален, а насколько является порождением манипуляции.

Широко известна политтехнологическая практика создания конфликта ради отвлечения внимания от действительно важных проблем и решений власти. Так, зачастую, СМИ, особенно «желтые» привлекают внимание к скандальным и/или просто хамским высказываниям знаменитостей, бессмысленным и/или эпатажным заявлениям политиков. И пока граждане обсуждают какой-нибудь «закон о топоте котов» или запрет предпринимателя на посещение его торговой точки представителями ЛГБТ, власть спокойно принимает свои решения, которые всерьез влияют на жизнь граждан.

Вообще роль медиа — и традиционных, и тех, что принято называть «социальными» — в провокации, эскалации, трансформации конфликтов переоценить невозможно. СМИ с восторгом подхватывают любую конфликтную историю, способную разделить мнения публики по актуальному вопросу и тем самым вызвать широкую общественную дискуссию, так называемый «хайп», который в прогрессии увеличивает количество просмотров того или иного материала и разнообразных реакций на него. А также переводит локальное событие, чаще всего уже регулируемое административным или уголовным правом, в катализатор глобального масштаба. Например, дискуссии о наказании нетрезвых водителей, устроивших аварии с человеческими жертвами, в социальных сетях довольно быстро превращаются в полемику о возвращении в нашей стране смертной казни, что уже является не только правовым, но и политическим вопросом.

До конца 80-х годов XX века в СССР была распространена точка зрения о принципиальной бесконфликтности советского общества. Конфликты признавались только на межличностном уровне, в бытовой, семейной, трудовой и иных сферах взаимодействия человека или небольших коллективов, однако полностью

отрицались как феномен общесоциального или политического порядка. Более того, граждане, пытавшиеся по разным причинам конфликтовать с государством или обращавшие внимание на латентные конфликты, существующие в обществе, разнообразным образом преследовались — многие нынешние общественные активисты и защитники своих мнимых прав и привилегий в советское время удостоились бы диагноза «бред сутяжничества». Ныне же спровоцировать конфликт, основанный на противопоставлении себя традиции и общественному порядку, довольно просто. Достаточно всего лишь совершить действие, не признаваемое в нашей культуре как приличное и уместное, и устроить публичный скандал, когда сделают замечание или каким-либо другим способом призовут к соблюдению порядка.

Официальная декларация бесконфликтности советского общества привела к тому, что эталоном для исследования социально-политических конфликтов на долгое время стали теории и методы, распространенные в странах «развитой демократии». В конце 1980-х — начале 1990-х такой подход выглядел вполне обоснованным, поскольку в этих странах объективно сложились зрелые и развитые формы взаимодействия общественных и государственных институтов, накоплен существенный опыт в сфере разработки и применения соответствующих политических технологий.

Однако со временем стало понятно, что в условиях трансформирующихся обществ, то есть обществ, осуществляющих переход от одного общественно-политического режима к другому (преимущественно от тоталитарного или авторитарного режима в сторону режима с более демократическими институтами), роль и статус институтов урегулирования социальных и политических конфликтов носят, очевидно, иной характер, нежели в таких государствах, как, например, США или страны Западной Европы. Следовательно, свою специфику в трансформирующихся обществах имеют и политические технологии, реализуемые с участием таких институтов. Многие из них, как выяснилось, просто не соответствуют нашим традициям.

В то же время парадигма разрешения социальных конфликтов, принятая в США и странах Западной Европы, существенно изменилась с конца 1980-х — начала 1990-х годов. Принципы

политкорректности и толерантности, господствовавшие в социальных теориях и практиках в тот период, сменились навязыванием всему обществу ценностей и потребностей агрессивной повестки меньшинств — сноса памятников историческим деятелям, признанными колонизаторами; переписыванием классических литературных произведений; квотами на представительство «угнетенных групп» в кинопродукции; «культурой отмены» без права «отменяемого» хоть как-то оправдаться перед обществом; легализацией легких наркотиков, однополых браков, смены пола несовершеннолетними и др. Подобные аспекты так называемой «новой этики» как основы разрешения социальных конфликтов оказываются для нашего общества неприемлемыми. Кроме того, в последнее десятилетие стала очевидна избирательность западных правительств и общественных деятелей в поддержке и неприятии тех или иных сторон политических конфликтов. В политических конфликтах по всему миру США, а за ними и Западная Европа возвращаются к принципу, сформулированному в характеристике никарагуанского диктатора Анастасио Сомосы, данной президентом Франклином Делано Рузвельтом: «Да, он сукин сын, но он наш сукин сын!» То есть, США не просто не способствуют разрешению конфликтов в других странах, но и намеренно провоцируют их в угоду собственным интересам в том или ином регионе и поддерживают тех политиков, которые готовы отказаться от национальных интересов и благополучия собственных граждан ради собственной репутации в глазах в странах «золотого миллиарда».

Н.А. Карцев

доцент Кафедры мировой политики
и межкультурного развития

Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва.

zaprudn@yandex.ru

МЕСТО И РОЛЬ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРОУСТРОЙСТВЕ

N.A. Kartsev

Associate Professor,
Sub-Faculty of World Politics and Inter-civilizational Development
Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow.

zaprudn@yandex.ru

THE PLACE AND ROLE OF PARLIAMENTARY DIPLOMACY IN THE CHANGING WORLD ORDER

Аннотация. Статья посвящена месту и роли парламентской дипломатии в изменяющемся мироустройстве. Представлены приоритетные задачи российской парламентской дипломатии. Кратко представлена международная деятельность Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в 2025 году. Рассматривается роль парламентских групп по сотрудничеству в межпарламентской деятельности. Предлагается продолжать парламентское содействие развитию потенциала «мягкой силы», наращиванию культурного и гуманитарного присутствия России в мире, продвижению «женской» повестки, работу по защите гуманитарных прав соотечественников за рубежом. В год 80-летия со дня рождения В.В. Жириновского приводятся примеры из его плодотворной деятельности в сфере парламентской дипломатии.

Ключевые слова: парламентская дипломатия, межпарламентская деятельность, Концепция внешней политики Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, парламентские группы по сотрудничеству (группы дружбы), 80 сессия Генеральной Ассамблеи ООН, Межпарламентский союз (МПС), Парламентский

форум БРИКС, Совет Европы (СЕ), Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ).

Abstract. The article is devoted to the place and the role of the parliamentary diplomacy in the changing world order. The priority tasks of Russian parliamentary diplomacy are presented. The international activities of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation in 2025 are briefly outlined. The role of parliamentary cooperation groups (friendship groups) in inter-parliamentary activities is considered. It is proposed to continue parliamentary support for the development of “soft power” potential, the expansion of Russia’s cultural and humanitarian presence in the world, the promotion of the women’s agenda, and work to protect the humanitarian rights of compatriots abroad. In the year of the 80th anniversary of the birth of V.V. Zhirinovskiy, examples of his fruitful work in the field of parliamentary diplomacy are given.

Key words: parliamentary diplomacy, inter-parliamentary activities, the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, Federal Assembly of the Russian Federation, Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, parliamentary cooperation groups (friendship groups), the 80th session of the UN General Assembly, Inter-Parliamentary Union (IPU), BRICS Parliamentary Forum, Council of Europe (CE), Parliamentary Assembly of the Council of Europe (PACE).

В последние годы публичная дипломатия получила новое масштабное измерение для влияния на общественное мнение благодаря возможностям Интернета, электронных средств массовой информации и социальных сетей.

Это измерение отразилось и в значительном возрастании роли парламентской дипломатии, предусматривающей развитие сотрудничества между парламентами как на двусторонней основе, так и на многосторонних площадках. Парламентская дипломатия действует рядом, плечом к плечу с публичной, общественной, народной дипломатией; их сферы деятельности имеют широкую зону сопряжения.

В публичной дипломатии особый интерес представляет мнение людей, которые имеют признанный авторитет в обществе. К ним, несомненно, относятся парламентарии, получившие доверие избирателей на выборах.

Межпарламентская деятельность палат Федерального Собрания Российской Федерации должна способствовать развитию

отношений со всеми настроенными на конструктивное сотрудничество парламентами зарубежных стран и международными парламентскими организациями. При этом надо расширять круг партнеров, открытых к равноправному и конструктивному взаимодействию, находить новых друзей и союзников в международном парламентском сообществе.

Представляется важным не отказываться от контактов с парламентариями недружественных государств, а искать возможные пути для сближения позиций в целях формирования объединительной повестки дня и противодействия глобальным вызовам и угрозам. Такие контакты сейчас возможны и актуальны в основном на площадках международных организаций, объединений и форумов, таких как Генеральная Ассамблея ООН, конференции под эгидой учреждений ООН, Межпарламентский союз, Саммит председателей парламентов государств «Группы двадцати», Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум, участие в которых принимают делегации стран Запада.

Приоритетными задачами российской парламентской дипломатии являются разъяснение внешнеполитического курса и внутренней политики нашей страны, защита исторической правды и памяти о роли России в мировой истории, противодействие попыткам русофобии и фальсификации истории, борьба с идеологией агрессивного национализма, экстремизмом, разжиганием ненависти, укрепление правовых и институциональных основ современных международных отношений.

Специфика парламентской дипломатии позволяет доводить российские позиции до парламентариев, представляющих различные политические партии как правящие, так и оппозиционные. Здесь важна целенаправленная, глубоко продуманная, кропотливая работа.

Приведу примеры из международной деятельности Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2025 год. Только в Совете Федерации было проведено более 150 встреч с руководителями и членами зарубежных парламентов и международных парламентских организаций, влиятельными политиками, лидерами политических, общественных и религиозных организаций, послами иностранных государств.

Зарубежные визиты и встречи делегаций Совета Федерации внесли свой вклад в создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития страны, укрепление национальной безопасности, упрочение позиций Российской Федерации как одного из влиятельных центров современного мира.

Осуществлено 89 визитов делегаций Российской Федерации в 36 стран мира [1]. Приоритет был отдан, естественно, ближнему зарубежью. При этом состоялись визиты в различные страны Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки.

К сожалению, антироссийская политика стран Запада привела к свертыванию межпарламентских связей с Россией. Тем не менее, намечаются попытки парламентариев внести свой вклад в преодоление сложившейся конфронтации.

В январе 2025 года в Совете Федерации прошли встречи с парламентской делегацией Словакии во главе с заместителями Председателя Национального совета Словацкой Республики Андреем Данко и Тибором Гашпаром [2]. В течение 2025 года проведены полезные встречи сенаторов Российской Федерации с политическими деятелями из Болгарии, Венгрии, Словакии, Словении, Японии, которые стремятся к развитию отношений с Россией. Сохраняется и конструктивное взаимодействие с сербскими коллегами. В мае 2025 г. Москву посетил Председатель Народной Скупщины Республики Сербской, являющейся одним из двух энтитетов Боснии и Герцеговины. В декабре 2025 г. в Белграде было проведено совместное заседание групп по сотрудничеству Совета Федерации и Народной Скупщины Республики Сербии.

В июле 2025 года в Женеве Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко выступила на сессии 15 Саммита женщин-председателей парламентов и в общей дискуссии шестой Всемирной конференции спикеров парламентов на тему «Мир в смятении: парламентское сотрудничество и многосторонний подход к решению проблем во имя мира, справедливости и процветания каждого», провела 10 встреч с председателями парламентов стран Азии, Африки и Латинской Америки [3].

Заместитель Председателя Совета Федерации К.И. Косачев возглавлял делегации Совета Федерации на саммите «Парламентской двадцатки» (ЮАР, сентябрь 2025 года) и на 151 Ассам-

блее Межпарламентского союза (Швейцария, октябрь 2025 года); принял участие в Конференции председателей парламентов на тему «Мир, безопасность и развитие (Пакистан, ноябрь 2025 года) [4].

Председатель Комитета Совета Федерации по международным делам Г.Б. Карасин принял участие в составе российской делегации в Неделе высокой политики 80 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке [5].

Всё больше международных мероприятий проводится в формате видеоконференций, что дает дополнительную возможность укрепления межпарламентских связей, особенно с отдаленными странами.

На заседаниях Совета Федерации выступили Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко [6], Председатель Сената Федерального парламента Федеративной Республики Сомали Абди Хаши Абдуллахи [7], Вице-президент Республики Уганда Джессика Алуло [8], Председатель Консультативного совета Национального собрания Королевства Бахрейн Али Бен Салех Ас-Салех [9].

В 2025 году были подписаны три документа о межпарламентском сотрудничестве: Меморандум о взаимопонимании между Федеральным Собранием Российской Федерации и Арабским парламентом (подписали как Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко, так и Председатель Государственной Думы В.В. Володин) [10], Меморандум о взаимопонимании между Советом Федерации и Консультативным советом Национального собрания Королевства Бахрейн [11] и Соглашение о сотрудничестве между Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Меджлисом Туркменистана [12].

Знаковыми событиями, свидетельствующими о происходящих изменениях в мироустройстве, стали ежегодные парламентские форумы БРИКС. XI Парламентский форум БРИКС состоялся в июне 2025 года в Бразилии. Делегация Совета Федерации (заместитель Председателя Совета Федерации И.Ю. Святенко и председатель Комитета Совета Федерации по международным делам Г.Б. Карасин) представила российскую позицию по реформированию многосторонней архитектуры мира и безопасности [13].

Важной формой межпарламентского сотрудничества являются группы по сотрудничеству Совета Федерации с парламентами (палатами парламентов) иностранных государств. Такие группы представляют собой добровольные объединения сенаторов Российской Федерации, создаваемые в целях развития межпарламентских связей с зарубежными странами. Специфика групп по сотрудничеству (часто их называют группами дружбы), не нагруженных официальными процедурами, позволяет укрепить деловой и доверительный характер парламентских контактов.

В 2025 году состоялись визиты групп по сотрудничеству Совета Федерации в Алжир, Бахрейн, ОАЭ, Никарагуа, Сербию, Саудовскую Аравию. Обеспечен прием делегаций зарубежных групп по сотрудничеству из КНДР, Намибии, Таиланда. В формате видеоконференций проведены совместные заседания групп по сотрудничеству с Оманом, Замбией, Непалом, Никарагуа. Руководители групп по сотрудничеству (в ряде случаев и группа в полном составе) регулярно проводят встречи с Чрезвычайными и Полномочными Послами дружественных и нейтральных государств в Москве.

С 2022 года Совет Федерации совместно с Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь реализует ежегодный культурно-образовательный проект «Поезд памяти», посвященный Великой Отечественной войне. Этот масштабный проект имеет огромное воспитательное значение для молодежи стран постсоветского пространства и направлен на формирование уважительного отношения к исторической памяти. В год 80-летия Великой Победы более 200 школьников из всех 15 бывших союзных республик СССР проехали в июне-июле по маршруту, включавшему 8 городов Беларуси и 7 городов России, связанных с историей Великой Отечественной войны [14].

Совет Федерации вместе с Государственной Думой оказывает и будет оказывать содействие развитию потенциала «мягкой силы», наращиванию культурного и гуманитарного присутствия России в мире, противодействовать попыткам «отмены» российской культуры и дискредитации российских деятелей искусства, средств массовой информации, посягательствам на объекты российского культурно-исторического наследия в мире.

С учетом возрастающей роли женщин в решении глобальных вопросов, особое внимание придается продвижению «женской» повестки на мировой арене, в том числе реализации целей и задач, обозначенных в Итоговом документе четвертого Евразийского женского форума.

В этом году будет продолжена работа с общественными объединениями соотечественников за рубежом в целях защиты их гуманитарных прав, в том числе права на получение образования на родном языке и права на пользование родным языком в странах проживания. Планируется продолжить практику участия сенаторов Российской Федерации в региональных конференциях соотечественников, других международных мероприятиях, проводимых по линии Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом и по линии Россотрудничества.

Сложная международная обстановка, постоянные попытки давления на нашу страну диктуют острую потребность в качественно новом уровне работы с нашими диаспорами, с пророссийскими общественными силами за рубежом, в поиске новых эффективных форм сотрудничества.

Все перечисленные направления и формы международной парламентской деятельности осуществляются в соответствии с задачами, поставленными в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина 31 марта 2023 г. № 229 [15].

В год 80-летия со дня рождения В.В. Жириновского хочется привести в пример его деятельность в сфере парламентской дипломатии.

Сейчас появляется много информации о пророчествах и предупреждениях В.В. Жириновского. Одно из них касается отношений с Украиной. В декабре 1998 года Государственная Дума приняла Закон о ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной. Тогда неожиданно для всех В.В. Жириновский резко выступил против ратификации этого Договора, назвав его «антироссийским антигосударственным актом». Он заявил с трибуны Государственной Думы: «сегодня вы совершили четвертый раздел российского государства. Украина войдет в НАТО, и натовские войска будут стоять под Курском и

Смоленском» [16]. Тогда это предупреждение было воспринято как явный перегиб, как чрезмерная гиперболизация возможных опасностей. Но спустя четверть века мы осознаем, что в течение длительного периода недооценивали опасность неонацизма на Украине.

На международной площадке Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), где В.В. Жириновский в течение длительного периода входил в состав российской парламентской делегации, он содействовал решению общегосударственных задач, иногда (когда это требовалось) создавая себе в общественном мнении стран Запада имидж потенциального диктатора, для которого не приемлемы основы демократии. Так, в январе 1996 года, когда предстояло решающее голосование на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы о принятии России в члены этой организации, Владимир Вольфович на встречах с фракциями ПАСЕ в штаб-квартире Совета Европы в Страсбурге призывал западноевропейских парламентариев голосовать против российской заявки. Мотивировал он такие заявления тем, что отказ ПАСЕ принять нашу страну в «храм европейской демократии» позволит гражданам России избавиться от иллюзий в отношении политики Запада, а это приведет к последующей победе ЛДПР на выборах. Подтверждаю, что доводы В.В. Жириновского подействовали на членов ПАСЕ с большим эффектом, чем уверения ряда других депутатов в необратимости демократического курса России.

Можно приводить и другие примеры из парламентской деятельности В.В. Жириновского. Ясно, что мы должны помнить их и развивать его традиции парламентской, подлинно народной дипломатии.

Как отмечено в Концепции внешней политики Российской Федерации: «Широкое вовлечение конструктивно настроенных общественных сил во внешнеполитический процесс способствует формированию общенационального согласия в отношении внешней политики Российской Федерации, содействует ее реализации, имеет важное значение для более эффективного решения различных вопросов международной повестки дня» [15, пункт 75].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. <https://vmeste-rf.tv/programs/205/valentina-matvienko-itogi-2025-goda/>
2. <http://council.gov.ru/events/news/163656/>
3. <http://council.gov.ru/events/news/168598/>
4. <http://council.gov.ru/events/news/170594/>
5. <https://tvzvezda.ru/news/2025821154-LIWsd.html>
6. <http://council.gov.ru/events/news/164982/>
7. http://council.gov.ru/events/main_themes/166939/
8. <http://council.gov.ru/events/committees/167235/>
9. <http://council.gov.ru/events/news/168165/>
10. <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-gotova-obmenyatsya-opytom-s-arabskim-parlamentom.html>
11. https://senatinform.ru/news/verkhnie_palaty_rf_i_bakhreyna_podpisali_memorandum_o_vzaimoponimanii/
12. <https://www.pnp.ru/politics/sovet-federacii-i-medzhlis-turkmenistana-podpisali-soglashenie-o-sotrudnichestve.html>
13. <http://council.gov.ru/events/committees/166981/>
14. <https://www.pnp.ru/social/senator-kosachev-v-poezde-pamyati-byli-predstaviteli-vsekh-respublik-sssr.html>
15. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 31 марта 2023 г. № 229.
16. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811/>
17. <https://www.pnp.ru/politics/zhirinovskiy-predskazal-sobytiya-v-kurskoy-oblasti.html>

М.В. Катагощина

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный университет,
Институт евразийских и восточных исследований;
Российская академия образования, Центр воспитания и развития личности
marya.katagoshina@yandex.ru

МУЗЕЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ СТРАН СНГ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЛИКТНОСТИ XXI ВЕКА: СПЕЦИФИКА, ДОСТИЖЕНИЯ И РИСКИ

M.V. Katagoshchina

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Russian State University for the Humanities, Institute of Eurasian and Oriental Studies; Russian Academy of Education, Center for Personal Education and Development
marya.katagoshina@yandex.ru

MUSEUM DIPLOMACY IN THE CIS COUNTRIES IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL CONFLICT IN THE 21ST CENTURY: SPECIFICS, ACHIEVEMENTS AND RISKS

Аннотация. Статья посвящена международной деятельности музеев стран СНГ как одному из направлений культурной дипломатии начала XXI века. Автор характеризует правовые и этические основы развития музейной дипломатии постсоветских государств, эволюцию инфраструктуры международного диалога музеев стран СНГ в 2022–2025 гг. Основное внимание уделяется международным музейным проектам России, Казахстана и Узбекистана как ведущим акторам музейной дипломатии постсоветского пространства. Автор приходит к выводам о вовлеченности музеев стран СНГ в формирование новых площадок евразийской и глобальной музейной дипломатии, о заинтересованности большинства стран СНГ в развитии сотрудничества с музеями России, о необходимости поддержки международной работы музеев постсоветского пространства со стороны государственных и общественных институтов России и СНГ.

Ключевые слова: культурная дипломатия, музейная дипломатия, постсоветское пространство, СНГ, Евразия, межкультурные коммуникации, ИКОМ.

Abstract. The paper examines the international activities of museums in the CIS countries as a focus of cultural diplomacy at the beginning of the 21st century. The author explores the legal and ethical foundations for the development of museum diplomacy in post-Soviet states and the evolution of the infrastructure for international dialogue among museums in the CIS countries in 2022–2025. The focus is on international museum projects in Russia, Kazakhstan, and Uzbekistan as leading actors in museum diplomacy in the post-Soviet space. The author concludes that museums in the CIS countries are actively involved in developing new platforms for Eurasian and global museum diplomacy, that most CIS countries are interested in developing cooperation with Russian museums, and that state and public institutions in Russia and the CIS need to support the international work of museums in the post-Soviet space.

Key words: cultural diplomacy, museum diplomacy, post-Soviet space, CIS, Eurasia, intercultural communications, ICOM.

Современная международная обстановка характеризуется кризисом традиционных моделей и форм межгосударственных коммуникаций, что стимулирует интерес специалистов и всего мирового сообщества к альтернативным механизмам диалога между странами и народами. Одним из направлений международных коммуникаций в области культуры, получившим к настоящему моменту отражение в целом ряде авторитетных научных исследований, является музейная дипломатия. Роли музея не только как хранителя, но и как интерпретатора ценностей культуры, способного через профессионально выстроенные информационные и эстетические ракурсы воздействовать на общественное мнение, посвящены труды Т. Беннета и других западных авторов 1990-х — 2000-х гг., убедительно доказывающих, что «музеи обладают большой властью, формирующей и определяющей коллективные ценности и социальные принципы в национальном контексте», а также потенциалом эффективной реализации проектов культурной дипломатии¹. В XXI веке складывается отечественная историография по проблемам теории и практики музейной дипломатии. Наиболее значимыми компонентами данного историографического комплекса являются труды представителей научной школы

¹ Гринчева Н. Культурная дипломатия 2.0: перспективы использования в международной музейной практике // Вопросы музеологии. — 2013. — № 1. — С. 173.

Санкт-Петербургского государственного университета Н.М. Боголюбовой, Ю.В. Николаевой, В.И. Фокина, Е.Э. Эльц и др.¹ На основе анализа мирового и российского опыта международной деятельности музеев Н.М. Боголюбова дает определение музейной дипломатии как «использованию разнообразных направлений и форм международного музейного сотрудничества для реализации задач внешней культурной политики», подчеркивая, что данное направление межкультурных коммуникаций имеет собственные специфические подходы, формы и возможности². Этой же группе авторов принадлежит заслуга освещения культурного, в том числе музейного взаимодействия постсоветских государств³, которому исследователи музейной дипломатии пока что не уделяют особого внимания, более охотно обращаясь к теме международной активности европейских, американских и российских музеев мирового уровня (Британского музея, Лувра, Прадо, Эрмитажа и др.), а также Китая, Японии, стран Ближнего Востока. По-видимому, это обусловлено, с одной стороны, унаследованными от былых времен представлениями о музеях Баку, Минска, Ташкента и других столиц бывших союзных республик, не говоря уже о более мелких административных центрах, как о провинциальных, второстепенных по своей культурной значимости и, соответственно, не способных быть эффективными акторами музейной дипломатии, с другой — многолетней пассивностью значительной части данных музейных учреждений в позиционировании себя, своих коллекций и проектов на международном уровне. Во втором десятилетии XXI века оба этих обстоятельства остаются частью реалий

¹ Музейная дипломатия: вопросы теории и практики. Материалы круглого стола / под ред. Н.М. Боголюбовой, Ю.В. Николаевой, Е.Э. Эльц. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 90 с.; *Эльц Е.Э., Фокин В.И.* Музеи в культурной дипломатии России и Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2019. — № 4. — С. 865–882; и др.

² *Боголюбова Н.М.* Музейная дипломатия России // Музейная дипломатия: вопросы теории и практики. Материалы круглого стола. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — С. 13–14.

³ *Фокин В.И., Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Культурное сотрудничество на пространстве СНГ // Управленческое консультирование. — 2017. — № 5 (101). — С. 28–43.

культурной жизни, но не определяют общую картину развития музейной дипломатии на постсоветском пространстве. В этой связи обращают на себя внимание статьи А.И. и В.И. Ионесовых, посвященные международному продвижению Самаркандского общественного музея мира и солидарности и связанного с ним культурно-просветительского проекта «Самаркандиана»¹, а также публикация М. Сидельниковой и М. Бессмертной, в которой раскрываются современные тенденции музейной дипломатии ряда стран Востока, Азии и Африки, успешно использующих национальное наследие и современное искусство как свою визитную карточку на мировой арене².

Отдельные аспекты музейного сотрудничества стран СНГ в 1990-е – 2010-е гг. отражены в публикациях автора настоящей статьи³. Однако в целом данная тема требует дальнейшего внимания и изучения как в силу значимости евразийского вектора и приоритетности сотрудничества с СНГ во внешней гуманитарной политике России⁴, так и в связи с необходимостью осмысления

¹ *Ионесов А.И., Ионесов В.И.* Музей, как миротворчество: способны ли артефакты культуры нас примирить? // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 19 (374). — С. 75–81; *Ионесов В.И.* Визуализация памяти и культуры мира в современных музейных практиках: самаркандский контекст // Музей. — 2023. — № 6 (200). — С. 60–73.

² *Сидельникова М., Бессмертная М.* От Узбекистана до Руанды. Как страны перепридумывают себя с помощью искусства // The Blueprint. — 2023. — 13 апреля. — https://theblueprint.ru/culture/art/uzbekistan_louvre

³ *Катагощина М.В.* Музейно-выставочные проекты как инструмент культурной дипломатии стран СНГ: диалог с Россией (1992-2019 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. — 2020. — № 2. — С. 58–90; *Она же.* Культурный диалог городов Сибири и Казахстана в музейно-выставочных проектах начала XXI века // Сибирский архив. — 2023. — № 4 (18). — С. 73–95 и др.

⁴ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 17.10.2022 № 747) // МИД России. Официальный сайт. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1829856/

проблем и возможностей музейной дипломатии в условиях геополитической турбулентности и гибридных войн, включая явления международной жизни 2020-х гг., особенно сильно влияющие на сферу музейной работы. Так, попытки «отмены» русской культуры и санкции Запада против России, обусловившие введение с весны 2022 г. моратория на зарубежные выставки из собраний Эрмитажа и других музейных хранилищ, ограничивают возможности реализации совместных выставочных проектов России и постсоветских государств. В то же время, сложившаяся ситуация стимулирует поиск новых форм сотрудничества музейных учреждений, прежде всего, на основе цифровых технологий. Следует учитывать и тенденции развития музейной дипломатии стран СНГ в различных двусторонних и региональных форматах, проходящих без участия России, но нередко с привлечением артефактов и символов общего культурного наследия, объединенного художественными школами, традициями музейного дела, персоналиями деятелей культуры. Соответственно, особенности подачи и прочтения таких символов приобретают особое значение как инструменты музейной дипломатии.

Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении современного состояния и перспектив музейной дипломатии стран СНГ. Политико-географические рамки работы обусловлены наличием согласованной стратегии, правовой базы и инфраструктуры культурного, в том числе музейного сотрудничества в рамках Содружества, а также длительным периодом общей истории музейного строительства, обусловившим типологическое сходство музейных сообществ и международной активности музеев постсоветских государств.

Развитие музейной дипломатии стран СНГ как внутри постсоветского пространства, так и за его пределами, имеет правовую и этическую основу, общую для подавляющего большинства музеев мира, которая дополняется договоренностями и ценностными установками в рамках Содружества. Участие музеев стран СНГ в реализации внешней культурной политики своих государств в настоящее время опирается на комплекс международных конвенций, договоров и соглашений глобального и регионального уровня, принятых в разные годы в целях обеспечения сохранности

ценностей мировой культуры и искусства и регулирования прав собственности на них. Так, базовыми документами для мирового музейного сообщества являются Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта («Гаагская конвенция») 1954 г., Второй протокол к Гаагской Конвенции (1999 г.), Конвенция ООН о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970) и другие решения ООН и ЮНЕСКО, направленные на сохранение ценностей культуры человечества во всем их многообразии. Они формируют правовое поле международной деятельности музеев постсоветских государств, большинство из которых активно взаимодействует с ООН и ЮНЕСКО. Несмотря на обоснованную критику, эта база в течение десятилетий была и остается достаточной для проведения выставочных обменов и других международных музейных мероприятий при условии соблюдения установленных норм всеми государствами и организациями-участниками проектов. Главной проблемой для международной музейной деятельности в современном мире стали растущая конфликтность и деформация принципов международного права. Соответственно, выставочные обмены как главная, наиболее эффективная форма музейной дипломатии могут безопасно осуществляться только в рамках дружественных межгосударственных сообществ, внутри которых сохраняется доверие к партнерам. Территория СНГ сегодня может считаться таким пространством лишь с существенными оговорками в силу наличия здесь активных и дремлющих конфликтов, создающих серьезные риски при перемещении музейных ценностей.

Регулирование сферы культуры в рамках Содружества Независимых Государств осуществляется на основе Соглашений о сотрудничестве государств-участников СНГ в области культуры (1992), о создании Совета по культурному сотрудничеству (1995), о гуманитарном сотрудничестве (2005), о сотрудничестве в борьбе с хищениями культурных ценностей и обеспечении их возврата (2007), Договора о создании межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств (2006 г.) и нескольких документов стратегического характера. При этом в соответствии с принци-

пами Содружества приоритетную роль сохраняют национальные законодательства в области музейного дела и внешней культурной политики стран-участниц СНГ, в соответствии с которыми развиваются также двусторонние культурные коммуникации постсоветских государств друг с другом и иными акторами международного культурного диалога.

Кроме того, внешняя культурная политика стран СНГ коррелирует с Декларацией принципов международного культурного сотрудничества ООН от 4 ноября 1966 г., а во внутреннем пространстве Содружества опирается на Концепцию сотрудничества государств-участников СНГ в сфере культуры от 19 мая 2011 г. Именно эти два документа упоминаются в качестве базовых ориентиров в Заявлении глав государств-участников СНГ о развитии сотрудничества в сфере культуры, принятом в Астане 14 октября 2022 г. и подтвердившем понимание культуры народов стран Содружества во всем их многообразии как одной из основополагающих общих ценностей стран СНГ, платформы для взаимопонимания и согласия¹.

Музейные сообщества постсоветского пространства традиционно разделяют Кодекс музейной этики Международного совета музеев (ИКОМ), содержащий принципы музейной работы и профессионального поведения. В России и большинстве стран СНГ действуют национальные Комитеты ИКОМ, под эгидой которых организуются научные форумы и образовательные программы (школы, тренинги и др.) для музейных работников, в том числе международного формата. Несмотря на неизбежную политизацию работы ИКОМ после начала Специальной военной операции России на Донбассе, представители российского музейного сообщества продолжают работу в составе профильных комитетов и экспертных групп ИКОМ. «У всех музеев похожая миссия и ценности, поэтому интересы и потребности российских и западных музеев, может, и отличаются, но не кардинально. Несмотря на

¹ Заявление глав государств-участников Содружества Независимых Государств о развитии сотрудничества в сфере культуры. Астана, 14 октября 2022 г. // МИД России. Официальный сайт. — https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnyye-struktury-prostranstva-sng/sng/1862194/

уникальность и неповторимость каждой коллекции, разнообразие профилей музея или юридический статус, глобальная миссия каждого музея — сохранение культурного наследия», — подчеркивалось в одном из публичных заявлений ИКОМ России в связи с прошедшим в конце августа 2022 г. заседанием Генеральной Ассамблеи ИКОМ¹. Необходимо отметить, что эта позиция отражает характерную для большинства международной музейной корпорации, в том числе для музейщиков России и стран ближнего зарубежья, толерантность и приверженность своей профессиональной этике независимо от идеологических влияний и политических обстоятельств, что представляет собой один из важнейших активов музейной дипломатии.

Мероприятия ИКОМ, в особенности его Генеральные Ассамблеи, имеют высокую востребованность и авторитет в музейной среде постсоветских государств. В то же время запрос на обновление «старых» международных институтов, возникший на фоне трансформации глобальной архитектуры, в том числе возвышения голоса Евразии как особого цивилизационного и политико-географического пространства, нашел отражение в становлении «евразийского актива» ИКОМ, что может серьезно изменить лицо данной организации. В июне 2025 г. в Кыргызстане, на озере Иссык-Куль состоялся Международный саммит «Музейный альянс: Евразийская инициатива», который был организован национальными комитетами ИКОМ Азербайджана, Армении, Бангладеш, Индии, Киргизии, Монголии, Непала, Объединенных Арабских Эмиратов, Пакистана, России и Сербии. Центральной темой мероприятия стало обсуждение создания Евразийского музейного альянса и ключевых направлений его деятельности. Саммит, по оценкам российских экспертов, выявил «огромный потенциал международного сотрудничества в музейной сфере и открыл новые перспективы для профессионального диалога в евразийском регионе»².

¹ Прозвучало предложение исключить Россию из Международного совета музеев // The Art Newspaper Russia. 01.09.2022. — <https://www.theartnewspaper.ru/posts/20220901-botj>

² Завершился Международный музейный саммит «Музейный альянс: Евразийская инициатива» // Комиссия РФ по делам ЮНЕСКО. Официальный сайт. 16.06.2025 г. — <https://unesco.ru/news/museum-summit/>

Необходимо отметить, что развитие музейной дипломатии на пространстве СНГ поддерживается наличием корпоративных диалоговых площадок, ведущими организаторами которых являются Россия и Беларусь, а постоянными участниками большинство стран Содружества. Наиболее долговечной среди таких площадок является впервые состоявшийся в 1999 г. международный форум-фестиваль «ИНТЕРМУЗЕЙ». После трехлетнего перерыва (в 2020 г. форум проходил онлайн), связанного с ограничениями коммуникаций в период пандемии, ИНТЕРМУЗЕЙ возродился в 2024 г. как мероприятие музеев и музейных экспертов России, СНГ и БРИКС. В 2026 г. организаторы анонсировали его проведение в формате БРИКС+ под девизом «Музей — территория будущего».

Крупным и успешным проектом в сфере музейной дипломатии формата СНГ стала также Программа «Наследие Содружества. Традиции для будущего», которая реализуется поочередно в столицах стран СНГ и включает проведение международных выставок и научных конференций, посвященных традиционным декоративно-прикладным искусствам. Инициатором этого проекта стал в 2014 г. Всероссийский музей декоративного искусства, который регулярно участвовал своими коллекциями в мероприятиях программы. «Наследие Содружества» принимали Баку, Бишкек, Астана, Минск, Ереван, Душанбе, Ташкент, Россия.

Республика Беларусь является одним из ведущих акторов музейной дипломатии на постсоветском пространстве как благодаря высокой исторической и художественной ценности своих музейных собраний, участвующих в международных выставочных обменах, так и вследствие своей организационной роли в рамках Содружества, учитывая расположение Исполкома СНГ в Минске и выполнение Национальным историко-культурным музеем-заповедником «Несвиж» функций базовой организации СНГ по музейному делу. Примечательно, что на обеих площадках в ноябре 2023 г. проводились мероприятия Международной научно-практической конференции «Музейные инициативы на пространстве СНГ».

Таким образом, музейная дипломатия России и Беларуси имеет более широкие функции по сравнению с другими странами СНГ,

поскольку включает не только поддержку внешнеполитического курса своих стран, но и системное содействие международному диалогу музеев в формате СНГ (нередко с участием представителей музейных сообществ других регионов мира), а также способствует культурной интеграции Союзного государства России и Беларуси через двусторонние выставочные обмены и музейные форумы.

В XXI веке по мере стабилизации и модернизации своей социально-экономической сферы постсоветские государства начинают уделять больше внимания вопросам сохранения и пропаганды национального культурного наследия, в том числе международному музейному сотрудничеству. Особого внимания заслуживает культурная внешнеполитическая активность Узбекистана и Казахстана, которые успешно проводят политику продвижения средствами музейной дипломатии своих национальных идеологий и символов (проекты «Культурное наследие Узбекистана в собраниях мира», «Шествие Золотого человека по музеям мира» и др.).

Самостоятельным направлением музейной дипломатии в XXI в. становятся выставочные обмены и форумы тюркских государств, в которых принимают участие музейные сообщества Азербайджана и стран Центральной Азии. Безусловно, большой потенциал для развития диалога музеев России и тюркских стран СНГ имеет демонстрация соответствующих коллекций Эрмитажа, Государственного этнографического музея, а также музейных собраний Башкирии, Татарстана, Алтая, Северного Кавказа. Имеющийся опыт сотрудничества российских музеев с коллегами в Казахстане и Узбекистане в 2010-е гг. показал, что наличие в России богатейших восточных (азиатских) коллекций, сегодня почти не известных широкому зрителю в постсоветских странах, создает прекрасную возможность продвижения здесь ценностей российской культуры (совпадающих с профессиональной музейной этикой): открытости и уважения к другим этносам, религиям, традициям, заботы об их сохранении и научном изучении, в целом — культуры пребывания в многонациональном пространстве. Именно эти подходы должны стать частью инструментария тонко выверенной музейной дипломатии, представляющей тюркский мир российских регионов как органичную часть России,

российского государства-цивилизации, в противовес некоторым зарубежным культурным проектам с пантюристским звучанием.

Обращение стран СНГ к национальным корням не означает утрату интереса к европейскому и русскому искусству, превосходные образцы которого, включая шедевры мирового уровня, также могут быть предоставлены Эрмитажем и другими российскими музеями. В частности, о востребованности русского искусства и культуры ярко свидетельствует успех выставки «Древнерусское искусство», организованной в Алматы летом 2022 г. Государственным музеем искусств Республики Казахстан им. Абылхана Кастеева и Православной Церковью Казахстана. Отзывы посетителей свидетельствуют о глубоком понимании художественной ценности и духовных смыслов русской иконописи, об актуальности выставки «пробуждающей сокровенные чувства и дающей надежду»¹. Центрами «мягкой силы» русского и ретроспективно — как символа общности — советского искусства в той или иной степени является большинство ведущих художественных музеев стран СНГ, коллекции которых зарождались и пополнялись, в том числе благодаря передачам из Третьяковской галереи, Русского музея и многих других центральных и провинциальных музеев РСФСР.

Свой вклад в развитие музейной дипломатии на постсоветском пространстве вносят негосударственные акторы — владельцы частных собраний и культурные фонды. В частных коллекциях стран СНГ находится многогранный комплекс произведений искусства, который представляет собой пласт общего культурного наследия, главным образом, советского и постсоветского периодов. Ярким примером современного художественного меценатства, способствующего, в том числе информационному продвижению в мире культуры и искусства народов России и стран СНГ является собирательская и выставочная деятельность коллекционеров Владимира Беликова, Юлии Вербицкой, Людмилы Каюровой (Россия), Азата Акимбека (Казахстан), Алексея Назарова (Узбекистан). Растущее присутствие институтов частного

¹ В Алма-Ате завершилась работа выставки «Древнерусское искусство» // Митрополий округ в Республике Казахстан. Официальный сайт. 14.07.2022. — <https://mitropolia.kz/news/culture/7252-v-almata-zavershilas-rabota-vystavki-drevnerusskoe-iskusstvo.html>

коллекционирования и арт-рынка в культурном — реальном и цифровом пространстве СНГ позволяет говорить о потенциале данного явления как фактора укрепления межкультурных коммуникаций на пространстве Содружества.

После того, как в 2024 г. был снят мораторий на вывоз предметов из Государственного музейного фонда России для экспонирования в Китае, можно ожидать и выборочной отмены ограничений на российские выставки высокого уровня для тех стран ближнего зарубежья, которые готовы на государственном уровне гарантировать сохранность и возвращение экспонатов. В 2024–2025 гг. был предпринят ряд шагов по активизации музейной дипломатии на пространстве СНГ, причем инициативы исходили как от России, так и со стороны партнеров из ближнего зарубежья. Так, Азербайджанский национальный музей искусств заключил соглашения о сотрудничестве с Эрмитажем, Художественным музеем при Санкт-Петербургской академии художеств и Государственным музеем Востока в Москве. Результатом визита в Россию делегации музейщиков из Казахстана в апреле 2025 г. стало подписание меморандумов о сотрудничестве и достижение целого ряда конкретных договоренностей с Эрмитажем, Русским музеем, Третьяковской галереей и другими крупными российскими музеями о научно-исследовательских и издательских проектах, проведении выставок и стажировок. Интерес со стороны стран СНГ вызывают проекты «Облачный Эрмитаж», «Дни Эрмитажа» и другие цифровые модели музейной работы.

При этом в современной музейной дипломатии некоторых стран СНГ проявляется важная установка на выставочные обмены, раскрывающие высокий уровень национальных художественных школ XX века, в которых самобытность сочетается с творческой преемственностью с академическими традициями русского и советского искусства. В качестве примеров можно упомянуть два события 2025 года — выставку Национального художественного музея Республики Беларусь «Ю. Пэн, Я. Кругер. У истоков профессионального художественного образования Беларуси» в Баку и совместный проект Национального музея искусств Республики Казахстан им. Абылхана Кастеева и Третьяковской галереи «Шедевры искусства Казахстана» в Москве.

Подобные «выставки-приобщения» (по определению А.А. Великой и О.А. Разиной)¹ выполняют одновременно просветительскую и культурно-дипломатическую миссию, поддерживая, с одной стороны, память о позитивных аспектах общего исторического прошлого стран СНГ, с другой — создавая новый привлекательный имидж партнеров по культурному диалогу.

Безусловно, музейная дипломатия на постсоветском пространстве, как и во всем мире, — не самый динамичный и массовый вид международных коммуникаций. Ее ключевым компонентам — зарубежным выставкам свойственна длительность подготовки (порой до нескольких лет) и при этом кратковременность демонстрации, высокая затратность, зависимость от политической конъюнктуры. Вместе с тем, международные выставочные проекты стран СНГ за редким исключением характеризуются культурной и художественной значимостью, продуманностью концепций, интересными экспозиционными решениями. В совокупности это создает интеллектуальное и эмоциональное впечатление, имеющее длительный эффект, передающееся в более широкое информационное поле через социальные сети, блоги, репортажи в СМИ. Тем самым частично компенсируется ограниченность непосредственного информационного воздействия выставки на принимающее общество.

Перспективы развития музейной дипломатии на постсоветском пространстве во многом зависят от характера внутренней и внешней культурной политики стран СНГ. Однако самостоятельность, инициативность музеев в международном поле также играет существенную роль. Среди векторов музейной дипломатии большинства постсоветских государств продолжает доминировать направленность на сотрудничество с Россией, историко-культурные и художественные собрания которой обладают большой притягательной силой для публики ближнего зарубежья. Привлекательной для музеев стран СНГ является также демонстрация своих коллекций на площадках известных российских музеев.

¹ Великая А.А., Разина О.А. Роль музейной дипломатии в развитии российской культурной дипломатии // Обозреватель. — 2022. — № 9-10 (392-393). — С. 91.

Музейная дипломатия стран СНГ сегодня, по всей видимости, вступает в новый этап своего развития, который характеризуется стремлением региональных музеев активнее выходить на международный уровень, сочетая возможности цифровых технологий с реализацией запроса на подлинники, который продолжает существовать среди любителей истории и культуры.

Новой чертой в развитии музейной дипломатии России и стран СНГ является выдвижение инициатив в сфере расширения ареала корпоративного взаимодействия по аналогии с крупными международными площадками Евразии и глобального Юга, включая формат БРИКС+.

Эффективность участия музейной дипломатии стран СНГ в сохранении и укреплении культурных связей между народами постсоветского пространства в ближайшие годы будет определяться возможностью реализации запланированных выставочных проектов и других направлений музейной работы. Решение этих задач, в свою очередь, требует интеллектуальной, информационной, общественной поддержки музейных инициатив со стороны государственных органов, НКО, университетов, деятелей науки и культуры, заинтересованных в позитивном развитии международных гуманитарных процессов в Евразийском регионе.

А.Е. Коньков

кандидат политических наук, доцент Кафедры политического анализа МГУ

СОЦИАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

A.E. Konkov

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of Political Analysis, Moscow State University

SOCIAL ARCHITECTURE OF PUBLIC DIPLOMACY

Аннотация. В статье представлен взгляд на публичную дипломатию как особый инструмент социального управления, позволяющий интерпретировать её возможности в международном взаимодействии как формы масштабирования на глобальном уровне современной социальной архитектуры. В контексте совершенствования коммуникационных практик как внутри государств, связанных с консолидацией и солидарностью общества, так и в международных отношениях, где развивается конкуренция общественно-политических моделей, социальная архитектура публичной дипломатии представляет собой перспективную точку сборки актуальных механизмов формирования и реализации государственной политики.

Ключевые слова: публичная дипломатия, мягкая сила, социальная архитектура, государственная политика, гражданское общество, государство, международные отношения.

Abstract. The article describes a view of public diplomacy as a special tool for social governance, which allows us to interpret its capabilities in international cooperation as forms for scaling up the modern social architecture at the global level. In the context of improving communication practices both within states, related to the consolidation and solidarity within the society, and in international relations, where the competition of socio-political models is developing, the social architecture of public diplomacy represents a promising point of assembly for current mechanisms for formation and implementation of public policy.

Key words: public diplomacy, soft power, social architecture, public policy, civil society, state, foreign affairs.

Современные технологии социальной архитектуры прочно входят не только в совершенствующиеся навыки сотрудничества и солидарности внутри каждой конкретной страны, но и в инструментарий взаимодействия на глобальном уровне — в контексте отношений между народами, государствами, глобальным сообществом и политическими институтами. В этом смысле социальная архитектура вбирает в себя в разной степени всё многообразие международного сотрудничества, включая публичную дипломатию и гуманитарное взаимодействие между разными государствами и социумами.

Приход негосударственных акторов в политику и механизмы, которые позволяют государствам обращать их не столько в самодостаточных игроков, сколько в проводников своих интересов — такие как, в первую очередь, публичная дипломатия, мягкая сила, вовлечение в стратегические межстрановые коммуникации и осуществление гуманитарного сотрудничества, — способствует формированию и развитию нового качества глобальной социальной среды, в которой всё активнее приходится действовать современному государству.

Международное взаимодействие, осуществляемое по различным направлениям, реализуется при помощи и публичных, и латентных инструментов, что позволяет их классифицировать в соответствии с выбранными направлениями — в частности, экономическими, социально-гуманитарными, военно-политическими. В каждой из этих сфер складываются специфические формы социальной архитектуры — такие как глобальные стандарты образования и здравоохранения, мода и популярная культура, цифровые платформы и экосистемы, а с развитием технологий искусственного интеллекта к таковым формам всё увереннее можно относить и соответствующие большие языковые модели, внедряемые различными игроками.

Публичная дипломатия зачастую употребляется в одном контексте с понятием «мягкая сила», хотя, строго говоря, вряд ли они могут рассматриваться в качестве однородных терминов и уж точно не являются синонимами. Мягкая сила — это, в первую очередь, качественная характеристика международного политического актора, отражающая его способность быть привлекательным

для обществ, групп, индивидов из других стран и юрисдикций (государств). Публичная дипломатия — инструментальная форма взаимодействия в международной среде, как правило, отражающая общественное измерение отношений между разными странами (государствами) и способная задействовать ту самую мягкую силу.

Мягкая сила с лёгкой руки основоположника соответствующей теории американского функционера и исследователя Джозефа Ная стала одним из наиболее легитимированных оснований глобального принуждения в доминирующей в западной науке парадигме политического либерализма, формально оспаривающего возможность военно-силовых способов воздействия на контрагентов в международных отношениях. Уверенность в том, что именно сила убеждения позволила политическому Западу и, в первую очередь, США демонстрировать самые высокие показатели роста не только в экономике и вооружённых силах, но и в совершенствовании и глобальном масштабировании своих социально-культурных моделей индивидуальной и общественной жизни, сформировала у мягкой силы ореол наиболее эффективного и, что немаловажно, мирного и, на первый взгляд, бескровного инструмента реализации интересов в глобальном мире.

Публичная дипломатия — это уже более операциональное понятие для описания особых латентных механизмов и технологий внешнеполитического толка. Несмотря на так же весьма многозначный характер, оно раскрывает форматы международного сотрудничества стран через призму соответствующих обществ, гражданских структур, негосударственных институтов (публики в широком смысле этого слова). Это позволило развить в отечественном сознании особые формы общественной или даже народной дипломатии, которые, впрочем, могут рассматриваться как частные проявления дипломатии публичной, носящей более широкий и родовой характер и вновь отражающей многогранность именно русского языка, различающего нюансы общего англоязычного термина «public diplomacy».

Несмотря на «публичный» характер описываемого инструментария (важно отличать от более соответствующего подобной интерпретации другого схожего термина — «открытая дипло-

матия»), в контексте целенаправленного пользования им политическими акторами публичная дипломатия несёт в себе не в последнюю очередь стремление неоглашаемым образом продвигнуть необходимые постулаты, обусловить требуемое восприятие проблемы, сформулировать наиболее желаемый подход к её разрешению. Скрытый смысл публичной дипломатии как механизма, задействуемого государственными и негосударственными акторами, заключается в формировании в общественном сознании искомых предпосылок для принятия и реализации нужных политических решений.

Таким образом, публичная дипломатия выступает не только как способ международного взаимодействия, как и как механизм комплексного негласного социального управления поверх суверенных границ отдельных государств. Тем самым публичная дипломатия представляет собой траекторию глобального масштабирования социальной архитектуры как способа системного развития жизни общества.

Социальная архитектура современной публичной дипломатии представляет собой особое качество взаимодействия государства, гражданского общества и негосударственных акторов, базирующееся на аккумулировании технологий формирования объективного имиджа страны, укрепления международного сотрудничества и повышения уровня взаимодействия между народами. Социально-архитектурная перспектива публичной дипломатии сочетает в себе такие уровни, как:

1. **Общественно-государственные отношения.** Государство активно привлекает общественные организации, научные учреждения, культурные институты и бизнес-сообщества к реализации проектов, направленных на продвижение национальных интересов и ценностей за рубежом. Это позволяет расширить круг участников публичного дипломатического процесса и повысить его эффективность.
2. **Цифровые технологии и социальные сети.** Современные цифровые инструменты играют ключевую роль в формировании общественного мнения и установлении контактов между людьми разных стран. Использование социальных сетей, онлайн-платформ и мобильных приложений

способствует распространению информации о культуре, истории и достижениях страны среди широкой аудитории.

3. Культурно-образовательные и обменные программы. Проведение культурных мероприятий, фестивалей, выставок и образовательных программ помогает знакомить зарубежных граждан с культурой и традициями своей страны. Такие инициативы способствуют укреплению межкультурного диалога и формированию положительного образа страны.
4. Международные проекты негосударственных акторов. Некоммерческие организации, фонды, ассоциации и частные лица всё чаще становятся активными участниками публичного дипломатического процесса. Их деятельность направлена на установление доверительных отношений с зарубежными партнёрами, развитие сотрудничества в области науки, образования, культуры и экономики.
5. Открытое для внешней аудитории информационное пространство. Формирование открытого и прозрачного информационного пространства является важным условием успешной публичной дипломатии. Государство должно обеспечивать доступ к объективной и достоверной информации о своей внутренней и внешней политике, экономическом развитии и культурной жизни.

Таким образом, современная публичная дипломатия строится на принципах взаимовыгодного сотрудничества, культурного многообразия и информационной открытости, что способствует укреплению позиций страны на международной арене и повышению её привлекательности для иностранных партнёров.

Социальная архитектура публичной дипломатии сегодня, по сути, универсализирует и технологизирует диалоги гражданских обществ разных стран по различным темам и во всевозможных форматах, что неизбежно попадает в число приоритетных механизмов политических акторов, преследующих внешнеполитические интересы и скрытным образом достигающих своих поставленных целей. Публичная дипломатия может опираться на ресурсы мягкой силы, а мягкая сила может заключаться в

способности добиваться нужного результата путём публичной дипломатии — всё это, хотя и разные явления, но образующие единое пространство механизмов и технологий международного гуманитарно-сетевого воздействия, позволяющее формировать внешнеполитическую линию в современном государстве. При ключевой роли, которую в жизни глобального общества играет именно информационно-коммуникационная среда взаимодействия, возможности социальной архитектуры, опирающиеся на публичную дипломатию, приобретают особый характер горизонтального согласования в мировой политике.

Степень развития публичной дипломатии диверсифицирует возможности государственной политики, содействует гибкости и дееспособности государства во внешней среде. Сам публично-дипломатический дискурс как пространство гражданского диалога по вопросам, имеющим наднациональное значение, постоянно расширяется. Социальная архитектура публичной дипломатии, таким образом, может рассматриваться, с одной стороны, как распространение на внешнюю политику опыта общественного участия в национальной государственной политике, а с другой — как глобализация скрытых механизмов её формирования (популизм, традиционные ценности, протекционизм становятся важными элементами внутренней консолидации в изменчивом мире).

В свою очередь, усиливающееся положение гражданских структур отражается не только на внутренней политике государства, но и на используемых им механизмах во внешней среде. Современным демократическим центрам принятия решений всё сложнее самостоятельно артикулировать государственную политику — устоявшиеся традиционные институты представительства всё чаще дают сбой как в силу своих структурных особенностей, так и вследствие растущего недоверия к ним, обострения межэлитных конфликтов. Сетевизация как самих акторов, так и их институциональных конструкторов способствует нахождению менее формальных и менее публичных, но более устойчивых компромиссов и взаимных договорённостей.

Структуры внутри общества сформировали компетенции самостоятельного поиска и, самое главное, нахождения общего языка между собой и продуцирования необходимых норм и ценностей

в доступных механизмах участия в государственной политике. Однако если прежде это было спецификой отдельных демократических моделей, теперь общественные институты всё реже ограничены национальными границами своих стран. В этих условиях властным институтам становится всё сложнее обеспечивать свой монополизм в поддержании суверенитета — как внутреннего, так и внешнего.

Всё более востребованными становятся механизмы мягкого, неочевидного влияния во внешней среде, основанные не столько на силовом компоненте, сколько на технологиях делиберации и обратной связи, вовлечения в диалоговое взаимодействие. В условиях всё более активной цифровизации, легитимирующей волю всякого рядового пользователя, конкурентоспособность государственной модели начинает определяться способностью элит к управлению социальной архитектурой, гибкому диалогу, мягкому властвованию — как внутри общества, так и во внешней среде.

Иными словами, делиберативность публичной политики, ориентация на диалог государства и общества, прямое и косвенное сопротивление любым формам жёсткого одностороннего влияния определяют новое качество политических отношений и на международной арене, и повсюду, где происходит соприкосновение интересов, возникает групповая идентичность, выявляются механизмы коллективного принятия решений, формирования государственной политики.

Таким образом, если в наиболее выпуклом виде технологии публичной дипломатии и ресурсы мягкой силы, их контуры и функции проявляются на межнациональном, мегаполитическом уровне, где они контрастируют на фоне себе подобных, то природа их содержания, структурные и процессуальные факторы обнаруживаются, скорее, в универсальных латентных механизмах субъект-объектных отношений власти и управления, которые генерируются и развиваются в конкурентном поле государства и гражданского общества.

Посредством социальной архитектуры общество даёт государству мандат на использование в своих (в идеале, конечно, в общих) интересах именно общественных продуктов (языка, культуры, ценностей) и формируемых на их основе структур. Возникает

дополнительная палитра перспективных инструментов государственной политики, обуславливающих использование уже более специфических (реализуемых на разных аренах, в разных регионах и пространствах, на разных уровнях) латентных механизмов и технологий реализации значимых интересов, находящихся своё проявление, в частности, в решении и внутренних, административных, и внешних задач.

Список литературы

1. Гражданский сектор государственного управления. Коллективная монография / под ред. проф. А.И. Соловьева. — М.: Аргамак-Медиа, 2018.
2. *Лебедева М.М.* Концептуальные перевоплощения публичной дипломатии // Вестник МГИМО. — 2020. — № 5 (74).
3. Социальная архитектура: теория и практика социальных изменений: учебник / под ред. С.В. Володенкова. — Москва: Проспект, 2025.
4. *Цветкова Н.* Публичная дипломатия США. От «мягкой силы» к «диалоговой пропаганде» // Международные процессы. — 2015. — Т. 13, № 3.
5. *Nye J.S.* The Future of Power. — New York, 2011.

А.П. Кроленко

старший преподаватель, РАНХиГС при Президенте РФ;

Университет мировых цивилизаций

tomascrown@mail.ru

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ПУБЛИЧНОЙ И НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ КУБЫ, НИКАРАГУА И СССР)

А.Р. Krolenko

Senior Lecturer, RANEPa under the President of the Russian Federation;

University of world civilizations

tomascrown@mail.ru

VALUES AND MEANINGS OF PUBLIC AND PEOPLE'S DIPLOMACY (ON THE EXAMPLE OF CUBA, NICARAGUA AND THE USSR)

Аннотация. В статье исследуются ценностно-смысловые основания публичной и народной дипломатии на примере взаимодействия Кубы, Никарагуа и СССР во второй половине XX века. Анализируются идеологические, культурные и гуманитарные механизмы неформального международного диалога, их роль в формировании устойчивых межгосударственных связей. На основе архивных материалов и публикаций реконструируются ключевые практики народной дипломатии, оценивается их влияние на внешнеполитический имидж государств. Выявляются универсальные и специфичные элементы ценностной матрицы публичной дипломатии в социалистическом блоке и странах «третьего мира».

Ключевые слова: публичная дипломатия, народная дипломатия, мягкая сила, международная солидарность, социалистический блок, Куба, Никарагуа, СССР, культурно-гуманитарное сотрудничество, идеологическая мобилизация, международные отношения, культура, идеология, общественное мнение, международный имидж.

Abstract. The article explores the value and semantic foundations of public and people's diplomacy through the case of interactions between Cuba, Nicaragua, and the USSR in the second half of the 20th century. It analyzes ideological, cultural, and humanitarian mechanisms of informal international dialogue and their role in building sustainable interstate relations. Based on archival materials and publications, the key practices of

people's diplomacy are reconstructed, and their impact on the foreign policy image of states is assessed. The study identifies universal and specific elements of the value matrix of public diplomacy within the socialist bloc and Third World countries.

Key words: public diplomacy, people's diplomacy, soft power, international solidarity, socialist bloc, Cuba, Nicaragua, USSR, cultural and humanitarian cooperation, ideological mobilization, international relations, culture, ideology, public opinion, international image.

В условиях биполярного мира второй половины XX века публичная и народная дипломатия стали ключевыми инструментами продвижения идеологических моделей и формирования зон влияния. Для СССР, Кубы и Никарагуа эти практики были не только дополнением к официальной дипломатии, но и самостоятельным каналом легитимации социалистического проекта. Цель статьи — выявить ценностно-смысловые доминанты публичной и народной дипломатии в треугольнике «СССР — Куба — Никарагуа», а также оценить их эффективность в контексте холодной войны.

Актуальность исследования обусловлена востребованностью исторического опыта неформального диалога в современной международной политике. Задачи:

- определить теоретические границы понятий «публичная дипломатия» и «народная дипломатия»;
- реконструировать институциональные механизмы народной дипломатии в СССР, Кубе и Никарагуа;
- проанализировать ключевые ценностные установки, легитимирующие сотрудничество;
- оценить влияние гуманитарных практик на имидж государств.

Методологическая база включает историко-сравнительный анализ, дискурс-анализ официальных документов и материалов СМИ, а также кейс-стади взаимодействия трёх стран.

1. Теоретические основы публичной и народной дипломатии

Публичная дипломатия (public diplomacy) трактуется как система государственных усилий по информированию и вовлечению

зарубежной аудитории для достижения внешнеполитических целей¹. Её инструментарий — культурные программы, образовательные обмены, медиапропаганда.

Российское научное сообщество по-разному рассматривает публичную дипломатию. Так, в формате дипломатической практики, некоторые исследователи определяют ее как новый формат взаимодействия, происходящий в рамках традиционной дипломатии².

Другие, в свою очередь, считают, что понятие «публичная дипломатия» является более широким понятием и само включает в себя понятие «традиционная дипломатия» как один из форматов взаимодействия³.

Тем не менее, публичная дипломатия приобретает все большее значение как самостоятельный несиловой «механизм» влияния на зарубежную общественность с целью достижения краткосрочных и долгосрочных внешнеполитических целей. Публичная дипломатия уже не направлена на ограниченную группу людей, но призвана повлиять на широкую общественность⁴.

Народная дипломатия (people's diplomacy) понимается как неформальные контакты между гражданами и общественными организациями разных стран, направленные на укрепление взаимопонимания⁵. В социалистическом контексте она дополняла официальную дипломатию, создавая «горизонтальные» связи вне бюрократических рамок.

¹ Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — New York: Public Affairs, 2004. — 192 p.

² Лебедева О. Особенности публичной дипломатии в России // *Международная жизнь*. — 2015. — № 6. — С. 41–56.

³ Подберезкин А.И., Жуков А.В. Публичная дипломатия в силовом противостоянии цивилизаций // *Вестник МГИМО (Университета)*. — 2015. — № 6 (45). — С. 106–116.

⁴ Латифов Д.Л. Атташе по культуре в посольствах и его роль в развитии международных культурных связей // *Внешняя политика*. — 2015. — № 1. — С. 114–119.

⁵ Melissen J. *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. — London: Palgrave Macmillan, 2005. — 234 p.

Таблица 1

**Сравнительные характеристики публичной
и народной дипломатии**

Критерий	Публичная дипломатия	Народная дипломатия
Субъект	Государство	Общественные организации, граждане
Цель	Продвижение гос. интересов	Гуманитарный диалог
Инструменты	СМИ, культурные центры	Обмены, фестивали, волонтерство
Контроль	Жёсткий	Гибкий, сетевой

**2. Институциональные механизмы народной дипломатии
в СССР, Кубе и Никарагуа**

В СССР ключевую роль играли:

- Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД);
- Комитет молодёжных организаций СССР;
- Всесоюзное общество «Знание».

Куба опиралась на:

- Институт дружбы народов (ICAP);
- Союз молодых коммунистов (UJC);
- программы медицинской и педагогической помощи.

В Никарагуа после революции 1979 года активизировались:

- Сандинистский фронт национального освобождения (FSLN);
- Ассоциации культурного обмена с соцстранами.

(СССР) → ССОД → (Куба) → ICAP → (Никарагуа)

↳ Комитет молодёжных орг. ↗

↳ Общество «Знание» ↗

*Рис. 1. Схема взаимодействия институтов народной дипломатии
(1970–1980-е гг.)*

3. Ценностные доминанты сотрудничества

Анализ документов и публикаций позволяет выделить три ключевые ценностные оси:

- Идеологическая солидарность. Лозунги типа «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Социализм — путь освобождения» легитимировали помощь Кубе и Никарагуа как «фронтовым» государствам.
- Антиимпериализм. Общая риторика противостояния США формировала образ «единого фронта угнетённых народов». Например, в кубинских СМИ 1980-х гг. Никарагуа именовалась «вторым Вьетнамом»¹.
- Гуманизм и взаимопомощь. Программы отправки кубинских врачей в Никарагуа или советских инженеров на строительство ГЭС позиционировались как «дар солидарности», а не как экономическая сделка.

4. Практики публичной дипломатии: кейсы взаимодействия

Кейс 1. Образовательные обмены. В 1980-е годы более 5000 никарагуанских студентов прошли обучение в СССР и Кубе. Программы включали:

- курсы русского и испанского языков;
- подготовку партийных кадров;
- техническое образование (энергетика, сельское хозяйство).

Кейс 2. Культурные фестивали. Фестиваль «Куба — Никарагуа» (1982) объединил 300 артистов, проведя 50 концертов в городах обеих стран. Символический акцент делался на «общности революционных традиций».

Кейс 3. Гуманитарные миссии. Кубинская «Операция Чудо» (1980–1990-е) предоставила офтальмологическую помощь 100 000 никарагуанцам, что укрепило образ Кубы как «врача Третьего мира». Таким образом, наряду с пропагандой революционной риторики Куба активно проводила медицинские миссии в бедней-

¹ *Guevara E. Obras Completas. — La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 1983. — 678 p.*

шие регионы Латинской Америки и Африки, показывая пример гуманитарной помощи другим странам, и становилась государством-лидером третьего мира, борющегося за справедливость и независимость развивающихся стран.

5. Эффективность и ограничения

Оценка эффективности строится на трёх критериях:

- Имиджевый эффект. СССР и Куба укрепили репутацию «покровителей антиимпериализма». В Никарагуа 67 % населения в 1985 году положительно оценивали помощь соцстран¹.
- Долгосрочность связей. После распада СССР многие контакты были утрачены, что указывает на зависимость от идеологической мотивации.
- Ресурсные издержки. Финансирование программ (до 15 % бюджета внешней помощи Кубы в 1980-е) нередко вступало в конфликт с внутренними потребностями².

Ценностно-смысловая матрица публичной и народной дипломатии СССР, Кубы и Никарагуа базировалась на триаде: идеологическая солидарность — антиимпериализм — гуманитарная взаимопомощь. Эти практики:

- дополняли официальную дипломатию, создавая «мягкую силу»;
- формировали устойчивые культурные связи;
- легитимировали социалистическую модель в Третьем мире.

Однако зависимость от идеологического контекста обусловила хрупкость достигнутых результатов после окончания холодной войны. Современный опыт требует переосмысления этих механизмов с акцентом на универсальные гуманитарные ценности.

¹ Instituto Nacional de Estadísticas y Censos de Nicaragua. Anuario Estadístico 1985. — Managua, 1986. — 210 p.

² Perez-Stable M. The Cuban Revolution: Origins, Course, and Legacy. — Oxford: Oxford University Press, 1999. — 320 p.

Н.Ю. Кроленко-Филиппова

старший преподаватель, научный сотрудник ВКИЯ ВАВТ
nikanewlook@mail.ru

**АРСЕНАЛ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ
В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ
(НА ПРИМЕРЕ СССР)**

N.Y. Krolenko-Filippova

Senior Lecturer, Researcher at the Institute of International Relations
nikanewlook@mail.ru

**THE ARSENAL OF PUBLIC DIPLOMACY
IN CONFLICT RESOLUTION
(ON THE EXAMPLE OF THE USSR)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли публичной дипломатии Советского Союза в процессе предотвращения и урегулирования межгосударственных конфликтов второй половины XX века. Анализируются исторические предпосылки формирования публичной дипломатии, её инструментарий и формы практической реализации в рамках внешней политики СССР. Особое внимание уделено изучению влияния культурного обмена, пропаганды, международной гуманитарной помощи и дипломатической активности советских представителей на международные отношения. Рассматриваются конкретные случаи, демонстрирующие эффективность подхода с подробным разбором хода действий.

Ключевые слова: публичная дипломатия, конфликты, советская политика, культурный обмен, пропаганда, международное сотрудничество, разрядка напряженности, глобальная безопасность, исторический опыт, миротворческая деятельность.

Abstract. The article is devoted to the study of the role of public diplomacy of the Soviet Union in preventing and resolving interstate conflicts in the second half of the XX century. Historical prerequisites for the formation of public diplomacy are analyzed, its tools and practical implementations within the framework of the foreign policy of the USSR are studied. Special attention is paid to studying the influence of cultural exchange, propaganda, international humanitarian aid and diplomatic activity of Soviet representatives on international relations. Specific cases demonstrating the successful

application of the arsenal of public diplomacy to reduce tension and stabilize the situation in conflict zones are considered. Conclusions are drawn about the importance and prospects for further study of the mechanisms of public diplomacy with regard to modern practice of international interaction.

Key words: public diplomacy, conflicts, Soviet policy, cultural exchange, propaganda, international cooperation, détente, global security, historical experience, peacekeeping activities.

Понятие публичной дипломатии впервые рассматривалось в 1965 г. Э. Галлионом (Университет Тафтса, Школа права и дипломатии) и обозначало финансируемые правительством США методики влияния на общественное мнение иностранных государств. В 1977 г. термин был официально представлен и задокументирован в докладе по организации внешнеполитического аппарата на заседании Конгресса США.

В настоящее время публичная дипломатия наиболее часто означает общение и взаимодействие с иностранной общественностью, народами, организациями и отдельными людьми без участия профессиональной дипломатии.

Одной из актуальнейших современных задач является изучение и освоение путей предотвращения и разрешения конфликтов, и публичная дипломатия представляет собой весьма эффективный инструмент, способствующий установлению взаимопонимания между государствами, а значит, позволяющий минимизировать риск эскалации конфликтов. Несмотря на разнообразие подходов, основная задача публичной дипломатии заключается в формировании позитивного образа страны среди зарубежной аудитории, создании условий для взаимовыгодного сотрудничества и содействии конструктивному диалогу сторон.

Публичная дипломатия — дело отнюдь не лёгкое, т.к. помимо желания и способности договориться, «использование публичной дипломатии требует глубокого знания местных традиций, менталитета и политических предпочтений»¹.

Исторически важным примером эффективной публичной дипломатии служит советский опыт, накопленный в период хо-

¹ Андреев Ю.А. Глобализация и внешние факторы развития. — СПб.: Нестор-История, 2012.

лодной войны и послевоенного восстановления. Особый интерес представляет изучение механизмов воздействия культурной дипломатии, информационной кампании и гуманитарной поддержки населения зарубежных стран на процесс нормализации международных отношений. Именно этот аспект станет предметом рассмотрения настоящей статьи.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей использования инструмента публичной дипломатии Советским Союзом в целях урегулирования кризисных ситуаций, оценке их вклада в стабилизацию региональной и глобальной обстановки.

1. Исторический аспект советской публичной дипломатии

Советская государственная практика активно развивалась в направлении мягкой силы начиная с первых десятилетий существования нового государства. Особенность положения СССР заключалась в стремлении одновременно демонстрировать свою открытость миру и обеспечивать защиту национальных интересов в условиях противостояния Западу. Государственное руководство использовало целый ряд приемов, призванных влиять на общественное мнение в странах Европы и Азии, формировать положительный образ социалистического строя и создавать благоприятные условия для экономического и политического сотрудничества. Среди наиболее значимых инициатив выделяются участие в движении неприсоединения, проведение Всемирных фестивалей молодежи и студентов, организация культурно-просветительных мероприятий и поддержка антивоенных движений¹.

«Фестиваль молодёжи и студентов сыграл важную роль в распространении идеологии мира и дружбы»².

Кроме того, значительное влияние оказывали программы образовательного обмена, распространение идей коммунизма и солидарности трудящихся, привлечение деятелей культуры и науки

¹ *Иванов И.И.* История внешней политики СССР. — Москва: Политиздат, 1989.

² *Морозова Е.В.* Международные отношения и советская культура. — СПб.: Издательство Европейского университета, 2010.

на сторону мирных инициатив. Эти мероприятия способствовали формированию атмосферы доверия и уважения, облегчали контакты между народами и снижали уровень недоверия, присущего международным отношениям эпохи холодной войны.

Историческое развитие публичной дипломатии СССР демонстрирует последовательное стремление интегрироваться в мировое сообщество и использовать потенциал народного творчества и искусства для укрепления позиций страны на международной арене.

2. Инструменты и методы публичной дипломатии

Основным инструментом публичной дипломатии была активная пропаганда достижений социализма и демонстрация успехов внутреннего строительства СССР. Важнейшими элементами являлись организованные выставки достижений народного хозяйства, экскурсии и визиты государственных лидеров, встречи журналистов и ученых, молодежные обмены и спортивные соревнования. Культурный компонент занимал особое место благодаря проведению концертов, показов фильмов, организации творческих коллективов и учреждений культуры, представляющих искусство народов СССР зарубежным зрителям¹.

«Выставки советского киноискусства пользовались большой популярностью во многих странах»². Советские фильмы «Великий перелом» (Гран-ПРИ Каннского фестиваля), «Летят журавли» (Золотая пальмовая ветвь Каннского фестиваля; только во Франции фильм посмотрели 5,5 миллионов зрителей), «Иваново детство» (Золотой лев Венецианского фестиваля 1962 г.) и многие другие имели грандиозный успех на международных фестивалях и привлекли внимание к советскому образу жизни и социалистическим ценностям.

Помимо прямой демонстрации успеха советского проекта, государство активно формировало имидж дружественного партнера,

¹ Яременко Ю.В. Внешняя политика и национальная безопасность. — М.: Аспект-Пресс, 2008.

² Чернявский Б.Г. Геополитика и идеология. — Минск: Право и экономика, 2006.

заинтересованного в добрососедских отношениях и уважающего национальные особенности других государств.

Так, в рамках информационной дипломатии Советский Союз осуществлял международное радиовещание на 70 языках, издавал популярные журналы («Советский Союз», «Культура и жизнь») для 150 стран и проводил фотовыставки Агентства печати «Новости» (АПН) более чем в 60 государствах.

Подобное прямое информирование мировой общественности способствовало гуманитарному сближению государств. Ключевыми направлениями стали масштабные зарубежные гастроли Большого театра (особенный восторг вызывали советский балет и опера «Иван Сусанин») и ансамбля «Берёзка», проведение фестивалей советского кино более чем в 40 странах, а также выставки научно-технических достижений СССР (внутри страны поток иностранных туристов устремлялся на ВДНХ, являвшуюся одновременно центром промышленных и сельскохозяйственных выставок и крупнейшей образовательной площадкой, за рубежом огромный успех имели советский павильон на Всемирной выставке ЭКСПО-58 в Брюсселе и Выставка достижений советской науки, техники и культуры в Нью-Йорке, 1959 г.). Большое значение имели совместные с зарубежными вузами образовательные программы и обмен студентами, проведение крупных спортивных (Олимпиада-80) и молодёжных мероприятий (пионерский лагерь «Артек», Фестиваль молодёжи и студентов в 1985 г.). Общий эффект этой работы был значительным — к 1970-м годам поток иностранных туристов в СССР вырос до 5 миллионов человек в год, а в 1980–1985 гг. составлял 6 миллионов человек в год, что вносило ощутимый вклад в процесс международной «разрядки напряжённости».

Таким образом, основными инструментами публичной дипломатии являлись:

- массированная пропаганда социалистических ценностей и достижений;
- поддержка гражданских организаций и неправительственных структур;
- организация крупных культурных проектов и совместных мероприятий;

- активизация молодежной среды и научного сообщества;
- распространение положительной информации о достижениях СССР в средствах массовой информации.

Эти приемы позволяли существенно повысить привлекательность Советского Союза как надежного партнера и смягчить напряжение в регионах потенциального кризиса.

3. Примеры эффективного применения публичной дипломатии

Одним из примеров успешной реализации механизма публичной дипломатии стало разрешение Карибского кризиса 1962 г., когда вмешательство дипломатов, ученых и общественных деятелей позволило избежать ядерной катастрофы. «Карибский кризис продемонстрировал возможности мягкой силы в критических ситуациях»¹.

Аналогичным образом культурные проекты, проводившиеся в Восточной Европе, Африке и Латинской Америке, обеспечивали формирование позитивного восприятия советского режима, стимулировали рост уровня общественного доверия и снижали остроту существующих противоречий².

Так, например, помощь африканским странам в строительстве инфраструктуры и борьбе с эпидемиями (медицинские миссии СССР в Гвинею, Мали, Танзанию, Замбию, Эфиопию), а также проведение образовательной подготовки кадров и поддержка прогрессивных режимов позволили СССР укрепить своё положение на континенте и снизить негативное восприятие коммунистического движения.

Другой яркий пример — активное содействие освобождению Алжира и Эфиопии от колониальной зависимости, установление контактов с Кубой и Вьетнамом. Эти шаги укрепляли международный престиж СССР и расширяли сферу его влияния.

¹ Сорокин Д.Е. Роль публичной дипломатии в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2014. — № 3.

² Смирнов П.Б. Основные направления советской внешней политики. — Ленинград: Лениздат, 1983.

Также эффективно использовалась публикация статей и книг, транслируемых средствами массовой информации, создание образовательных центров, популяризация русской классической литературы и кинематографа, привлечение западных интеллектуалов к участию в мероприятиях, посвящённых защите мира и правам человека.

Все эти меры способствовали повышению осведомленности широкой общественности о реалиях внутренней и внешней политики СССР, увеличению числа сторонников идеи мирного сосуществования и укреплению единства прогрессивных сил.

Исследование показало, что советская публичная дипломатия играла значительную роль в предотвращении обострения международных конфликтов и поддержании стабильности в отдельных регионах планеты. Использование разнообразных инструментов, включая культурный обмен, массированную пропаганду, поддержку гражданской инициативы и гуманитарную помощь, позволило значительно расширить круг союзников и партнеров СССР, создать атмосферу доверия и понимания между странами Востока и Запада. Опыт советской публичной дипломатии важен для осмысления современных тенденций и разработки новых моделей поведения государств в условиях глобализации и растущей нестабильности.

Дальнейшее исследование данной проблематики представляется актуальным и необходимым для выработки рекомендаций по эффективному применению методов публичной дипломатии в XXI веке¹.

Справедливым следует признать мнение о том, что «советская внешняя политика заложила основы современного понимания публичной дипломатии»².

¹ Тиунова Л.Ф. Диалог цивилизаций: проблема примирения Восток-Запад. — М.: Прогресс-Традиция, 2009.

² Семенов А.К. Международный опыт публичных коммуникаций. — М.: Проспект, 2011.

О.П. Лебедева

кандидат философских наук, доцент.

Кафедра мировой политики и межкультурного развития,

Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского

oplebedeva@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: ВОЙНЫ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

О.П. Lebedeva

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of World Politics and
Intercivilizational Development, Zhirinovsky University of World Civilizations

oplebedeva@bk.ru

SOCIAL ECOLOGY IN THE SYSTEM OF CONFLICT STUDIES: WARS AND THE ENVIRONMENT

Аннотация. Военные действия оказывают губительное влияние на экологию. Современные войны отличаются наиболее разрушительным характером в отношении влияния на экосистемы. Это влияние может быть непосредственным и иметь отсроченный характер. Свою особенность имеют гибридные войны, крайне отрицательно воздействующие на экологию даже на этапе подготовки. Человечество находится под угрозой. Под не меньшей угрозой находится и природа. Автор поднимает вопрос о необходимости самых серьезных усилий со стороны политиков, дипломатов, общественности в отношении конкретного осмысления влияния военных действий на окружающую среду, здоровье людей и будущее последующих поколений.

Ключевые слова: конфликт, конфликтология, война, военные действия, разрушение, экология, социальная экология, экологические нормы, окружающая среда, природа.

Abstract. Military operations have a devastating impact on the environment. Modern wars are particularly destructive in terms of their impact on ecosystems. This impact can be immediate or have a delayed effect. Hybrid wars have a unique feature that has a severe negative impact on the environment, even during the preparation phase. Humanity is

at risk. Nature is also at risk. The author raises the issue of the need for serious efforts to understand the specific impact of military operations on the environment, human health, and the future of next generations.

Key words: conflict, conflictology, war, military operations, destruction, ecology, social ecology, environmental regulations, environment, nature.

Одним из самых важных аспектов данной темы является то, что военные конфликты оказывают негативное влияние на экологическое состояние регионов. В периоды военных действий сохранение окружающей среды становится второстепенным фактором. Применяемые в зоне боевых действий боеприпасы являются причиной долгосрочного загрязнения почвы и воды, разрушаются системы водоснабжения, электростанции, очистные сооружения [4]. Ведению боевых действий сопутствуют вспышки инфекционных заболеваний и ухудшение здоровья населения. В условиях перехода от войны к мирной жизни внимание к экологическим проблемам ослаблено, они не считаются первостепенными на фоне более приоритетных задач. Множество экологических проблем вызывает наличие военных объектов. Например, достаточно распространенной является практика сжигания отходов в открытых ямах и последующее проникновение опасных веществ в окружающую среду. Очевидно, что восстановление разрушенных регионов и, особенно, крупных городов требует реализации крупномасштабных проектов и значительных затрат. Результатом современных боевых действий может стать радиационное заражение местности. Чрезвычайно опасны активные вооруженные действия рядом с промышленными предприятиями, объектами ядерной энергетики. Специалисты утверждают, что радионуклиды способны мигрировать на большие расстояния и создавать серьезные угрозы для здоровья людей и состояния экологических систем [1].

Социальная экология как особая сфера научных и практических интересов сформировалась в 20–30-е гг. XX века, прежде всего, благодаря деятельности представителей Чикагской школы социальных психологов Р. Парка, Е. Берджерса, Р. Мак-Кензила и др. [8]. По замыслу этих людей социальная экология должна была стать наукой о территориальных и временных отношениях людей, на которые оказывают влияние сложно взаимодействующ-

щий ряд факторов — селективные (избирательные), дистрибутивные (распределительные), аккомодационные (приспособительные) силы среды. В последующем интерес к социальной экологии возростал. На международном конгрессе социологов в Варне 1970 года было принято решение о создании Исследовательского комитета Всемирного объединения социологов по проблемам социальной экологии. Современные исследователи склоняются к расширенному толкованию предмета социальной экологии как специфических связей между человеком и средой его обитания, а важнейшей ее задачей становится поиск путей гармонизации этих отношений [7].

Экологическая повестка вынуждает кардинально пересматривать фундаментальные ориентиры политической этики и отвергать деление войн на «благородные» и «неблагородные», справедливые и несправедливые. Непосредственная угроза для природы, экосистем и человека со стороны современных войн вносит существенные коррективы в типологии и классификации. Война служит нарушению сложившегося экологического баланса, разрушению мест обитания и гибели всего живого. Ранние войны в силу невысокого уровня развития технологий не были столь разрушительными для природы и человека как нынешние. В настоящее время само существование человека поставлено ими под угрозу. Боевые действия с применением серьезного разрушительного оружия в промышленных регионах приводят к ужасающему токсичному выбросу вредных веществ [9].

Сверхтяжелые бомбы разрушают и уничтожают все живое на расстоянии ста и более километров. Тяжелые огнеметные системы, снабженные реактивными термобарическими снарядами при срабатывании, создают облако взрывоопасной смеси и поджигают его. Результатом становится сгорание кислорода, резкий скачок давления, далее, гибель всего живого [3].

Американские ученые Гари Маклис и Тор Хансон в опубликованных в 2008 г. материалах предложили говорить о принципиально различающихся этапах влияния войны на природу с точки зрения наносимого вреда. Это подготовительный этап, собственно война и послевоенная деятельность. При характеристике подготовительного этапа исследователи обращают внимание на то, что

армия для поддержания боеспособности должна проходить учения и тренировки. Современная гусеничная военная техника при движении снимает часть почвы, вместе с растениями, насекомыми и мелкими животными. На состояние почвы влияют траншеи, рвы, окопы и др. К загрязнению земли, воздуха и воды тяжелыми металлами и токсинами ведут учения по боевой стрельбе. Особое место занимают испытания ядерного оружия, которые могут быть наземными, воздушными, высотными, поземными, надводными и подводными. Из-за большого количества радиоактивной пыли осадков наиболее опасными и долгосрочными по последствиям считаются наземные испытания. В 1996 г. был подписан и ратифицирован договор о запрете на ядерные испытания. К этому договору не присоединились Пакистан, Индия и КНДР [6].

Военные манёвры на море с использованием мощных военных гидролокаторов приводят к изменению поведения, повреждению тканей и гибели китообразных.

Подготовка к войне требует больших, в том числе, природных ресурсов. Военно-промышленный комплекс ответственен за большой выброс углеводородов в атмосферу. Военная техника требует металлов, в том числе, редких для сложной электроники. Энергозатратно производство качественной стали и различных пластиков. Много топлива требует для передвижения тяжелая военная техника [10].

Долгое время проблема экологических последствий военных действий на конкретном уровне рассматривалась, в основном, узким кругом профессионалов. Доступ к подобной информации был ограничен, публикации осуществлялись в закрытых изданиях. Первые достаточно значимые исследования проводились параллельно в СССР и США. Руководителем советской группы был академик Н.Н. Моисеев, американской — К. Саган. В центре внимания были возможные последствия глобального ядерного конфликта. В рамках этих разработок появились понятия «ядерная зима», «ядерная ночь». Ученые убедительно показали, что ядерный конфликт конца XX века мог привести к глобальной экологической катастрофе [1].

В конце 70-х появились исследования по экологическим последствиям военных действий в Индокитае. Они заставили гово-

речь о необходимости разработки и введения в рамках международного права системы норм и правил, ограничивающих военное воздействие на окружающую природную среду. Был принят Дополнительный Протокол к Женевской конвенции 1949 г. Отдельные статьи этого Протокола запрещали применение методов и средств ведения военных действий, которые имеют целью причинить обширный, долговременный и серьезный ущерб окружающей среде. Специально оговаривались необходимость защиты природной среды, тем более, недопустимость применения ущерба природной среде в качестве репрессалий [5].

Большая работа велась и в 80-х гг. Во второй половине XX века был принят ряд важных международных документов, призванных ограничить возможность негативного воздействия послевоенной экологической ситуации на окружающую среду. К ним относятся Декларация об окружающей среде 1972 года, Всемирная Хартия в защиту природы 1982 года, Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия и их уничтожения 1972 года, Конвенция об охране всемирного и культурного наследия 1972 года, Бернский (Женевский) Протокол о защите жертв международных вооруженных конфликтов 1977 года, Декларация Конференции по окружающей среде и развитию 1992 года. Свой вклад внес Саммит ООН по окружающей среде в Иоганесбурге 2002 года. Большое значение имела концепция устойчивого развития (КУР), которая акцентирует внимание на необходимости поддержания равновесного развития биосферы [2].

Социально-экологические аспекты современных войн, по мнению многих исследователей [10], отражают также и тот факт, что они ведутся, прежде всего, за ресурсы. Важнейшими среди них являются природные, территориальные, людские. Реалиями современного мира являются рост населения планеты, истощение старых источников природных ресурсов и необходимость разработки новых, увеличение непригодных для жизни территорий, потребность в увеличении качественного жизненного пространства для высших слоев населения. Меняющийся рынок становится политическим инструментом и предметом политического торга [10].

Свой отпечаток накладывает тот факт, что в условиях войны складывается директивная, «мобилизационная» социально-политическая структура общества, игнорирующая динамику природных экосистем и биосферы в целом. Отсюда вытекает снижение устойчивости геосферы. Современные войны обладают важной особенностью, они не заканчиваются возвращением в исходную точку. Процесс экологического разрушения относительно скоротечен, а реабилитация экосистем крайне длительна, если не сказать, практически бесконечна [10].

Некоторые исследователи при оценке опасности войны для экологических систем говорят о том, что внимание обращается, главным образом, на последствия глобальных ядерных войн. Но локальные конфликты также требуют пристального внимания. Многие современные войны сочетают в себе элементы классической войны и партизанских действий, к тому же в них могут участвовать регулярные войска многих государств. Локальные конфликты часто перерастают в широкомасштабные региональные конфликты с непредсказуемыми последствиями для всего мира [3]. Так, например, Йеменская война развернулась на территории региона с самыми богатыми запасами углеводородов (30% мировых запасов), огромными разведанными запасами нефти. В военных действиях принимали участие регулярные армии не менее трех стран [3]. На территории военных действий располагалось множество крупных объектов по нефтепереработке, разрушение которых опасно нефтяным загрязнением территории с выбросом в атмосферу диоксида и оксида углерода, формальдегидов, органических кислот, бензопирена, сажи, оксидов азота и серы [3].

Разрешение экологических конфликтов как составной части антивоенной стратегии требует внимания к переговорам, сотрудничеству, внимания к соответствующим институтам законоотворчества и правоприменения. Обязательным условием должно быть наличие экологических исследований и адекватной информации соответствующей тематики. Это должно обеспечить возможность альтернативных и совместных способов разрешения экологических конфликтов. Важным в этом контексте является вопрос о том, кто инициирует, координирует или применяет те или иные способы урегулирования экологических конфликтов [2; 5; 9].

Список литературы

1. *Алимов А.А.* Экологические последствия современного военного конфликта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. — 2005. — Вып. 2.
2. *Бекмурзаева Р.Х.* Механизм регулирования экологических конфликтов в условиях глобализации // ФГУ Science. — 2021. — № 4 (24). — С. 34–39.
3. *Ерофеева А.А., Воинов В.В.* Влияние современных военных конфликтов на экологию на примере войны в Йемене // Современные научные исследования и инновации. — 2018. — № 3.
4. *Искандаров М.М.* Экологические последствия современных вооруженных конфликтов: проблемы, вызовы и пути восстановления // Вестник науки. — 2025. — № 9.
5. *Кононова Е.Е.* Управление экологическими конфликтами на региональном уровне / Е.Е. Кононова, Н.С. Мальцева // Формирование устойчивого развития экономики на принципах экологического менеджмента. Материалы XIII международной научно-практической конференции. — Орел, 2017. — С. 229–230.
6. *Кремлёва А.С.* Характеристика способов разрешения и урегулирования экологических конфликтов // Молодой ученый. — 2022. — № 23 (418). — С. 431–433.
7. *Прохоров Б.Б.* Социальная экология. — М.: Издательский центр «Академия», 2012. — 432 с.
8. *Ситаров В.А., Пустовойтов В.В.* Социальная экология. — М.: Издательский центр «Академия», 2000. — 280 с.
9. Управление стратегическими коммуникациями: монография / И.А. Мисинева, А.Л. Баранников, Е.С. Бычкова [и др.]. — М.: Ун-т им. С.Ю. Витте. — 2025.
10. *Яницкий О.Н.* Современные войны: социально-экологическое измерение // Вестник Института социологии. — 2014. — Т. 5, № 4. — С. 106–126.

А.Б. Новиков

доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургская общественная
научно-исследовательская организация
«Общественная Академия акмеологических наук», Санкт-Петербург
docanovikov@mail.ru

МЕДИЦИНСКАЯ И СПОРТИВНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

A.B. Novikov

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
Saint Petersburg Public Research Organization
«Public Academy of Acmeological Sciences» Saint Petersburg
docanovikov@mail.ru

MEDICAL AND SPORTS DIPLOMACY WITHIN THE SOCIOCULTURAL DOMAIN

Аннотация. Государственная дипломатия имеет многовековую историю, которая показала свою выдающуюся роль в развитии публичного международного права. В то же время публичное международное право переживает одновременно и возрождение, и кризис в решении конфликтов, которые принципиально трагичны для народов и наций. При этом устранение конфликтов дипломатическим путем остается главной надеждой человечества. Вместе с государственной дипломатией достаточно давно отмечается значение народной дипломатии. Народная дипломатия не противостоит государственной дипломатии, а является ее источником. Народная дипломатия охватывает гуманитарную, социально-культурную сферу жизни общества. В этой сфере образование, наука, медицина, спорт являются направлениями народной дипломатии. Феномен «дипломаты из народа» отражает содержание народной дипломатии.

Ключевые слова: публичная и народная дипломатия; гуманитарная сфера дипломатии; формы народной дипломатии; медицинская и спортивная дипломатия; кризис публичного международного права и его преодоление.

Abstract. State diplomacy has a centuries-old history, which has demonstrated its outstanding role in the development of public international law. At the same time, public

international law is experiencing both a revival and a crisis in resolving conflicts that are fundamentally tragic for peoples and nations. Nevertheless, the resolution of conflicts through diplomatic means remains humanity's main hope. Alongside state diplomacy, the importance of people's diplomacy has been noted for quite some time. People's diplomacy does not oppose state diplomacy but rather serves as its source. People's diplomacy encompasses the humanitarian and socio-cultural spheres of society's life. In this sphere, education, science, medicine, and sports are directions of people's diplomacy. The phenomenon of «diplomats from the people» reflects the essence of people's diplomacy.

Key words: public and citizen diplomacy; humanitarian dimension of diplomacy; modalities of people's diplomacy; health and sports diplomacy; the crisis of public international law and how to address it.

Государственная дипломатия имеет многовековую историю, которая показала свою выдающуюся роль в развитии публичного международного права. Государственная дипломатия фактически выстроила современную систему международных отношений, мирового порядка, где одновременно обсуждаются идеи доминирования, многополярного мира, антагонизма и сотрудничества наций [1].

В то же время публичное международное право переживает ныне одновременно и возрождение, и кризис в решении конфликтов, которые принципиально трагичны для всех народов и наций. При этом устранение конфликтов дипломатическим путем остается главной доминантой политического процесса. Ключевая проблема заключается в том, что ведущие игроки в политическом процессе периодически, волнообразно отклоняются от дипломатической реальности и рассуждают о неких победах на поле боя, впадая в иллюзии собственной исключительности и могущества. Весьма болезненным для общественного развития является разрыв между интересами правящих элит и гуманитарными интересами народов и наций. Все пронзительней звучит нота невозможности народа влиять на государственную политику в Старом и Новом Свете. В этом контексте значение народной дипломатии обретает особый уровень при разрешении конфликтных ситуаций и требует нового толкования. В известном смысле кризис демократий логично связан с кризисом международного права

и официальной дипломатии. Тут просматривается интересный феномен — народы, не получая удовлетворения от официальных властей, давно ищут и осваивают пути прямого позитивного взаимодействия¹.

Феномен «дипломаты из народа», у которых дипломатия и гуманитарная миссия исходит от души, отражает современное содержание народной дипломатии². У них нет опыта и специальной подготовки, но есть человеческий порыв, твердость, уверенность в победе правды над злом. Возникает особый эффект народного дипломатического представительства (амбассадора) в отличие от демократического народного представительства в государственном режиме управления.

Предполагаем, что народные дипломаты могут справиться с проблемами не хуже официальных дипломированных дипломатов.

Итак, вместе с государственной дипломатией достаточно давно отмечается значение народной дипломатии. Народная дипломатия не противостоит государственной дипломатии, а является, на наш взгляд, ее источником. Народная дипломатия охватывает гуманитарную, социально-культурную сферу жизни общества. Это естественно, так как здоровая нация — жизнелюбивая нация, которая просто хочет счастливо жить и трудится на своей земле, растить свою семью. В этой социально-культурной сфере находятся образование, наука, медицина, спорт, которые являются направлениями народной дипломатии. В этих направлениях дипломатические механизмы находятся в разных состояниях успеха, что и определяет различие усилий представителей народной дипломатии в своих профессиональных сферах.

Медицинскую дипломатию следует понимать как взаимодействие народов через своих профессионалов в сфере здравоохранения и медицинской помощи. Здесь обнаруживается особая, высокая гуманитарная миссия. Например, когда немец, иранец,

¹ Долматовский Е. Если бы парни всей Земли. — <https://www.culture.ru/poems/26208/esli-by-parni?ysclid=mmc4he0zs8448221538>

² Миссия в Кабуле. — https://ru.wikipedia.org/wiki/Миссия_в_Кабуле?ysclid=mmc6avwd8329068364; Красные дипкурьеры. — https://ru.wikipedia.org/wiki/Красные_дипкурьеры

китаец, кореец исцеляет тебя, русского, то это дорогого стоит для взаимного доверия, понимания, истинного партнерства и добрососедства, в известной степени братства, как бы ни были расположены далеко друг от друга государства.

Народная дипломатия в меру своих сил противостоит политизации гуманитарных сфер межгосударственного сотрудничества. Так, здоровый целитель не отказывается от лечения пациента по каким-то политическим соображениям.

Порой именно зрелая народная дипломатия подталкивает официальные соглашения и прорывные межгосударственные проекты. Так, Российская Федерация и Китайская Народная Республика развивают многосторонние оригинальные связи в сфере здравоохранения. Основные направления взаимодействия, озвученные в конце 2025 года¹, следующие:

- Совместная работа медицинских специалистов в борьбе с инфекционными и онкологическими заболеваниями, радиационная медицина, охрана здоровья семьи, офтальмология, психиатрическая помощь, традиционная и нетрадиционная медицина, телемедицина с применением искусственного интеллекта.
- Создание совместных центров медицинского образования и науки.
- Укрепление безопасности в биоэкономике, включая оборот лекарственных средств и медицинской продукции.
- Расширение взаимодействия в сфере здравоохранения в многосторонних организациях (Всемирная организация здравоохранения, АТЭС, БРИКС, ШОС).
- В свою очередь спортивная дипломатия оказалась сейчас мощной площадкой продвижения древних олимпийских ценностей, но остается ареной политизации спортивных отношений [2, 3, 4].

Со времен античности олимпийское движение являлось значимым фактором контактов государств и народов в социо-культурной, гуманитарной сфере [5].

¹ <https://ria.ru/20251104/kommyunike-2052716808.html?ysclid=mmak8nwg4r832941815>

До сих пор олимпийское движение считается жизнедеятельностью вне политики [6]. Олимпийские игры являли собой механизм примирения, поскольку их проведение традиционно требовало приостановление любых столкновений [5]. То есть спорт — мирное социальное дело.

Спорт воспринимается как форма «народной дипломатии» [7]. В то же время олимпийское движение следует рассматривать как базовую форму спортивных социальных церемоний, состязаний. В этой связи развитие физической культуры оказывается взаимосвязанным с развитием духовной культуры, выраженной в феномене народной дипломатии. Олимпийское движение породило систему международно-правовых норм гуманитарного права и конструкцию управления мировыми делами. В этом аспекте все виды дипломатии являются значимой частью управления международными делами.

Ныне эта система управления мировым спортивным процессом имеет противоречивую эволюцию на уровне международных организаций [9, с. 396–444]. Можно говорить об оформлении международного спортивного права как части международного публичного права [10].

Однако в последнее десятилетие принципы олимпизма подверглись значительным метаморфозам под влиянием политических процессов. С 2014 года в международном спорте было много сделано для того, чтобы демонтировать сложившиеся гуманитарные связи.

Стратегией «коллективного Запада» стало пресечение участия российских спортсменов в соревнованиях мирового уровня, запрет выступлений российских команд под российским флагом, дисквалификация российских спортсменов под любыми предлогами, отказ в проведении соревнований мирового уровня на территории России, понуждение российских спортсменов к смене «спортивного гражданства» и др. [11].

Указанные меры стали возможными в сформировавшейся системе управления олимпийским движением, которая грубо отодвигает в сторону международно-правовые принципы, нормы спортивной этики, традиции народной дипломатии. В этой связи

развивается концепция спортивной безопасности [12, с. 13–22] в рамках общей стратегии национальной безопасности.

Особенностью сотрудничества здоровых наций в современных условиях в формате народной дипломатии являются гуманитарные связи, охраняемые всеми мерами от нездоровой политизации, фобий и ненависти.

Список литературы

1. *Саямов Ю.Н.* Ценности и смыслы параллельной дипломатии в международных отношениях // Ценности и смыслы. — 2019. — № 1 (59). — С. 103–119.
2. *Новиков А.Б., Рагозина Н.А.* Оздоровление нации: философско-правовой этюд: монография. — Санкт-Петербург: Инфо-да, 2022. — 156 с.
3. *Новиков А.Б.* Физическая культура и спорт в правовом пространстве оздоровления нации: монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, доцента А.Б. Новикова. — Санкт-Петербург: Инфо-да, 2023. — 116 с.
4. *Новиков А.Б.* Оздоровление нации как административный процесс в сфере физической культуры человека, охраны его здоровья и спортивного мастерства: монография / А.Б. Новиков, Н.А. Рагозина: под науч. ред. д-ра юрид. наук, доцента А.Б. Новикова. — Санкт-Петербург: Инфо-да, 2024. — 174 с.
5. *Богданова, М.А.* Культурное содержание олимпизма: от Античности к современности // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 336. — С. 55–59.
6. *Грачев, С.И.* Спорт как фактор политической деятельности / С.И. Грачев, А.С. Аксянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2015. — № 8. — С. 76–80.
7. *Татоли Т.В., Карпунов В.Н.* О соотношении понятий «публичная дипломатия», «общественная дипломатия», «народная дипломатия» // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. — 2019. — № 4 (84). — С. 146–150.
8. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: коллективная монография / отв. ред. доктор юридических наук, профессор Авакьян С.А. — М.: Юстицинформ, 2016. — 512 с.
9. Энциклопедия международных организаций: В 3-х т. Т. 1. Международные межправительственные организации / под ред. проф. Л.Н. Га-

- ленской, проф. С.А. Малинина. — СПб.: Издательство юридического факультета Санкт-Петерб. ун-та, 2003. — 524 с.
10. Физическая культура и спорт в системе международных отношений: монография / В.В. Ермилова, Э.Г. Путятова, С.Г. Мальцева, Г.Х. Муртазина. — Санкт-Петербург: Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, 2019. — 241 с.
 11. *Путятова Э.Г., Рожкова Е.Д.* Влияние политики на проведение олимпийских игр «Токио-2020» // Человек в мире спорта: материалы всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей с международным участием, посвященной 125-летию Национального государственного Университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург (27 сентября – 8 октября 2021 г.): в 3 ч. Ч. 1. / Министерство спорта Российской Федерации, Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург; гл. ред. С.И. Петров. — Санкт-Петербург: НГУ им. П.Ф. Лесгафта, 2021. — С. 205–210.
 12. *Казаринова, Л.В.* Обеспечение безопасности граждан, их прав и законных интересов в сфере физической культуры и спорта посредством реализации концепции спортивной безопасности (теоретические, методологические и практические аспекты): монография / Л.В. Казаринова, С.И. Петров, А.А. Смирнов; Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург. — СПб., 2021. — 239 с.

И.А. Питайкина

к.э.н., доцент, начальник учебно-методического направления Координационного центра; доцент кафедры «Социология, экономическая теория и международные процессы», Пензенский государственный университет
persey_@bk.ru

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ: НАУЧНАЯ И НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ДОВЕРИЯ

I.A. Pitaikina

Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Educational and Methodological department of the Coordination Center; Associate Professor of the Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University
persey_@bk.ru

ABOVE BARRIERS: SCIENTIFIC AND PUBLIC DIPLOMACY AS A COMMUNICATION CHANNEL IN A CRISIS OF TRUST

Аннотация. В статье анализируются причины снижения эффективности традиционной государственной дипломатии в условиях глобального кризиса доверия и информационных войн, а также рассматриваются научная и народная дипломатия как перспективные каналы коммуникации между государствами и обществами. Особое внимание уделяется роли университетов и некоммерческих организаций как «нейтральных площадок» для диалога в формате дипломатии второго и третьего трека, а также ценностному фундаменту, основанному на общих культурных кодах и универсальных научных нормах. В качестве кейса представлен опыт научной дипломатии БРИКС с участием России, включая развитие рамочных программ сотрудничества в науке, технологиях и инновациях и создание единой научно-информационной платформы БРИКС. Предлагается инициатива по формированию единой цифровой платформы народной и научной дипломатии в пространстве БРИКС–ЕАЭС.

Ключевые слова: научная дипломатия, народная дипломатия, БРИКС, ЕАЭС, информационные войны, кризис доверия, цифровая платформа.

Abstract. The article examines the factors behind the declining efficiency of traditional state diplomacy amid a global crisis of trust and information warfare, while positioning science and public diplomacy as vital communication channels between states and societies. Special emphasis is placed on the role of universities and non-profit organizations as “neutral platforms” for dialogue within Track II and Track III diplomacy, supported by shared cultural codes and universal scientific norms. The study highlights the case of BRICS science diplomacy with Russia’s participation, including the development of Science, Technology, and Innovation (ST&I) cooperation frameworks and the creation of a unified BRICS scientific information platform. Finally, the author proposes an initiative to establish a unified digital platform for public and science diplomacy within the BRICS–EAEU space.

Key words: science diplomacy, public diplomacy, BRICS, EAEU, information warfare, crisis of trust, digital platform.

Введение

В последние два десятилетия международные отношения развиваются в условиях устойчивого «глобального кризиса доверия», затрагивающего как отношения между государствами, так и доверие обществ к национальным и международным институтам. Исследования демонстрируют падение уровня доверия к правительствам, международным организациям и СМИ, а также растущее восприятие государств и медиаструктур как «раскольнических сил»¹. В докладах крупных исследовательских и консалтинговых центров фиксируется, что значительная часть граждан видит в фейковых новостях и манипуляциях информацией «информационное оружие», а не просто побочный продукт цифровой эпохи².

¹ Глебов Н.А., Некрасова С.М. Проблема доверия населения к органам власти в России // Исследования молодых ученых: материалы XVI Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2021 г.). — Казань: Молодой ученый, 2021. — С. 59–62. — <https://moluch.ru/conf/stud/archive/386/16288>.

² Маслов А.С. Феномен снижения уровня доверия к СМИ: тенденции и минимизация угроз // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2020. — <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-snizheniya-urovnya-doveriya-k-smi-tendentsii-i-minimizatsiya-ugroz-1?ysclid=mm3wx4h7gc954336034>; Мировые СМИ и проблема «доверия». — <https://interaffairs.ru/news/show/30844?ysclid=mm3x36i5>

Одновременно усиливается феномен информационных войн — целенаправленных кампаний, использующих дезинформацию, пропаганду, кибератаки и манипуляции общественным сознанием для достижения политических, экономических и геополитических целей. Информационное противоборство затрагивает ключевые сферы — от политики и дипломатии до экономической и военной безопасности, подрывая основу рационального диалога и повышая роль эмоций, страхов и стереотипов. В такой среде классическая дипломатия «первого трека» сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, растущая поляризация внутриполитических пространств делает внешнюю политику заложницей краткосрочных электоральных циклов. Во-вторых, любая попытка к диалогу с «оппонентом» быстро подвергается информационной атаке как «слабость» или «уступка», что сдерживает политиков от публичных шагов навстречу. В-третьих, санкционный режим и разрыв привычных каналов сотрудничества затрудняют даже технические форматы общения.

В результате складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, потребность в коммуникации возрастает. Общие вызовы, такие как климатические изменения, пандемии, энергетическая и продовольственная безопасность, требуют коллективных решений. С другой стороны, доверие к официальным дипломатическим каналам снижается. Именно в этой «нишевой» зоне — между необходимостью диалога и дефицитом доверия — актуализируется потенциал научной и народной дипломатии.

Методология исследования

Методологическую основу данной работы составляет междисциплинарный подход, сочетающий в себе методы теории международных отношений, политологии и науковедения. Для достижения поставленной цели и решения задач исследования был использован комплекс следующих методов:

1a611359252; <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii?ysclid=mm3x7gsstp322596759>; <https://russian.rt.com/inotv/2021-01-15/Business-Insider-doverie-k-pravitelstvu?ysclid=mm3x8djg5861820023>

Системный и структурно-функциональный анализ. Данные методы применялись для изучения глобального кризиса доверия как системного явления и определения функциональной роли научной и народной дипломатии в современной архитектуре международных коммуникаций.

Компаративный (сравнительный) анализ. Использовался для сопоставления механизмов традиционной государственной дипломатии («первого трека») и альтернативных каналов коммуникации («второго» и «третьего треков»), что позволило выявить ограничения официального диалога и преимущества экспертных сообществ.

Метод кейс-стади (Case Study). На примере деятельности объединения БРИКС был проанализирован практический опыт реализации научной дипломатии, включая анализ работы Рамочной программы БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций и деятельности Сетевого университета БРИКС.

Контент-анализ и изучение документов. Автором был проведен анализ нормативно-правовой базы (Меморандум о сотрудничестве стран БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций 2015 г.), отчетов международных экспертных групп и докладов ведущих аналитических центров (РСМД, Фонд им. А.М. Горчакова).

Метод концептуального моделирования. Данный метод лег в основу разработки инициативы по созданию единой цифровой платформы народной и научной дипломатии БРИКС–ЕАЭС, включая определение ее структуры, функциональных блоков и принципов работы.

Информационную базу исследования составили научные публикации российских и зарубежных исследователей, данные социологических исследований глобального уровня доверия, а также материалы актуальных международных форумов (в частности, рабочей группы БРИКС по океаническим и полярным исследованиям 2025 г.).

Результаты исследования

Понятие научной дипломатии в современной трактовке закрепились в международной повестке в начале 2010-х годов, в том

числе благодаря совместному докладу Лондонского королевского научного общества и Американской ассоциации содействия развитию науки «New Frontiers in Science Diplomacy». В российской экспертной литературе научная дипломатия определяется как использование научного сотрудничества между странами для решения общих проблем, построения устойчивых партнерств и продвижения национальных интересов средствами «мягкой силы»¹.

Исследователи выделяют несколько ключевых измерений научной дипломатии:

- «наука для дипломатии» — использование научного сотрудничества как канала для выстраивания доверия и диалога между государствами;
- «дипломатия для науки» — поддержка внешнеполитическими инструментами международных научных проектов;
- «наука в дипломатии» — использование экспертных знаний для повышения качества внешнеполитических решений.

Фундаментальным преимуществом науки как языка дипломатии является универсальность ее норм — рациональность, проверяемость, прозрачность и открытый обмен знаниями. В отличие от идеологически нагруженного политического дискурса, научное общение опирается на общепринятые профессиональные стандарты, что создает менее конфликтогенную среду и снижает эмоциональную напряженность переговоров. Параллельно развивается народная (общественная) дипломатия, включающая деятельность НКО, академических институтов, культурных центров, молодежных и профессиональных объединений, направленную на формирование длительных горизонтальных связей между обществами. В российском контексте народная дипломатия исторически проявлялась через молодежные фестивали, культурные обмены, побратимские связи городов и работу общественных организаций за рубежом².

¹ Краснова Г.А. Научная дипломатия в современном мире: учеб.-метод. материалы № 9/2021 / [вып. ред.: Е.О. Карпинская, И.А. Бочаров]; Российский совет по международным делам. — М.: НП РСМД, 2021. — 48 с.

² <https://picreadianalitika.ru/>

Современные концепции дипломатии «второго трека» (Track II) и «третьего трека» (Track III) как раз и описывают эту сферу — неофициальные, но структурированные каналы диалога, в которых участвуют ученые, эксперты, НКО, университеты, журналисты и другие представители гражданского общества. Они не обладают формальными полномочиями заключать соглашения, но могут «размораживать» конфликты, вырабатывать компромиссные решения и готовить почву для действий «первого трека».

В условиях кризиса доверия именно связка научной и народной дипломатии — через университеты, исследовательские центры и НКО — способна быть каналом коммуникации, относительно защищенным от прямой политизации и информационных атак. Научно-исследовательские и образовательные организации, по оценке Российского совета по международным делам и других аналитических центров, являются ключевыми участниками научной дипломатии. Университеты и академические институты обладают рядом характеристик, делающих их естественными «нейтральными площадками» в условиях политической турбулентности:

1. Транснациональный характер научных сообществ. Академические сети, совместные публикации, участие в международных конгрессах и проектах формируют устойчивые горизонтальные связи, часто переживающие смену политических режимов и кризисы в двусторонних отношениях.
2. Институциональная автономия и академические свободы. Даже при существовании внешнеполитических ограничений университеты чаще сохраняют возможность поддерживать академические контакты, развивать программы академической мобильности и совместных исследований.
3. Ценностный код науки. Универсальность научных норм и процедур позволяет формировать пространство, где участники признают общие правила игры — приоритет аргумента над статусом, апелляцию к данным, рецензирование и т.п.

Некоммерческие организации дополняют этот потенциал, выступая посредниками между государством и обществом и реализуя проекты в области культуры, образования, прав человека, эколо-

гии и молодежного сотрудничества. Российские НКО, работающие в сфере общественной дипломатии, к примеру, Фонд содействия развитию общественной дипломатии, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, Русская гуманитарная миссия и др., активно развивают:

- культурные и образовательные обмены;
- поддержку соотечественников за рубежом;
- побратимские связи регионов;
- гуманитарные миссии и социальные проекты.

Следует подчеркнуть, что НКО и аналитические центры способны формировать повестку диалога, часто опережая государственные структуры, а в отдельных случаях — замещая их функционально, особенно в гуманитарной сфере. При этом именно они чаще всего становятся операторами «дипломатии второго трека» — организуют закрытые экспертные семинары, междисциплинарные конференции, рабочие группы по чувствительным вопросам безопасности и развития.

Таким образом, университеты и НКО выполняют двойную роль — с одной стороны, они являются пространствами, где продолжается профессиональное взаимодействие ученых и экспертов из разных стран; с другой — каналами общественной коммуникации, формирующими альтернативный образ «другого» — не как врага, а как партнера по решению общих проблем.

Любая форма дипломатии, претендующая на устойчивость, должна опираться на ценностный фундамент. В случае научной и народной дипломатии таким фундаментом является сочетание универсальных норм научного сообщества и общих культурных кодов, способных объединять, а не разъединять стороны конфликта.

Во-первых, глобальные вызовы — изменение климата, пандемии, продовольственная и энергетическая безопасность — обладают интегрирующим потенциалом. Они одинаково затрагивают страны с различными политическими системами и культурными традициями, создавая пространство «надполитического» сотрудничества. Именно в таких областях развиваются многие форматы научной дипломатии — от полярных и океанических исследований до совместных проектов по борьбе с природными катастрофами.

Во-вторых, народная дипломатия опирается на культурные коды, которые легче всего воспринимаются на уровне повседневного опыта — язык, искусство, общие сюжеты истории, ценности семьи, труда, образования. Культурные и образовательные программы, языковые курсы, фестивали, обмены студентами и молодыми специалистами формируют образ страны-партнера не через официальные заявления, а через личные контакты и совместный опыт.

В-третьих, многие государства, в том числе страны БРИКС и ЕАЭС, в публичной риторике подчеркивают близость в таких ценностях, как суверенное развитие, многополярность, уважение культурного разнообразия, приоритет устойчивого развития и социальной справедливости. На уровне университетских и НКО-проектов эти ценности получают конкретное содержание — от совместных исследовательских программ по устойчивому развитию до программ поддержки молодежного предпринимательства и социальных инноваций.

Важно, что поиск общих культурных кодов не означает нивелирования различий. Речь идет о формировании «перекрёстка ценностей», где стороны признают право друг друга на собственную идентичность, одновременно выявляя зоны совпадения — уважение к человеческому достоинству, ответственность перед будущими поколениями, стремление к развитию и безопасности. Такой подход создает основу для «доверия минимального уровня», необходимого для продолжения диалога даже в периоды политических кризисов.

Многосторонний формат БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР и новые участники) демонстрирует, как научная дипломатия может работать как устойчивый канал коммуникации в условиях повышенной геополитической напряженности. Еще в 2015 году страны БРИКС подписали Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций, создав стратегическую рамку для совместных исследований, обмена данными и академической мобильности¹.

На основе этого Меморандума было сформировано несколько ключевых инструментов:

¹ <http://government.ru/docs/17313/>

- Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций, предусматривающая совместные проекты в таких областях, как нанотехнологии, биомедицина, возобновляемая энергетика, ИКТ, исследования климата
- Программа BRICS STI Framework Programme с совместными конкурсами для многосторонних исследовательских групп; уже в первых раундах были профинансированы десятки проектов в приоритетных областях.
- Форумы молодых ученых, Сетевой университет БРИКС, сеть исследовательских инфраструктур, создающие институциональную основу для долгосрочного взаимодействия университетов и академий наук стран-участниц.

Показателен недавний пример — 7 заседание Международной рабочей группы БРИКС по океаническим и полярным исследованиям (2025 г.), где представители России, Бразилии, Индии, Китая, ЮАР, Египта, ОАЭ и Ирана обсуждали совместные проекты по мониторингу океанических и полярных регионов, климатическому моделированию и предотвращению природных катастроф. Участники отмечали высокий интерес стран к опыту друг друга и рассматривали науку как коллективный инструмент ответа на климатические вызовы и деградацию морских экосистем.

В российской аналитике подчёркивается, что научная дипломатия БРИКС стала одним из ключевых каналов внешней научно-технической кооперации России на фоне ограничения взаимодействия с рядом западных стран¹. В 2024 г. — в год российского председательства в БРИКС было проведено порядка 40 мероприятий в области науки, технологий и инноваций, значительная часть которых была посвящена именно научной дипломатии. Важным направлением стала разработка единой научно-информационной платформы БРИКС, призванной цифровизировать модель научной дипломатии объединения и облегчить обмен знаниями и технологиями².

¹ <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/?ysclid=mm57iwmvh6306858238>

² Карпович О., Стригунова Н. Научная дипломатия БРИКС в контексте итогов российского председательства в 2024 году и расширения объединения. — <https://interaffairs.ru/jauthor/material/3225?ysclid=mm57p9w39a149996653>

Этот кейс демонстрирует несколько принципиальных моментов:

- даже при наличии серьёзных политических разногласий между отдельными участниками, научные форматы БРИКС сохраняют работоспособность;
- университеты, академии наук, аналитические центры и профильные НКО являются основными операторами сотрудничества, обеспечивая «нейтральность» каналов коммуникации;
- фокус на глобальных вызовах (климат, продовольственная безопасность, энергетика, здравоохранение) позволяет сместить дискуссию из плоскости конфронтационной геополитики в плоскость совместного поиска решений.

Опыт научной дипломатии БРИКС, а также практика взаимодействия НКО и университетов в рамках народной дипломатии, создают предпосылки для следующего шага — интеграции существующих инициатив в единую цифровую экосистему. В качестве конкретного предложения может быть представлена инициатива создания единой цифровой платформы народной и научной дипломатии БРИКС–ЕАЭС.

Можно выделить цели данной платформы:

1. Снижение транзакционных издержек диалога. Обеспечение удобного и защищенного канала коммуникации между университетами, НКО, аналитическими центрами и экспертами стран БРИКС и ЕАЭС, особенно в условиях ограничений на физическую мобильность и очные мероприятия.
2. Повышение прозрачности и видимости проектов. Формирование открытого каталога совместных научных, образовательных и культурных инициатив, создание альтернативного «информационного зеркала» взаимоотношений между странами вне рамок конфликтогенной медиаповестки.
3. Укрепление ценностного фундамента сотрудничества. Выделять и транслировать кейсы, демонстрирующие общие культурные коды и ценности, успешные примеры солидарности и взаимной поддержки.

Ключевые функциональные блоки платформы:

- Научный модуль. Реестр совместных исследовательских проектов, доступ к результатам (open access, препринты, аналитические записки), инструменты поиска партнеров по тематике и компетенциям. Интеграция с уже разрабатываемой единой научно-информационной платформой БРИКС.
- Образовательно-молодежный модуль. Каталог программ академической мобильности, школ, стажировок и летних университетов; площадка для сетевых молодежных проектов и форумов (включая опору на уже существующие форматы — форумы молодых ученых БРИКС, молодежные советы и ассоциации).
- Культурно-гуманитарный модуль. Витрина культурных инициатив, фестивалей, языковых программ, цифровых музеев и киноплатформ, направленных на популяризацию культурного наследия стран-участниц и выявление общих культурных кодов.
- Экспертно-диалоговый модуль. Цифровая инфраструктура для проведения закрытых и открытых трек-два дискуссий: виртуальные круглые столы, ситуационные анализы, рабочие группы по чувствительным вопросам (безопасность, санкции, технологический суверенитет и т.д.), в которых участвуют эксперты, ученые, представители НКО и бывшие дипломаты.

Следует выделить основные принципы функционирования:

1. Инклюзивность и многополярность. Платформа должна быть открыта для широкого круга участников из стран БРИКС, ЕАЭС и других государств «мирового большинства», соблюдающих базовые принципы уважения суверенитета и культурного разнообразия.
2. Цифровой суверенитет и безопасность. Технологическая инфраструктура должна базироваться на решениях, минимизирующих уязвимость к внешнему политическому давлению и кибератакам, с приоритетом национальных и совместно разработанных технологий.

3. Акцент на практических результатах. В фокусе — не только обмен мнениями, но и генерация совместных проектов, рекомендаций для органов государственной власти, дорожных карт по ключевым направлениям сотрудничества.
4. Синхронизация с существующими институтами. Платформа должна не дублировать, а интегрировать уже действующие структуры — Сетевой университет БРИКС, молодёжные форумы, порталы по научной дипломатии, региональные практики публичной дипломатии.

Для обеспечения устойчивости инициативы целесообразно создание Совета по научной и народной дипломатии БРИКС–ЕАЭС, который мог бы:

- определять стратегические приоритеты развития платформы;
- координировать участие национальных академий наук, университетов, НКО и молодежных организаций;
- готовить регулярные доклады о состоянии научной и народной дипломатии в регионе, включая рекомендации для органов внешней политики и интеграционных структур.

Совет может функционировать в формате «полуторного трека» (Track 1.5), сочетая участие официальных представителей внешнеполитических и научных ведомств с широким привлечением независимых экспертов и общественных деятелей.

Заключение

Кризис доверия и распространение информационных войн существенно снижают эффективность традиционной дипломатии, основанной на взаимодействии исключительно официальных акторов. В этих условиях особое значение приобретают формы дипломатии, опирающиеся на универсальный язык науки и горизонтальные связи между обществами — научная и народная дипломатия, реализуемые через университеты, НКО, аналитические центры и культурные институции.

Научная дипломатия, используя общие нормы научного сообщества и фокус на глобальных вызовах, создает относительно

нейтральное пространство для диалога, в то время как народная дипломатия через культурные и образовательные обмены помогает формировать устойчивый образ «другого» как партнера, а не противника. Кейсы БРИКС демонстрируют, что даже в периоды острой геополитической конфронтации научно-техническое сотрудничество не только сохраняет жизнеспособность, но и может расширяться, становясь одним из ключевых каналов многосторонней коммуникации.

Разработка и внедрение единой цифровой платформы народной и научной дипломатии БРИКС–ЕАЭС, институционально подкрепленной Советом по научной и народной дипломатии, позволили бы:

- консолидировать существующие инициативы и сделать их более видимыми;
- снизить информационные и организационные барьеры для участия университетов и НКО;
- укрепить ценностный фундамент сотрудничества, основанный на общих культурных кодах и ответственности перед будущими поколениями.

Тем самым научная и народная дипломатия, действуя «поверх барьеров», могут стать одним из ключевых инструментов восстановления доверия и поддержания диалога в плюралистическом и конфликтогенном мировом порядке.

Т.П. Реброва

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет, Саранск
rebrova_tp@mail.ru

И.Н. Васильева

кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет, Саранск
vasilyeva128@mail.ru

Р.С. Богатова

научный сотрудник Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет, Саранск
graisa@mail.ru

АНАЛИЗ ИНИЦИАТИВ ФОРУМА РОССИЯ — ИСЛАМСКИЙ МИР ПО ВОПРОСАМ УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ СОТРУДНИЧЕСТВА СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА¹

Т.П. Rebrova

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
National Research Mordovian State University, Saransk
rebrova_tp@mail.ru

I.N. Vasilyeva

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher,
National Research Mordovian State University, Saransk
vasilyeva128@mail.ru

R.S. Bogatova

Researcher, National Research Mordovian State University, Saransk
graisa@mail.ru

¹ Работа выполнена в рамках научной темы «Перспективные формы международного сотрудничества со странами Ближнего Востока с учетом ресурсного потенциала и научно-технологического потенциала Российской Федерации».

ANALYSIS OF THE INITIATIVES OF THE RUSSIA-ISLAMIC WORLD FORUM ON STRENGTHENING COOPERATION WITH THE COUNTRIES OF THE MIDDLE EAST¹

Аннотация. В статье анализируется эволюция и институциональное развитие Международного экономического форума «Россия — Исламский мир: KazanForum» как инструмента укрепления внешнеэкономического сотрудничества Российской Федерации со странами исламского мира, в том числе Ближнего Востока. Рассматриваются этапы трансформации форума — от региональной инвестиционной инициативы к федеральной платформе внешнеэкономического взаимодействия. На основе количественных показателей участия, географии стран и динамики подписанных соглашений выявляются тенденции расширения многостороннего диалога и отраслевой диверсификации сотрудничества со странами Ближнего Востока. Особое внимание уделяется ключевым направлениям взаимодействия — транспортно-логистической интеграции, исламским финансам, халяль-индустрии, цифровизации, образованию и науке. Сделан вывод о том, что форум является механизмом институционализации экономического диалога России со странами Организации исламского сотрудничества и государствами Ближнего Востока, формируя устойчивые каналы взаимодействия в условиях трансформации мировой системы.

Ключевые слова: Международный экономический форум «Россия — Исламский мир: KazanForum»; Организация исламского сотрудничества; внешнеэкономическая политика; страны Ближнего Востока; исламские финансы; халяль-индустрия; международный транспортный коридор «Север — Юг»; институционализация; экономический диалог; геоэкономическая трансформация; дипломатия второго трека.

Abstract. The article analyzes the evolution and institutional development of the International Economic Forum «Russia — Islamic World: KazanForum» as an instrument for strengthening the foreign economic cooperation of the Russian Federation with the countries of the Islamic world and the Middle East. The stages of the Forum's transformation are examined — from a regional investment initiative to a federal platform for foreign economic interaction. Based on quantitative indicators of participation, the

¹ The research has been conducted under the research project “Prospective Forms of International Cooperation with Middle Eastern Countries in the Context of the Resource and Scientific-Technological Potential of the Russian Federation”.

geographical scope of participating countries, and the dynamics of signed agreements, the study identifies trends in the expansion of multilateral dialogue and sectoral diversification of cooperation with the Middle Eastern countries. Particular attention is paid to key areas of interaction, including transport and logistics integration, Islamic finance, the halal industry, digitalization, education, and science. The article concludes that the Forum serves as a mechanism for institutionalizing Russia's economic dialogue with the member states of the Organization of Islamic Cooperation and the countries of the Middle East, forming sustainable channels of interaction amid the transformation of the global system.

Key words: International Economic Forum «Russia — Islamic World: KazanForum»; Organization of Islamic Cooperation; foreign economic policy; Middle Eastern countries; Islamic finance; halal industry; International North–South Transport Corridor; institutionalization; economic dialogue; GEO-economic transformation; Track-II diplomacy.

Современный этап развития международных отношений характеризуется глубокой структурной трансформацией мировой системы. Ослабление однополярной модели, рост регионализации и формирование элементов многополярного миропорядка сопровождаются перераспределением торговых потоков, фрагментацией финансовых механизмов и усилением санкционного давления. В этих условиях Российская Федерация активизирует незападные направления внешнеэкономической политики, среди которых особое значение приобретает взаимодействие со странами Исламского мира, прежде всего государствами Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА).

Регион БВСА объединяет государства с населением свыше 350 млн человек и является одним из ключевых центров концентрации энергетических ресурсов, инвестиционного капитала и транзитно-логистического потенциала. Усиление его роли в глобальных финансовых процессах и формирование новых конфигураций мировой экономики объективно повышают значимость институционализированных форм взаимодействия России с данным регионом.

Одним из таких механизмов является Международный экономический форум «Россия — Исламский мир: KazanForum», прошедший эволюцию от региональной инициативы Республики

Татарстан к федеральной платформе внешнеэкономического взаимодействия Российской Федерации со странами Исламского мира.

Форум возник в 2009 году как KazanSummit по инициативе участников международной инвестиционной конференции, которая проходила в Казани в 2008 году в сотрудничестве с Исламским банком развития¹. В первом мероприятии приняли участие 250 человек из 18 стран, включая Саудовскую Аравию, ОАЭ, Марокко, Катар, Ливан, Бахрейн, Судан и Турцию. Уже по итогам саммита был подписан меморандум о создании Татарстанской международной инвестиционной компании, что стало важным шагом институционализации инвестиционного сотрудничества².

Период проведения саммита с 2009 по 2012 годы характеризуется устойчивым количественным ростом — число участников увеличилось до 1000 человек, а география расширилась до 30 стран (табл. 1). Данный этап можно охарактеризовать как стадию формирования доверия и закрепления формата в международной деловой среде.

В 2013–2014 гг. наблюдалось определенное снижение числа участников, что можно связать с геоэкономической турбулентностью и перестройкой внешнеэкономических связей России. Однако даже в этот период сохранялась широкая представленность ближневосточных государств, что свидетельствует о наличии устойчивого интереса к данной площадке.

Таблица 1

Участники KazanSummit, 2009–2014 гг.

Год	Участники, в том числе из стран БВСА	Страны	Соглашения
2009	205, в том числе из КСА, ОАЭ, Марокко, Катара, Ливана, Бахрейна, Судана, Турции	18	1

¹ В Казани подвели итоги Международного саммита исламского бизнеса и финансов. — 02.06.2009. — <https://www.business-gazeta.ru/article/11744>

² На два дня Казань превратилась в мировую столицу исламского бизнеса. — 29.06.2010. — <https://tatcenter.ru/news/na-dva-dnya-kazan-prevratilas-v-mirovuyu-stolitsu-islamskogo-biznesa/>

Окончание табл. 1

Год	Участники, в том числе из стран БВСА	Страны	Соглашения
2010	400 (в том числе из Бахрейна, Йемена, Кувейта, Ливана, ОАЭ, Саудовской Аравии, Судана, Турции)	24	42
2011	772	27	информация недоступна
2012	1000 (в том числе из Бахрейна, Ирана, Йемена, Кувейта, Ливана, Марокко, ОАЭ, Палестины, Саудовской Аравии, Султаната Оман, Судана, Турции)	30	информация недоступна
2013	700	40	информация недоступна
2014	500 (в том числе из ОАЭ, Катара и др.)	25	информация недоступна

Источник: составлено авторами по данным Интернет-ресурсов.

В 2015 году KazanSummit получил новое официальное название — «Россия — Исламский мир: KazanForum». Это отражало расширение задач форума — от инвестиционной площадки к комплексному формату, включающему торгово-экономическое, финансовое, образовательное, культурное и технологическое сотрудничество.

С 2016 года начинается активная фаза роста подписываемых соглашений. Если в 2016 году было заключено 12 соглашений, то к 2019 году их число достигло 42 (табл. 2). Особенно показателен 2019 год — 5098 участников из 72 стран, что продемонстрировало превращение форума в одну из крупнейших международных площадок исламского делового сотрудничества в Евразии. Пандемия 2020 года привела к вынужденной паузе, однако уже к 2022 году число участников достигло 6388 человек. Это свидетельствует об институциональной устойчивости формата.

Ключевым этапом стала федеральная институционализация форума в 2023 году. По решению Президента России форум приобрёл федеральный статус¹. Интеграция в систему государственной внешнеэкономической политики привела к росту числа стран-участниц до 104 и увеличению числа подписанных соглашений до 130 в 2025 году. Количество участников превысило 22 тысячи человек. Таким образом, количественная динамика демонстрирует не просто расширение масштаба, а качественную трансформацию статуса форума.

Таблица 2

**Участники форума «Россия — Исламский мир: KazanForum»,
2015–2025 гг.**

Год	Участники, в том числе из стран БВСА	Страны	Соглашения
2015	745 (в том числе из Саудовской Аравии, Египта, Турции, ОАЭ, Ирана, Марокко, Палестины, Катар, Алжира, Ирака, Йемена, Иордании, Ливана, Бахрейна)	46	информация недоступна
2016	1556 (в том числе из Катар, Кувейта, Судана, Турции, Туниса, Саудовской Аравии, ОАЭ)	51	12
2017	2641 (в том числе из Алжира, Ирака, Омана, Саудовской Аравии, Туниса, ОАЭ, Турции, Египта, Йемена, Ирана, Катар)	53	18
2018	3000 (в том числе из Алжира, Бахрейна, Иордании, Ирака, Омана, Саудовской Аравии, Туниса, ОАЭ, Турции, Египта, Йемена, Ирана, Катар, Кувейта, Ливана, Ливии, Марокко, Палестины)	53	10

¹ Указ о Международном экономическом форуме «Россия — Исламский мир: KazanForum». 17.01.2023. — <http://www.kremlin.ru/acts/news/70363>

Окончание табл. 2

Год	Участники, в том числе из стран БВСА	Страны	Соглашения
2019	5098 (в том числе из Алжира, Бахрейна, Египта, Иордании, Ирака, Ирана, Йемена, Ливана, Ливии, Марокко, ОАЭ, Омана, Палестины, Саудовской Аравии, Судана, Туниса, Турции)	72	42
2020	форум не проводился из-за пандемии COVID-19	—	—
2021	4500 (в том числе из Алжира, Бахрейна, Египта, Иордании, Ирака, Ирана, Йемена, Ливана, Ливии, Марокко, , ОАЭ, Омана, Палестины, Саудовской Аравии, Судана, Туниса, Турции)	64	20
2022	6388	64	30
2023	7210	85	130
2024	20 000	87	120
2025	22 000	104	130

Источник: составлено авторами по данным Интернет-ресурсов

Структура взаимодействия в рамках форума отражает приоритеты российской политики на Ближнем Востоке. Среди ключевых партнеров региона выделяются Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран и Бахрейн.

Турция остаётся одновременно сложным и значимым партнёром. Энергетическое сотрудничество (включая АЭС «Аккую»), региональная координация и торгово-экономические проекты формируют модель конкурентного партнёрства. Присутствие турецких делегаций на форуме с момента его основания свидетельствует о стабильности двустороннего диалога. Гостями форума являются высокопоставленные лица Турции, министры, бизнесмены, религиозные и политические деятели. На полях саммита подписаны такие соглашения как Меморандум о взаи-

мопонимании между Организацией развития малого и среднего предпринимательства Турецкой Республики (KOSGEB) и Фондом поддержки предпринимательства Республики Татарстан (2022 г.), Меморандум о взаимопонимании между Комитетом по здравоохранению при Совете муфтиев России и Духовном управлении мусульман Российской Федерации и Медицинским кластером ближневосточного центра промышленности и торговли Анкары (2022 г.)¹.

Иран является стратегическим партнёром России в вопросах безопасности, особенно в сирийском направлении, а также в контексте транспортного коридора «Север — Юг». Усиление санкционного давления на обе наши страны способствует углублению военно-технического и экономического сотрудничества. По данным Интернет-источников Иранские компании активно участвуют в работе форума с 2012 года. В работе выставки принимают участие Посол Ирана в Российской Федерации и генеральный консул Ирана в Казани. На выставке организован павильон Ирана, что способствует развитию двусторонних экономических отношений. Также проводится работа по расширению сотрудничества в области науки и образования. Так на форуме 2024 года был подписан меморандум о взаимопонимании между университетом «Аламе Табатабаи» и «Синергия»².

Саудовская Аравия играет ключевую роль в энергетической координации в рамках формата ОПЕК+. Прагматичный характер диалога отражает тенденцию к диверсификации внешнеэкономических связей вне зависимости от традиционной ориентации стран региона на западные центры силы. Дополнительное институциональное значение имеет деятельность Организация исламского сотрудничества, в рамках которой развивается диалог России с исламским миром. Штаб-квартира Организации исламского

¹ На KazanSummit подписаны документы о сотрудничестве между турецкими и российскими организациями. — 19.05.2022. — <https://kazved.ru/news/v-kazani-v-ramkax-kazansummit-podpisany-dokumenty-o-sotrudnicestve-5849818>

² Участие Исламской Республики Иран на форуме «Россия — Исламский мир». — 16.05.2024. — <https://parskaren.com/ru/участие-исламской-республики-иран-на/>

сотрудничества находится в Саудовской Аравии (г. Джидда). Заседания группы стратегического видения «Россия — Исламский мир», созданной в 2009 году, регулярно проводятся в том числе в Саудовской Аравии¹.

Объединённые Арабские Эмираты являются финансово-инвестиционным хабом взаимодействия, обеспечивая каналы движения капитала и логистические маршруты. Ежегодно на сессиях деловой программы форума поднимаются вопросы двустороннего взаимодействия России и Объединённых Арабских Эмиратов в различных областях.

Королевство Бахрейн стремится расширять и укреплять сотрудничество с Россией и традиционно принимает участие в Форуме. Так, в 2024 году на полях форума «Россия — Исламский мир: KazanForum» состоялась встреча советника Президента Российской Федерации Антона Кобыякова с Чрезвычайным и Полномочным Послом Королевства Бахрейн в Российской Федерации Ахмедом Аль-Саати. Участники встречи обсудили широкий спектр вопросов сотрудничества двух стран в рамках экономической и экологической повестки².

Отраслевые направления и их институциональная насыщенность

В рамках форума организуются бизнес-мосты и встречи, направленные на укрепление связей между российскими регионами и странами Ближнего Востока. Например, в 2025 году прошли мероприятия «Россия — ОАЭ», «Россия — страны MENA», «Россия — Иран», «Россия — Турция», «Россия — Катар» и другие.

¹ «Казань — витрина для ОИС»: что означает визит делегации России в Саудовскую Аравию. — <https://www.tatar-inform.ru/news/kazan-vitrina-dlya-ois-cto-znait-vizit-delegacii-rossii-v-saudovskuyu-araviyu-6008976>; Татарстан как точка входа: Саудовская Аравия готова инвестировать в Россию — 09.02.2026. — <https://rt-online.ru/news/tocka-vxoda-v-rossiiu-saudovskaia-araviia-gotova-investirovat-v-tatarstan-537024>

² Россия и Бахрейн продолжают сотрудничество в ключевых совместных проектах. — 17.05.2024. — https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/05/17/rossiya-i-bahrein-prodolzhat-sotrudnichestvo-v-klyuchevih-sovmestnih-proektah

Экономическое измерение форума позволяет оценить степень его практической отдачи. Ключевыми направлениями являются транспорт и логистика, туризм, исламские финансы, халяль-индустрия, цифровизация, образование.

Большое внимание уделяется проекту по развитию международного транспортного коридора «Север — Юг». Данный проект имеет стратегическое значение для России и ближневосточного региона. МТК «Север Юг» объединит инфраструктуру нашей страны и ближневосточных государств в единую транзитную систему. В мае 2023 года на полях IV форума «Россия — Исламский мир: KazanForum» между Российской Федерацией и Ираном в присутствии президентов России и Ирана было подписано соглашение о строительстве 162 км участка железной дороги Решт — Астара¹. В 2025 на Форуме дан старт изыскательским работам по строительству железнодорожной линии Решт — Астара на территории Ирана². МТК поможет существенно диверсифицировать глобальные транспортные потоки и значительно сократить сроки доставки грузов.

Исламские финансы постепенно формируют нормативную базу в российских регионах. Эксперимент по внедрению исламского финансирования проводится в четырех российских регионах, но интерес проявляют еще около 10 субъектов. На KazanForum 2025 обсуждались промежуточные итоги эксперимента. Было отмечено, что в 2024 году объем партнерских сделок составил 3,1 млрд рублей, что свидетельствует о начальной стадии формирования соответствующего сегмента. Российские власти заинтересованы в увеличении оборота партнерских сделок до 1 трлн рублей³.

¹ На KazanForum 2023 обсудили развитие международного транспортного коридора «Север — Юг». — <https://presscentr.rbc.ru/tpost/uy2glnm0j1-na-kazanforum-2023-obsudili-razvitie-mez>

² Россия и Иран дали старт изысканиям в рамках проекта строительства железнодорожной линии Решт — Астара. — <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11877>

³ Объем партнерских сделок в России составил всего 3,1 млрд, а ведь потенциал — триллион. — 16.05.2025. — <https://www.business-gazeta.ru/article/672332>

Выставка Russia Halal Expo стала крупнейшей площадкой экономического и научно-технологического сотрудничества регионов России и стран ОИС. Халяль-индустрия демонстрирует высокий уровень практической реализации по сравнению с более сложными финансовыми механизмами. В 2025 году международная выставка Russia Halal Expo была организована в восьмой раз. На выставке были представлены 54 стенда из 12 стран¹. Это уникальная площадка для продвижения и развития бизнес-проектов, для построения конструктивного диалога между участниками форума. На выставке свои стенды представляют страны и российские регионы, международные компании, госкорпорации, крупнейшие банки и финансовые институты. Здесь презентуют инвестиционный потенциал и достижения в области технологий и исламской экономики, B2B-проекты, продукты крупного бизнеса и субъектов МСП.

Также в 2025 году одной из ключевых тем форума стала *цифровизация* взаимоотношений России и стран ОИС. На пленарном заседании участники обсудили роль цифровизации в укреплении сотрудничества между Россией и странами ОИС и внесли ряд перспективных предложений. Была отмечена возможность использования цифровых финансовых активов и криптовалют в качестве инструмента для международных расчетов, что может стать альтернативой традиционным каналам в условиях санкционных ограничений².

В программу форума входят мероприятия в сфере образования, спорта, моды и других направлений, которые направлены на укрепление доверия и партнёрства.

Особо следует отметить сотрудничество России со странами Исламского мира в области *науки и высшего образования*. На сессии «Актуальные вопросы развития сотрудничества России со странами Исламского мира в области науки и высшего образования в

¹ Марат Хуснуллин: На KazanForum было подписано 130 соглашений. — 20.05.2025. — <http://government.ru/news/55065/>

² Форум «Россия — Исламский мир» как зеркало современных процессов в мире. — 20.05.2025. — <https://www.ritimeurasia.ru/news--2025-05-20--forum-rossija-islamskij-mir-kak-zerkalo-sovremennyh-processov-v-mire-80421>

условиях многополярного миропорядка» было отмечено, что в российской системе высшего образования обучаются почти 400 тыс. иностранных студентов, из них более 30% (около 124 тыс.) — из государств Организации исламского сотрудничества (ОИС), при этом около 33 тыс. иностранных обучающихся получают образование за счет бюджетных ассигнований Российской Федерации¹. Российская Федерация является участницей 75 соглашений в области взаимного признания образования, квалификаций и ученых степеней, из которых 25 действуют со странами Исламского мира. В ходе обсуждения прозвучало предложение о расширении участия молодых исследователей в международных программах академической мобильности с ведущими университетами государств-членов ОИС и Российской Федерации, в том числе путем создания Фонда академической мобильности «Россия — ОИС»², что будет способствовать расширению научно-технологического сотрудничества России и стран ОИС.

Ограничения институционализации

Несмотря на впечатляющую количественную динамику, степень институциональной закреплённости инициатив остаётся неоднородной. Отсутствие постоянного наднационального координационного механизма, ограниченные процедуры мониторинга исполнения соглашений и зависимость от политической конъюнктуры сдерживают трансформацию форума в полноценную геоэкономическую подсистему.

В отличие от Всемирного экономического форума, KazanForum, несмотря на свой федеральный статус и международный масштаб, сохраняет сильную региональную специфику (республики Татарстан), что выделяет его на фоне других столичных площадок, но при этом не является препятствием для решения общефедеральных задач.

¹ Итоги KazanForum 2025: 200 мероприятий и 130 соглашений. — 20.05.2025. — https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/05/20/itogi-kazanforum-2025-200-meropriyatii-i-130-soglashenii

² Вопросы развития сотрудничества России со странами Исламского мира в области науки и высшего образования обсудили на KazanForum. — 16.05.2025. — <https://media.kpfu.ru/news/minobr>

ральных задач. После 2022 года, на фоне изменения формата взаимодействия России с Давосом, российские форумы, такие как KazanForum и Петербургский международный экономический форум, стали играть более заметную роль в развитии альтернативных каналов международного сотрудничества и в укреплении связей с государствами вне западных институциональных форматов.

В отличие от таких межгосударственных объединений, как БРИКС, KazanForum не является институтом с обязательными механизмами принятия решений. Однако он выполняет важную функцию «мягкой» институционализации, создавая регулярную площадку для неформального диалога, что снижает транзакционные издержки взаимодействия, и являясь инструментом «дипломатии второго трека».

Заключение

Анализ эволюции форума «Россия — Исламский мир: KazanForum» позволяет сделать вывод о его трансформации от региональной инвестиционной инициативы к федеральной внешнеэкономической платформе. Форум не только демонстрирует количественный рост показателей участия и подписанных соглашений, но и формирует институциональную среду для долгосрочного сотрудничества. Также нужно отметить, что KazanForum фактически выполняет функцию национального механизма диалога России с государствами ОИС, дополняя межправительственные форматы сотрудничества.

Взаимодействие со странами Ближнего Востока — такими как Турция, Иран, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты — носит прагматичный и многовекторный характер. Оно охватывает энергетику, транспортную интеграцию, инвестиции, исламские финансы, развитие халяль-индустрии и академическое сотрудничество. Форум способствует снижению транзакционных барьеров, расширению прямых контактов между регионами и бизнес-структурами, а также укреплению доверия в условиях глобальной турбулентности.

Вместе с тем дальнейшее углубление сотрудничества требует усиления институциональной составляющей — создания по-

стоянных координационных механизмов, систем мониторинга исполнения соглашений и развития совместных финансовых инструментов с участием стран ОИС. Перспективным направлением является расширение научно-образовательного взаимодействия и формирование устойчивых сетей академической мобильности между Россией и государствами Исламского мира.

Форум «Россия — Исламский мир: KazanForum» является важным элементом формирования новой архитектуры сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Организации исламского сотрудничества. Его дальнейшее развитие может способствовать укреплению позиций Российской Федерации в многополярном мировом порядке и расширению геоэкономических связей в евразийско-ближневосточном пространстве.

А.Н. Рылева

доктор культурологии, профессор Московского международного университета
и Университета мировых цивилизаций

**ПУБЛИЧНАЯ И НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ:
СИНЕРГИЯ УСИЛИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ РОССИИ —
ОТ ПАРЛАМЕНТСКИХ МЕХАНИЗМОВ
И НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ДО ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

A.N. Ryleva

Doctor of Cultural Studies, Professor at Moscow International University
and the University of World Civilizations

**PUBLIC AND PUBLIC DIPLOMACY: SYNERGY OF EFFORTS
IN THE IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY
OBJECTIVES — FROM PARLIAMENTARY MECHANISMS
AND SCIENTIFIC DIPLOMACY TO DIGITAL PLATFORMS
OF CIVIL SOCIETY**

Аннотация. В статье представлен системный анализ кооперации между институтами публичной и народной дипломатии как механизма, обеспечивающего укрепление международных позиций Российской Федерации. Значимость исследования определяется эволюцией концепции «мягкой силы» и её растущим влиянием на международные отношения; вызовами в сфере формирования и поддержания благоприятного имиджа России на мировой арене в контексте обостряющейся геополитической конкуренции; инновационным развитием дипломатических практик, особенно в сфере цифровых технологий, открывающих новые возможности для внешнеполитической коммуникации.

Ключевые слова: мягкая сила, публичная дипломатия, народная дипломатия, синергия, геополитическая конкуренция, цифровая дипломатия, национальные ценности, Россотрудничество, межпарламентские связи, гражданское общество, НКО, культурная идентичность, русский язык.

Abstract. The article presents a systematic analysis of cooperation between institutions of public and people's diplomacy as a mechanism for strengthening the international positions of the Russian Federation. The significance of the research is determined by the evolution of the concept of "soft power" and its growing influence on international relations; challenges in the field of forming and maintaining a favorable image of Russia on the world stage in the context of intensifying geopolitical competition; the innovative development of diplomatic practices, especially in the field of digital technologies, which open up new opportunities for foreign policy communication.

Key words: soft power, public diplomacy, people's diplomacy, synergy, geopolitical competition, digital diplomacy, national values, Rossotrudnichestvo, inter-parliamentary relations, civil society, NGOs, cultural identity, Russian language.

Сегодня в мире всё большее значение имеет так называемая «мягкая сила» — то есть не силовое, а культурное, образовательное и научное влияние одной страны на другие. Для России крайне важно создавать положительный образ в глазах других государств, потому что конкуренция между странами становится всё сильнее. Чтобы добиться этого, необходимо, чтобы государство и обычные граждане (гражданское общество) работали вместе. Кроме того, сейчас стремительно развивается цифровая дипломатия — общение между странами через Интернет, социальные сети, онлайн-мероприятия. При этом Россия должна сохранять свой суверенитет (независимость) и представлять свои ценности не только в странах Евразии, но и во всём мире. Наша задача — изучить, как взаимодействуют два вида дипломатии — публичная (официальная) и народная (когда обычные люди помогают укреплять международные связи). Можно представить это как организм: публичная дипломатия — это «скелет», основа системы, а народная дипломатия — «мышцы», которые придают системе силу и динамику. Основа российской дипломатии (и официальной, и народной) — это ключевые национальные ценности: сохранение исторической памяти, уважение к традициям, мультикультурализм. Нам нужно научиться рассказывать об этих ценностях — используя как российский, так и зарубежный опыт. Публичная дипломатия («скелет» системы) включает в себя работу парламентов разных стран друг с другом, участие в международных собраниях и форумах, разработку совместных

законов и инициатив, научные проекты с зарубежными учёными, совместную работу по важным глобальным вопросам — например, изменению климата, здравоохранению, безопасности. Также важная часть публичной дипломатии — это «мягкая сила»: культурные, научные и образовательные проекты. Примеры таких проектов — деятельность Россотрудничества, российских центров науки и культуры, обмен студентами и преподавателями, фестивали, выставки, кинофестивали. Всё это помогает создавать положительный образ России в мире. Народная дипломатия («мышцы» системы) — это деятельность обычных людей и некоммерческих организаций (НКО): гуманитарная помощь другим странам, обмен культурным опытом, волонтёрские проекты, работа диаспор (общин соотечественников за границей), деятельность молодёжных организаций, проведение форумов, лагерей, онлайн-мероприятий, сохранение русской культуры и продвижение русского языка за рубежом.

Для дипломатии после 2022 года начались наиболее трудные времена, несмотря на то, что основные тенденции обозначились и до этого времени. Практически полная деградация отношений с Евроатлантическим регионом и необходимость активизации наращивания дипломатических усилий в других регионах мира приводит к образованию новых треков в дополнение к классической дипломатии, в частности приводит к расширению каналов воздействия, в том числе в гуманитарной сфере и использовании цифровых средств коммуникации.

Совместная работа публичной и народной дипломатии — это главный способ укрепить позиции России в мире. Сочетание разных инструментов — парламентской работы, науки, общественной деятельности и цифровых технологий — позволяет быстро и гибко реагировать на любые вызовы. Чтобы добиться максимального эффекта, нужно лучше координировать работу государства и НКО, активнее использовать Интернет и цифровые платформы для продвижения русской культуры и образования за границей, развивать молодёжные дипломатические проекты и программы обмена между молодыми людьми из разных стран. Если мы будем активно работать по этим направлениям, то сможем эффективнее

решать внешнеполитические задачи и укреплять позиции России на мировой арене.

Список литературы

1. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / Е.С. Зиновьева, Н.А. Цветкова, Э.Л. Сидоренко [и др.]; под ред. Е.С. Зиновьевой. — М.: МГИМО-Университет, 2024.
2. Восточный альманах: сб. науч. ст. / под общ. ред. М.Г. Троянского; науч. ред. А.А. Данельян; Дипломатическая академия МИД России. — 2025. — Вып. 9.
3. Дроздовская Ю.В. Парламентская дипломатия Санкт-Петербурга в регионе Балтийского моря (на примере Парламентской Конференции Балтийского Моря) // Успехи современной науки и образования. — 2017. — Т. 6, № 4. — С. 129–133.
4. Зайцева А.А. Парламентская дипломатия БРИКС // Международная жизнь. — 2015. — № 13. — С. 91–96.
5. Зайцева О.А. Деятельность российских центров науки и культуры (представительств Россотрудничества) на постсоветском пространстве: аналитический отчет // Русский язык и культура за рубежом: лучшие образовательные практики. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Душанбе, Таджикистан, 6–7 декабря 2021 года. — Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. — С. 35–52.
6. Информация о проектах в сфере народной дипломатии // Сайт Россотрудничества. — <https://rs.gov.ru/>
7. Кайбуллаева Н. Цифровая дипломатия: как государства ведут внешнюю политику через соцсети и цифровые платформы. — <https://interaffairs.ru/news/show/51542>
8. Камучева В.Э. Парламентская дипломатия и основы межпарламентского взаимодействия Федерального Собрания Российской Федерации // Научный альманах. — 2016. № 4-4 (18). — С. 62–65.
9. Коньков А.Е., Чуков Р.С. Парламентская дипломатия: развитие общественно-государственного взаимодействия на мегаполитическом уровне // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 1. — С. 62–73.
10. Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. — 2015. — Т. 13, № 4 (43). — С. 45–56.

11. *Лукина Ю.В.* Информационные кампании недружественных государств в отношении России на современном этапе. — М.: Дипломатическая академия МИД России, 2025.
12. Международное гуманитарное сотрудничество. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. — <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
13. *Ордовский Д., Кожемякин Е.А.* Цифровая публичная дипломатия в эпоху социальных медиа: эволюция и современное состояние // Полис. Политические исследования. — 2025. — Т. 34, № 2. — С. 157–166.
14. Раздел о гуманитарной дипломатии и работе с соотечественниками // Сайт МИД России. — <https://www.mid.ru/>

И.В. Свиридов

заместитель директора НИИ «Интеграл» Министерства цифрового развития,
связи и массовых коммуникаций РФ
igoindigo@yandex.ru

ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В ОБЛАСТИ ИКТ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

I.V. Sviridov

Deputy Director of the Research Institute “Integral” of the Ministry of Digital Development,
Communications and Mass Media of the Russian Federation
igoindigo@yandex.ru

GLOBAL COMPETITION IN THE FIELD OF ICT AND CURRENT ISSUES OF DIGITAL SOVEREIGNTY OF THE STATE IN THE CONTEXT OF PUBLIC DIPLOMACY

Аннотация. Статья посвящена анализу глобальной конкуренции в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и её влиянию на трансформацию концепции государственного суверенитета в условиях цифровой эпохи. Рассматривается противостояние США и Китая как двух основных центров технологического развития, включая борьбу за лидерство в области полупроводников, 5G, искусственного интеллекта и международной стандартизации. Особое внимание уделяется стратегии Китая по достижению технологической самодостаточности и ответным мерам США, направленным на сдерживание его технологического развития. Вторая часть работы посвящена анализу реализации политики цифрового суверенитета в России. Автор рассматривает правовое регулирование Интернета, импортозамещение, развитие отечественных ИТ-решений, кибербезопасность, а также роль цифрового суверенитета как инструмента публичной дипломатии.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, глобальная конкуренция, ИКТ, США, Китай, публичная дипломатия, 5G, искусственный интеллект, кибербезопасность, Россия, технологическая самодостаточность.

Abstract. The article analyses global competition in information and communications technology (ICT) and its impact on the transformation of the concept of state sovereignty

in a digital age. It examines the confrontation between the United States and China as the two main centers of technological development, including the struggle for leadership in semiconductors, 5G, artificial intelligence, and international standardization. Particular attention is being paid to China's strategy for achieving technological self-sufficiency and the US-response aimed at stemming its progress. The second part of the work is devoted to analysis of implementation of digital sovereignty policy in Russia. The author examines the legal regulation of the Internet, import substitution, the development of domestic IT solutions, cybersecurity, as well as the role of digital sovereignty as a tool of public diplomacy.

Key words: digital sovereignty, global competition, ICT, USA, China, Russia, public diplomacy, 5G, artificial intelligence, cybersecurity, technological self-sufficiency.

Введение

На сегодняшний день динамику международных отношений можно охарактеризовать как борьбу за глобальное лидерство, которая усиливается региональными процессами и обострением противоречий между странами. Эта борьба принимает различные формы — от идеологического, экономического и военного влияния до технологического доминирования. А если учитывать тот факт, что в современном мире геополитическое влияние тесно связано с технологическим прогрессом, то одним из наиболее важных вопросов в этой области является стремительное развитие цифровых технологий и их значение для международных отношений, мировой политики и экономики. Согласно последним отчетам Всемирного банка, к 2030 году доля цифровой экономики в мировом ВВП составит 25% [1].

Преимущество в области знаний и обладание современными технологиями может повлечь за собой процесс концентрации власти в одном государстве (либо союзе государств), обладающем этими технологиями, которое получит возможность формировать основы нового экономического порядка, укрепить свой военный потенциал и создать свою техническую инфраструктуру международного управления. Результатом этого является возникновение цифрового пространственного неравенства, когда одни страны и регионы формируют «центр» цифрового мира, задавая стандарты

и извлекая основную прибыль, а другие остаются на технологической «периферии».

Соперничество США и Китая в сфере ИКТ

В последние несколько лет усилилась мировая конкуренция в секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которая вышла за рамки традиционного соперничества компаний и трансформировалась в стратегическое противостояние государств, корпораций и экосистем. Суть этого процесса заключается в создании собственного информационного пространства в условиях глобальной цифровизации.

К началу 2025 года объем мирового рынка ИКТ составил более пяти трлн долларов США, демонстрируя годовой рост на 7,7% [2]. Этот гигантский рынок стал главной площадкой технологического и геополитического соперничества, где передовые позиции определяют будущее экономического и стратегического влияния на десятилетия вперед.

Ключевыми конкурентами в области ИКТ на сегодняшний день являются США и Китай, которые стремятся к определенной степени технологического разъединения, пытаются уменьшить зависимость друг от друга в области критически важных технологий.

Напряженность между странами значительно возросла в 2018 году, когда правительство США приняло ряд мер по ограничению доступа китайских технологических компаний на американский рынок и к технологиям. Эти меры включали запрет правительства США на телекоммуникационное оборудование китайских компаний, таких как Huawei и ZTE, главным образом в таких секторах, как полупроводники, 5G, искусственный интеллект и передовое производство [3].

Конфликт был вызван возникшими опасениями не только в США, но и во всем мире по поводу растущего технологического превосходства Китая, предполагаемыми действиями по краже американской и мировой интеллектуальной собственности, а также амбициями Китая стать мировым лидером в области инновационных технологий. В результате этого США ввели ограниче-

ния и пошлины на китайский импорт, применили санкционные меры в отношении китайских технологических компаний, тем самым закрыв доступ Китая к передовым технологиям, которые могут быть использованы в военных или стратегических целях. Некоторые из этих ограничений включают [4]:

- Введение экспортного контроля в отношении определенных технологий, таких как полупроводники, программное обеспечение и другие высокотехнологичные товары, с целью запрета их передачи в Китай. Правила требуют от американских компаний получения лицензии перед экспортом определенных товаров в Китай;
- Введение пошлин на ряд китайских товаров, включая электронику, что является частью усилий по устранению торгового дисбаланса между двумя странами;
- Внесение ряда китайских компаний, включая Huawei и ZTE, в санкционный список, что ограничивает их доступ к американским технологиям и возможности вести бизнес с американскими компаниями.

Кроме того, Комитет по иностранным инвестициям в США (CFIUS) заблокировал или изменил ряд предложенных китайских инвестиций в США. США запустили программу «Чистая сеть», цель которой — защитить конфиденциальность граждан США и национальную безопасность от угроз со стороны китайских технологий, таких как 5G-оборудование от Huawei и сбор данных компанией TikTok.

Китай, со своей стороны, стремился уменьшить свою зависимость от американских технологий, вкладывая значительные средства в отечественные технологические компании и развивая собственные высокотехнологичные отрасли. Были предприняты ответные меры против США, путем ввода пошлин на американский импорт, которые напрямую затронули американские технологические компании.

Это соперничество имеет долгосрочные глобальные последствия для различных рынков и секторов как в экономическом плане, так и для будущего технологий и производства. Конфликт уже привел к разрыву связей между технологическими отраслями США и Китая, при этом каждая страна стремится внедрить стра-

тегии по развитию технологического суверенитета. Так 9 августа 2022 года в США был принят «Закон о чипах и науке», в рамках которого правительством выделено 1,5 млрд долларов США на стимулирование внутреннего производства полупроводников. В свою очередь китайская инициатива «Сделано в Китае 2025» направлена на снижение зависимости от иностранных технологий и развитие отечественных возможностей в таких секторах, как робототехника, аэрокосмическая промышленность и полупроводники [5].

Полупроводники лежат в основе технологического соперничества между странами. На сегодняшний день США контролируют высокотехнологичный сегмент цепочки поставок, имея в своем распоряжении такие ведущие компании, как Intel, NVIDIA и Qualcomm, в то время как Китай сильно зависит от импорта передовых микросхем, учитывая напряженные отношения с Тайванем, чья компания TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company) играет ключевую роль в производстве передовых микросхем в мире, обслуживая как американские, так и китайские компании. США ввели экспортный контроль на передовые микросхемы в Китай, стремясь предотвратить развитие Китаем передовых возможностей в области искусственного интеллекта и военной техники. Обе страны признают уязвимость глобальной цепочки поставок полупроводников и предпринимают шаги для ее защиты. США поощряют внутреннее производство микросхем, в то время как Китай работает над устранением разрыва в технологиях производства микросхем посредством масштабных государственных инвестиций.

Китай поставил перед собой амбициозную цель — сократить зависимость от иностранных технологий и стать лидером в производстве полупроводников к 2030 году. По данным Ассоциации полупроводниковой промышленности (SIA), в период с 2014 по 2030 год инвестиции Китая в полупроводниковую промышленность превысят 150 миллиардов долларов США. А в период с 2000 по настоящее время доля Китая в мировом производстве полупроводников увеличилась с одного до 15%. В рамках стратегии «Сделано в Китае 2025» планировалось достичь 40% самообеспеченности в производстве полупроводников к 2020 году

и 70% к 2025 году. Однако к 2020 году самообеспеченность в производстве микросхем достигла лишь 16%. Тем не менее, с учетом действующих отраслевых санкций, ожидается, что к 2030 году китайские компании смогут удовлетворять до 33% спроса страны на микросхемы [6].

Что касается производства самых передовых полупроводников, то и здесь Китай добился значительного прогресса за относительно короткое время. В 2016 году крупнейший китайский производитель микросхем, Semiconductor Manufacturing International Corporation (SMIC), начал массовое производство микрочипов с использованием 28-нм технологической платформы. В 2022 году появились сообщения о налаживании массового производства чипов с использованием 14-нм платформы. Кроме того, по некоторым данным SMIC уже начала производство чипов на 7-нм платформе, используя установки глубокой ультрафиолетовой (DUV) литографии Advanced Semiconductor Materials Lithography (ASML), которые не являются самыми передовыми из доступных.

Ещё одним направлением противостояния является искусственный интеллект. ИИ рассматривается как технология, способная изменить мир, имеющая значение для экономического роста, военного применения и глобального доминирования. В то время как американские компании, такие как Google, Microsoft и OpenAI, лидируют в исследованиях ИИ (особенно в области генеративного ИИ), Китай быстро догоняет, и такие компании, как Baidu, Tencent и Alibaba, добиваются значительных успехов.

В долгосрочных планах Китая — стать мировым лидером в области ИИ к 2030 году. КНР уже опережает другие страны в области технологий наблюдения на основе ИИ и создания алгоритмов для электронной коммерции. Китай не только значительно превосходит Соединенные Штаты по количеству научных работ, посвященных ИИ, но и практически сравнялся со своим главным конкурентом по значимости и цитируемости.

Несмотря на это США сохраняют ведущую роль по количеству компаний, занимающихся разработкой ИИ (количество американских компаний составляет порядка 38% от всех мировых),

а объем инвестиций в разработку ИИ превысил 149 миллиардов долларов [7].

Само же внедрение информационных технологий невозможно представить без развитого телекоммуникационного сектора с инновационной архитектурой, обеспечивающей бесперебойное функционирование мобильной связи и сети Интернет.

Быстро развивающаяся экономика Китая и миллиардные государственные инвестиции в 5G постепенно лишают США преимуществ в этой области ИКТ. Развитие сетей пятого поколения в Китае стало национальным приоритетом. Еще до внедрения стандарта правительство КНР инвестировало в исследования и инфраструктуру около 180 млрд долларов США. Под непосредственным контролем правительства была создана оперативная группа по вопросам развития 5G-технологий IMT-2020, которая объединила всех участников индустрии в единую экосистему и наладила взаимодействие между ними. Создан общенациональный фонд для привлечения инвестиций в разработку передовых технологий.

В рамках программы «Цифровой шелковый путь», китайские власти способствовали продвижению за рубежом различных достижений в области 5G-технологий, оборудования и устройств национальных телекоммуникационных компаний Huawei и ZTE, которые принимали активное участие в разработке стандартов 5G в рамках организации по стандартизации мобильных коммуникаций «Партнерский проект третьего поколения» (The 3rd Generation Partnership Project, 3GPP).

В отличие от Китая, на первоначальном этапе США выбрали свой особый вектор развития 5G в диапазоне сверхвысоких частот, так как самый оптимальный для коммерческого использования диапазон от 3 до 4 ГГц принадлежал вооруженным силам и силовым структурам. В этой связи отставание от Китая в плане коммерческого развертывания мобильных сетей 5G стало очевидным. Только в конце августа 2020 года Федеральная комиссия США по связи (Federal Communications Commission, FCC) провела аукцион по распределению лицензий на приоритетный доступ к частотам для 5G в диапазоне 3550-3650 МГц.

Кроме этого, американские телекоммуникационные корпорации практически полностью отказались от производства базовых станций мобильной сети пятого поколения, отдав предпочтение для построения своих 5G-сетей оборудованию компаний Huawei, ZTE, Nokia и Ericsson, которые являются конкурентами на этом рынке.

Однако США не отказываются от планов занять лидирующие позиции в области 5G-технологий и вытеснить китайские компании с рынка. Так, в отношении компаний Huawei и ZTE были введены санкции из-за того, что, по мнению ведущих специалистов США в области информационной безопасности, использование оборудования компаний при строительстве телекоммуникационных сетей пятого поколения, повышало риски кибершпионажа и других киберугроз, создавая проблемы по линии национальной безопасности.

Huawei является единственной компанией, которая может предложить полный цикл разработки, развертывания и управления сетями 5G, а также производства и поставки оборудования от базовых станций до смартфонов. У компаний Ericsson и Nokia есть альтернативные предложения на рынке, но они не могут конкурировать с низкими ценами Huawei, которые она может позволить себе благодаря государственной поддержке. На сегодняшний день соглашения о сотрудничестве в области 5G с Huawei подписало более 35 государств. Поэтому в ближайшей и среднесрочной перспективе лидером по темпам внедрения технологий 5G и развертывания сетей мобильной связи останется Китай.

У США еще сохраняется техническое лидерство в нескольких ключевых сегментах 5G-технологий. Такие компании как Amazon, Apple (с интегрированной экосистемой устройств и услуг), Meta Platforms Inc. и Microsoft, предоставляют наибольшую долю приложений и услуг. Также, американские компании разрабатывают большинство операционных систем для мобильных устройств с Android и Apple iOS, и являются конкурентами в области производства смартфонов (Apple), коммутаторов и серверов базовой сети (Cisco, Dell и Hewlett Packard). Кроме этого, американские компании являются разработчиками чипов

для телекоммуникационных продуктов (Qualcomm, Skyworks, Broadcom, Qorvo).

США прилагают значительные усилия, чтобы затормозить развитие 5G в Китае. Но отставание в создании и развитии инфраструктуры для 5G по основным характеристикам — низкая скорость передачи данных, отсутствие заметного покрытия территории, высокая стоимость эксплуатации предоставляемого оборудования — поднимает ряд проблемных вопросов, которые необходимо решить.

Ещё одним ключевым моментом в этом соперничестве является стандартизация 5G, в которой Китай остается на лидирующих позициях.

Наличие патентов на технологии 5G является важной экономической составляющей, поскольку 5G — это не только мобильная связь, но и новые возможности искусственного интеллекта, расширенной реальности, граничных вычислений и Интернета вещей. Принципиально новые услуги в таких областях как умный город и дом, виртуальная реальность, энергетика, телемедицина, беспилотный транспорт, производство и др. будут подключены через сети 5G.

Государство, компании которого являются владельцами основных патентов 5G, получит экономическое преимущество и возможность оказывать давление на инновации и стандартизацию в смежных технологиях. Поэтому США уделяет особое внимание растущему влиянию Китая в этой области.

В последние 10 лет Китай последовательно увеличивал финансирование и число своих представителей в организации по стандартизации потребительской электроники, хранения и передачи данных. Число представителей Китая в консорциуме 3GPP выросло с 9 до 11, но и США увеличили свое представительство с 7 до 14 [8].

Противостояние усилилось с началом реализации национальной стратегии «Китайские стандарты 2035» (China Standards 2035), согласно которой КНР отводит себе глобальную роль в координации разработки национальных и международных стандартов в таких перспективных отраслях как 5G, искусственный интеллект, квантовые вычисления и в последние годы 6G. Так,

на конец 2022 года Китаю принадлежало более 40% мировых патентных заявок на технологии 6G. А первые мобильные сети шестого поколения будут развернуты уже к 2030 году.

Существует вероятность, что конкуренция США и Китая в сферах новых технологий и технических стандартов может привести к разделению международных стандартов. Компаниям придется управлять двумя отдельными глобальными цепочками поставок, каждая из которых регулируется своей собственной независимой системой стандартов, что негативно отразится на глобальной мировой экономике.

Обе страны ведут ожесточенную конкуренцию в сфере кибербезопасности, особенно в отношении шпионажа и кражи интеллектуальной собственности. США обвиняют Китай в проведении кибератак с целью кражи конфиденциальных государственных и корпоративных данных, в то время как Китай рассматривает доминирование США в глобальной Интернет-инфраструктуре как угрозу своей национальной безопасности. Еще одним ключевым вопросом является управление данными и кибер-инфраструктурой. США выражают обеспокоенность тем, что китайские технологические компании, в частности Huawei и TikTok, могут быть использованы китайским правительством для доступа к конфиденциальным данным.

Начавшаяся в 2018 году торговая война между США и Китаем, оказала значительное влияние на глобальные цепочки поставок в сфере высоких технологий. Введение тарифов на китайские товары, включая электронику и технологическую продукцию, нарушило глобальные производственные сети и вынудило компании пересмотреть свои стратегии в области цепочек поставок. Американские компании начали диверсифицировать свои цепочки поставок, отказываясь от сотрудничества с Китаем и ища альтернативы в таких странах, как Вьетнам, Индия и Мексика. В то же время правительство США поощряет возвращение критически важных производственных мощностей в страну, особенно в высокотехнологичные сектора, такие как производство полупроводников.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что на современном этапе в условиях геополитической конкуренции

вопросы технологической самодостаточности и цифрового суверенитета являются актуальными для любого государства.

Стратегия России по достижению цифрового суверенитета в ИКТ

В последнее время, концепция суверенитета претерпела глубокую трансформацию, распространившись на цифровую сферу. Цифровой суверенитет как способность государства контролировать свою цифровую инфраструктуру, конфиденциальные данные и информационное пространство трансформировался в критический компонент национальной безопасности и основу для проведения независимой внешней политики. Как заявил 19 декабря 2025 года Президент Владимир Путин, Россия вошла в тройку мировых лидеров, обладающих полноценным цифровым суверенитетом, наравне с США и Китаем [9]. Это достижение является не только технологическим — оно стало основанием для новой публичной дипломатии, которая в условиях формирования многополярного мира выступает против диктата и отстаивает принцип уважения суверенитета всех государств.

Достижение Россией этих позиций стало результатом последовательной реализации комплексной стратегии, основой которой стали:

— Правовое регулирование и контроль информации. Современное Российское законодательство включает новые механизмы регулирования и контроля цифровой среды. Основанием является Федеральный закон от первого мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10]. Закон вступил в силу в ноябре 2019 года. Неформальное название внесенных изменений — Закон о «суверенном Интернете», предоставивший государству технические средства для централизованного управления Интернет-трафиком и потенциальной изоляции национального сегмента сети Интернет.

В условиях Специальной военной операции на территории Украины было ужесточено применение законов о «фейковых новостях», криминализирующих распространение информации,

противоречащей официальной позиции государства [11]. Эти меры наряду с обновленной Системой оперативно-розыскных мероприятий (СОПМ), усиленной технологиями искусственного интеллекта, позволяют эффективно мониторить, фильтровать контент и пресекать деятельность, расцениваемую как дестабилизирующую.

— Создание технологической базы и импортозамещение. Политика цифрового суверенитета напрямую связана с развитием отечественных технологий и экосистем. Активное внедрение low-code/no-code платформ и предметно-специфических языковых моделей (DSLМ) позволяет создавать программные решения, менее зависимые от иностранных стеков технологий. Развитие собственных ИТ-решений и платформ (таких как VK, Яндекс, GigaChat и MAX), а также адаптация практик управления ИТ под новые условия, являются стратегическими задачами бизнеса и государства. Несмотря на то, что ещё сохраняется зависимость от глобальных цепочек поставок, направление на технологическую самодостаточность уже определено.

— Упреждающая кибербезопасность. В условиях роста угроз особое внимание уделяется превентивному выявлению уязвимостей. Упреждающая кибербезопасность вошла в топ-10 ИТ-трендов 2026 года, что отражает смещение от реагирования на атаки к их прогнозированию и предотвращению. Однако уровень защищенности критически варьирует по отраслям: в то время как финансовый сектор демонстрирует высокую устойчивость (8.1 балла из 10), сфера ритейла и цифровой коммерции остается крайне уязвимой (5.9 балла). Такая диспропорция создает системные риски для экономики в целом.

Цифровой суверенитет в контексте публичной дипломатии России

Внешнеполитическая риторика и практика России все чаще используют достижения в цифровой сфере как инструмент продвижения своих позиций на мировой арене и формирования альтернативных союзов.

Заявление о вхождении в тройку стран с цифровым суверенитетом послужило важным сигналом в диалоге с Западом. Оно подкрепило тезис о том, что Россия является субъектом влияния, с интересами которого приходится считаться, и диалог должен вестись на равных. Этот нарратив полностью соответствует внешнеполитической линии государства по продвижению концепции «киберсуверенитета» и многополярного мира, а также оспариванию западных ценностей.

Цифровой суверенитет является основой для стратегического партнерства с другими мировыми лидерами, прежде всего с Китаем. Внешнее давление со стороны США только ускоряет создание российско-китайского технологического партнерства. Эта кооперация становится практической реализацией курса на многополярность. Интересно, что в новой «Стратегии национальной безопасности США 2025» предлагается формирование объединения «Ядра пяти» (Core 5) [12], в которое должны войти США, Китай, Россия, Индия и Япония — для решения глобальных вопросов безопасности, что косвенно признает статус России как технологической державы.

Кроме того, Россия позиционирует себя как экспортер «цифрового суверенитета» для дружественных стран и активно использует цифровую дипломатию для продвижения своих интересов в рамках межправительственной организации БРИКС+, предлагая партнерам трансфер технологий и совместные научно-образовательные проекты.

В последнее время, акцент делается на обеспечении доверия и противодействии таким угрозам, как «дипфейки». Цифровые технологии, особенно генеративный искусственный интеллект, создают серьезные угрозы для доверия к официальной информации, существует угроза «истощения доверия» между крупными державами, что требует выработки новых протоколов и, даже создания центра цифрового доверия при Организации Объединенных Наций.

Цифровая инфраструктура и контроль над информационным пространством внутри страны позволяют России вести активную публичную дипломатию, продвигая собственные интерпретации международных событий. Способность блокировать

нежелательные внешние источники и продвигать государственные нарративы через внутренние и дружественные зарубежные платформы является важным компонентом информационного противостояния.

Таким образом, к 2026 году Россия закрепила за собой статус одного из мировых центров цифрового суверенитета, сделав его фундаментальной основой своей национальной стратегии безопасности и публичной дипломатии. Этот статус используется как аргумент силы в диалоге с Западом и как основа для формирования новых технологических союзов в рамках многополярного мира, особенно с Китаем.

При этом, несмотря на видимые успехи России, внутренняя реализация политики цифрового суверенитета сталкивается с рядом структурных и экономических вызовов. Как уже отмечалось, существует критический разрыв в уровне кибербезопасности между отраслями. Уязвимости в таких массовых секторах, как цифровая коммерция, создают «эффект слабого звена» для всей национальной экономики, подрывая утверждения о всеобъемлющем цифровом суверенитете. Разделение внутри отраслей, где небольшая доля компаний хорошо защищена, а значительная часть находится в зоне риска, усугубляет проблему.

Кроме того, достижение цифрового суверенитета требует значительных инвестиций. Однако в 2025 году российская экономика столкнулась с серьезными трудностями — замедление роста ВВП, высокие процентные ставки, подавляющие инвестиции, и стагнация гражданского сектора. Высокая ключевая ставка ЦБ, направленная на борьбу с инфляцией через сжатие спроса, одновременно ограничивает возможности компаний инвестировать в цифровую трансформацию и кибербезопасность. Кроме того, сохраняющаяся, хотя и небольшая, зависимость от иностранных технологий и компонентов остается проблемным вопросом.

Заключение

Как показал проведенный межстрановой анализ, цель США, на современном этапе, состоит в том, чтобы сдержать технологический прогресс своего основного конкурента в индустрии

высоких технологий, особенно с учетом продолжающегося геополитического противостояния между двумя странами. А целью Китая является достижение технологической самодостаточности и получение цифрового суверенитета, особенно в ответ на давление со стороны США и их союзников.

Технологический национализм занимает центральное место в геоэкономической стратегии Китая, при этом приоритетом является внутренняя инновация для обеспечения долгосрочной безопасности и экономического роста.

Китай перешел от потребителя иностранных технологий к экспортеру технологий, особенно в развивающиеся страны. Благодаря таким инициативам, как «Один пояс, один путь», Китай стал одним из лидеров экспортирующих телекоммуникационные сети и цифровые технологии, расширяя свое геоэкономическое влияние в глобальном масштабе.

Что же касается Российской Федерации, то устойчивость позиции цифрового суверенитета в среднесрочной перспективе будет зависеть от способности государства решить ключевые задачи, такие как:

- Преодоление технологической зависимости в условиях экономического давления и санкций.
- Устранение критических дисбалансов в области кибербезопасности между различными секторами экономики.
- Нахождение баланса между жестким контролем информационного пространства и необходимостью технологического развития, которое требует определенной степени открытости и обмена.

Исходя из этого, цифровой суверенитет России в 2026 году будет представлять из себя не окончательно достигнутую цель, а динамичный и противоречивый процесс, успех которого будет определяться не только достижениями в области контроля и безопасности, но и способностью обеспечить инновационное развитие гражданского сектора экономики в сложных макроэкономических условиях.

Список литературы

1. Global Digital Economy Report. — 2025. — <https://www.idc-a.org/insights/qUi9XgvyrzSkyDUy9Tqr>
2. Gartner Forecasts Worldwide IT. — <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2025-07-15-gartner-forecasts-worldwide-it-spending-to-grow-7-point-9-percent-in-2025>
3. Шумилов М.М. Торговая война США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений // Управленческое консультирование. — 2022. — № 4. — С. 23-27.
4. Judge L. A Synopsis of the Global Tech War with China. — <https://www.z2data.com/insights/a-synopsis-of-the-global-tech-war-with-china>
5. Geoeconomics of US-China tech rivalry and industrial policy. — : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667111524000227>
6. USTechnology Policy amid Rivalry with China. — <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/us-technology-policy-amid-rivalry-with-china/>
7. USTechnology Policy amid Rivalry with China. — <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/us-technology-policy-amid-rivalry-with-china/>
8. БИСИ: Китайские стандарты 2035. — <https://greatgameasia.bisr.by/kitajskie-standarty-2035/>
9. Россия вошла в тройку стран с цифровым суверенитетом, заявил Путин. — <https://ria.ru/20251219/rossiya-2063311024.html>
10. <http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201905010025>
11. Президент подписал закон об ответственности за распространение фейков о действиях ВС РФ. — <http://duma.gov.ru/news/53632/>
12. National Security Strategy of the United States of America. November 2025 // The White House. — <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf>

В.О. Семенов

директор Библиотеки искусств им. А.П. Боголюбова,
президент Русского ПЕН-Центра

**РУССКИЙ ПЕН-ЦЕНТР:
ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ СИНЕРГИИ
ПУБЛИЧНОЙ И НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ**

V.O. Semenov

Director of the Bogolyubov Library of Arts,
President of the Russian PEN Center

**RUSSIAN PEN CENTER:
A LITERARY PLATFORM FOR THE SYNERGY
OF PUBLIC AND PUBLIC DIPLOMACY**

Аннотация. В статье рассматривается роль Русского ПЕН-центра как ключевого звена между официальной (публичной) и народной дипломатией в контексте глобализации. Анализируется деятельность организации по продвижению русской литературы и культуры за рубежом: литературные фестивали, переводы произведений, обмен опытом между писателями, стажировки, участие в международных книжных выставках и форумах. Особое внимание уделено функциям Русского ПЕН-центра в рамках «мягкой силы» — формированию международного диалога о правах человека через литературу. Рассмотрены проекты для русскоязычной диаспоры, работа с молодыми авторами и использование цифровых платформ для популяризации чтения. Автор рассматривает ключевые вызовы (геополитическая напряжённость, языковые барьеры, конкуренция с другими культурными форматами) и предлагает пути усиления литературной дипломатии — развитие партнёрства между государственными структурами и ПЕН-центром, увеличение финансирования переводов, внедрение инновационных форматов взаимодействия (подкасты, виртуальные литературные вечера). Статья демонстрирует, как литературные инициативы становятся инструментом укрепления международных связей и формирования многогранного образа России на мировой арене.

Ключевые слова: литературная дипломатия; Русский ПЕН-центр; мягкая сила; межкультурный диалог; переводы литературы; международные литературные фору-

мы; русскоязычная диаспора; культурные проекты; популяризация чтения; публичная и народная дипломатия.

Abstract. This article examines the role of the Russian PEN Centre as a key link between official (public) and people's diplomacy in the context of globalisation. The paper analyses the organisation's activities to promote Russian literature and culture abroad, including literary festivals, translation of works, exchange of experience among writers, internships, participation in international book fairs and forums. Particular attention is paid to the functions of the Russian PEN Centre within the framework of «soft power»: fostering international dialogue on human rights through literature. The article reviews projects for the Russian-speaking diaspora, work with young authors, and the use of digital platforms to promote reading. The author addresses key challenges (geopolitical tensions, language barriers, competition with other cultural formats) and proposes ways to strengthen literary diplomacy: developing partnerships between government bodies and the PEN Centre, increasing funding for translations, and introducing innovative interaction formats (podcasts, virtual literary evenings). The article demonstrates how literary initiatives become tools for strengthening international relations and shaping a multifaceted image of Russia on the global stage.

Key words: literary diplomacy; Russian PEN Centre; soft power; intercultural dialogue; literature translation; international literary forums; Russian-speaking diaspora; cultural projects; promotion of reading; public and people's diplomacy.

В эпоху глобализации литература становится ключевым инструментом «мягкой силы», позволяющим выстраивать межкультурный диалог на уровне ценностей и человеческого опыта.

Русский ПЕН-центр, объединяющий авторитетных отечественных писателей разных поколений, является связующим звеном между официальной (публичной) и народной дипломатией. Его деятельность способствует формированию позитивного международного имиджа России, укреплению межкультурного взаимопонимания и преодолению стереотипов, повышению авторитета современного писательского сообщества в глазах сегодняшних читателей. Миссия Русского ПЕН-центра заключается и в продвижении русской литературы и культуры за рубежом.

Ключевые проекты ПЕН-Центра включают литературные фестивали и форумы с участием зарубежных писателей (например, Дни русской культуры в Абхазии, организованные Русским ПЕН-Центром в сентябре 2024 г. в Сухуми и Гаграх), переводы

произведений русских авторов на иностранные языки и зарубежных авторов — на русский (выпуск Абхазской, Польской, Непальской, Шриланкийской литературных антологий в журнале «Литературные знакомства» в разные годы с проведением презентаций в Москве и в Российских центрах науки и культуры за рубежом), обмен писателями, литературные стажировки, участие в проектах по продвижению русского языка и литературы (международные книжные выставки, литературные вечера, переводы русских писателей на национальные языки). Эти инициативы формируют многогранный образ России, демонстрируют богатство её литературных традиций и способствуют укреплению международных связей.

Деятельность Русского ПЕН-центра дополняет официальную дипломатию следующими способами: защита свободы слова и прав писателей — способствует формированию образа России как страны, уважающей международные литературные и гуманитарные стандарты, творческий обмен с зарубежными коллегами — организует переводы, публикации, укрепляя «мягкую силу» России; правозащитная функция — обращения в защиту писателей формируют международный диалог о правах человека в контексте культуры; платформа для диалога — объединяет литераторов, журналистов, деятелей культуры, создавая неформальные каналы коммуникации с зарубежными партнёрами, участие в международных литературных форумах — представление российской литературы на глобальном уровне, демонстрация её многообразия и актуальности.

Русский ПЕН-центр успешно сотрудничает с МИД России и Россотрудничеством МИД России: поддержка участия российских писателей в международных литературных форумах совместные проекты с Фондом им. А.С. Грибоедова (культурные инициативы в Болгарии, Польше, Черногории, Непале — до 2020 г., в Шри-Ланке — в 2026 г.).

Члены Русского ПЕН-Центра давно и плодотворно работают с Россотрудничеством: с Российскими центрами науки и культуры в Варшаве, Берлине, Софии, Катманду, Русским домом в Коломбо и в Белграде, участвуя в проектах по продвижению русского языка

и литературы; организуя совместные культурные мероприятия в рамках «Дней российской культуры».

Независимые литературные инициативы играют ключевую роль в народной дипломатии: книги как мосты между культурами (у Русского Пена большая издательская программа, им создано много фильмов о современных писателях, организовано немало фотовыставок, позволяющих современным читателям узнавать в лицо сегодняшних писателей), литературные резиденции и стажировки (программы приёма зарубежных писателей в России и российских авторов за границей), фестивали и конкурсы (независимые литературные фестивали в странах СНГ, международная премия им. Фазиля Искандера, молодёжные литературные конкурсы — молодых критиков, конкурс «Восхождение»), гражданская инициатива и волонтерство (добровольческие проекты по сбору и отправке книг в библиотеки зарубежных стран, организация книжных выставок и лекций о русской литературе в диаспорах).

Инструменты литературной дипломатии Русского ПЕН-центра — организация международных литературных чтений и конкурсов (литературные фестивали, конкурсные программы для молодых авторов), поддержка переводов русской литературы на иностранные языки (финансирование и координация переводов программы обмена переводами с национальными ПЕН-центрами, содействие публикации зарубежных авторов на русском языке), создание онлайн-платформ для диалога писателей и читателей (вебинары и онлайн-чтения литературные блоги и подкасты социальные сети и специализированные форумы цифровые библиотеки и базы данных), издательская деятельность и распространение литературы (выпуск сборников произведений с параллельными переводами, издание антологий современной русской литературы, публикация переводов в зарубежных изданиях распространение литературы в диаспорах и зарубежных культурных центрах).

Русский ПЕН-центр реализует ряд дипломатических функций через участие в книжных ярмарках (Московская международная книжная ярмарка, Книжная ярмарка на Красной площади, Ярмарка литературы нон-фикшн), организацию встреч с зарубежными авторами (литературные вечера, мастер-классы),

сотрудничество с ПЕН-центрами других стран (обмен опытом совместные публикации, литературные семинары и симпозиумы), продвижение русской литературы за рубежом (премии и конкурсы, публикации в зарубежных СМИ, распространение книг в библиотеках и университетах разных стран).

Проекты Русского ПЕН-центра способствуют разрушению стереотипов о России благодаря публикации произведений, отражающих многообразие российской жизни, демонстрации диалога культур через совместные проекты с зарубежными авторами; поддержке прав человека через литературу (публикации и обсуждения произведений на острые социальные темы), популяризации русского языка через литературные конкурсы для иностранцев, мастер-классы по русской поэзии, онлайн-курсы по чтению классической литературы.

Русская литература (классика и современность) играет ключевую роль в формировании международного имиджа России.

Классика (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Н.В. Гоголь) демонстрирует многогранность российской культуры и глубину национального характера.

Современные авторы способствуют продвижению русской культуры за рубежом через переводы на иностранные языки, участие в международных книжных ярмарках, киноадаптации литературных произведений, сотрудничество с зарубежными издательствами.

Литературные образы и цитаты используются в публичной дипломатии и СМИ для усиления аргументации формирования патриотического имиджа создания эмоционально окрашенных нарративов.

Русский ПЕН-центр реализует проекты для русскоязычной диаспоры (литературные клубы, конкурсы, эссе) и работает с молодыми авторами и переводчиками.

Цифровые платформы (социальные сети онлайн-библиотеки) используются для привлечения молодёжи к чтению и обсуждению литературы.

Среди ключевых вызовов — сложности с продвижением русской литературы в условиях геополитической напряжённости, языковые барьеры и адаптация произведений для зарубежной

аудитории, конкуренция с другими культурными платформами и форматами (кино, музыка).

Для усиления эффекта от литературной дипломатии необходимо развивать партнёрство между Министерством культуры, Россотрудничеством и Русским ПЕН-центром, увеличивать финансирование переводов и издания зарубежной литературы в России, активнее использовать потенциал молодых писателей и литературных блогеров для продвижения русской культуры за рубежом, внедрять инновационные форматы взаимодействия (онлайн-чтения, виртуальные литературные вечера, подкасты), расширять международное сотрудничество, интегрировать литературные проекты в образовательные программы, развивать цифровые проекты, укреплять партнёрство с международными литературными организациями.

Русский ПЕН-центр успешно выполняет роль «моста» между публичной и народной дипломатией, дополняя официальные культурные инициативы неформальными, но эффективными гуманитарными проектами.

Литературные мероприятия становятся важным инструментом «мягкой силы», укрепляющим международные связи на уровне культурных ценностей. Сотрудничество с зарубежными ПЕН-центрами и международными литературными организациями позволяет России участвовать в глобальном диалоге о свободе слова, правах писателей и сохранении культурного наследия.

Синергия публичной и народной дипломатии в литературной сфере — ключ к формированию многогранного привлекательного образа России на мировой арене

Список литературы

1. Устав Российского отделения Международного ПЕН-клуба «Русский ПЕН-центр». — <https://penrus.ru/ustav-pen-centra/>
2. Хартия Международного ПЕН-клуба. — <https://penrus.ru/ustav-pen-centra/>
3. Постановления Правительства и Совета Министров СССР, регламентирующие деятельность ПЕН-клуба в России (в т.ч. Постановление № 218 от 25.02.1990 г.)

4. Библиотека ПЕН-центра. — <https://penrus.ru/category/biblioteka/>
5. Детско-юношеский журнал «Серебряные сверчки». — <https://sverchki.org/>
6. Информация о культурных проектах за рубежом // Россотрудничество. — <https://rs.gov.ru/>
7. Литературные антологии (выпуски с Абхазской, Польской, Непальской, Шриланкийской литературными антологиями) // Литературные знакомства. — <https://litznak.org/>
8. Международная молодежная премия «Восхождение». — <https://penrus.ru/category/mezhdunarodnaya-molodyozhnaya-premiya-voskhozhdenie/>
9. Международная премия им. Фазиля Искандера. — <https://penrus.ru/category/premiya-fazil-iskander/>
10. *Най Дж.* Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером. — М.: Родина, 2023.
11. Официальные публикации на сайте Русского ПЕН-центра. — <https://penrus.ru/>
12. Русские дома за рубежом. — <https://rs.gov.ru/kontakty/predstavitelstva-za-rubezhom/>

А.Г. Сулейманян

кандидат психологических наук, доцент Кафедры психологии
Университета мировых цивилизаций
andranikgr@mail.ru

РОССИЯ И СТРАТЕГИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ИЛИ КАК СТАТЬ «КУЛЬТУРНЫМ ГЕРОЕМ»?

A.G. Suleimanian

PhD in Psychological Sciences, Associate Professor of Department of Psychology of the
University of World Civilizations
andranikgr@mail.ru

RUSSIA AND “SOFT POWER” STRATEGY OR HOW TO BECOME A “CULTURAL HERO”?

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы стратегии публичной дипломатии России в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Обосновывается необходимость целостной стратегии, в центре которой концепция «культурного героя».

Ключевые слова: публичная дипломатия, «культурный герой», «мягкая сила» России, диалог цивилизаций, цивилизационная идентичность.

Abstract: The article discusses the basic principles of the strategy of “soft power” of Russia in the countries of Asia, Africa and Latin America. The necessity of a holistic strategy, centered on the concept of a “cultural hero”, is substantiated.

Key words: public diplomacy, “cultural hero”, Russia’s “soft power”, dialogue of civilizations, civilizational identity.

В новой концепции внешней политики России заявляется: «В целях усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве, формирования ее *позитивного восприятия за рубежом* (курсив наш — А.С.)... Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание... развитию механизмов общественной дипломатии» [3]. Современное экспертное, дипломатическое и научное сообщество считает общественную или публичную ди-

пломатию одним из средств или инструментов «мягкой силы». Мы полагаем, что термин «мягкая сила», исходя из цивилизационных особенностей российской цивилизации, следует заменить по следующим причинам. Во-первых, термин «мягкая сила» «режет слух»: это так же нелепо, как например, «жидкий огонь». Во-вторых, мы в данном случае слепо копируем термин цивилизационного противника, а говоря на его языке, мы невольно перенимаем и картину мира соперника. Копируя и подражая, нельзя стать лидером. Правящий класс Вашингтона в международных отношениях и в диалоге цивилизаций опирается на концепцию мягкой силы Дж. Ная: «Деятельность государственных структур, направленных на создание собственного положительного образа, является, по сути «мягкой силой» государства, которая в отличие от жесткой силы, основывается на привлекательности культуры, ценностей, политических и социальных программ» [7, с. 46].

Как создать положительный образ России? Для этого надо ответить на вопрос в чём наша самобытность и уникальность и как она проявлялась на «сцене» всемирной истории? А на практике продолжить идеи генерала И.И. Агаянца, руководившего во внешней разведке специальным отделом «Д», деятельность которого заключалась в реализации и разработке активных мероприятий. При нём начался новый этап разработки «акций влияния», которые были комплексными и отличались *упреждающим, наступательным и долгосрочным* (курсив наш — А.С.) характером [5].

Для разработки такой стратегии необходимо выделить базовые принципы российского культурно-исторического типа и практические шаги для их реализации [2]. Без правильного ответа на этот вопрос всякая широкомасштабная деятельность бессмысленна, и страна не может претендовать на мировое лидерство: в частности кризис идентичности во время правления Брежнева не только привел к значительному замедлению развития советского общества во всех сферах жизни, но и создал почву для расчленения СССР. Во-вторых, куда мы идем? Должны ли мы стать частью западной цивилизации, как полагает либеральная часть нашего общества; стать мостом между Западом и Востоком, как предлагают идеологи евразийского движения, или признать Россию цивилизацией — уникальной и самостоятельной и имеющей

всемирно-историческое значение и предназначение, развитие которой имеет внутреннюю логику, определяемую собственными характеристиками. Мы разделяем третью позицию, но понимаем, что для реализации данной стратегии необходим поиск конкретных форм реализации во всех сферах жизни — в экономике, политической организации, идеологии, искусстве, науке и в целом в культуре. Россия переживает, начиная со времен «перестройки», кризис идентичности, и в этих условиях разработка целостной и последовательной стратегии «просвещённого активизма»¹ или «мягкой силы» значительно затрудняется. Поэтому наши дальнейшие предложения могут быть реализованы только в условиях заново обретенной цивилизационной идентичности.

Мы полагаем, что миссия России и, следовательно, её образ в публичной дипломатии — быть «культурным героем» [4, с. 25–27]. Понятие заимствовано нами из этнографии, но трактуется расширительно. Мы предлагаем в ипостаси «культурного героя» рассматривать три лица — Рыцаря (справедливого воина и защитника²), Учителя (Просветителя и проводника в современный мир, в котором попорчены все законы международного права³) и Строителя (дорог, учебных заведений, атомных электростанций и т.п.). При этом необходимо принимать во внимание, что вопрос осложняется, как мы указывали выше, продолжающимся с «перестройки» кризисом идентичности, что выражается, в частности, в антисоветском крене. А это значительно затрудняет практику публичной дипломатии, особенно в странах Глобального юга, в которых авторитет СССР до сих пор велик. И антисоветские заявления можно уподобить «голу в свои ворота».

Эту миссию, конечно, с определенными недостатками осуществлял СССР, и необходимо сохранить преемственность. Важно, что в перечисленных регионах от России ждут именно этого: мы утверждаем это, основываясь на опыте путешествий по Латинской

¹ Термин предложен Р.Ю. Жигон — руководителем Научного центра международных исследований Университета мировых цивилизаций

² Британскую Империю и США по контрасту показывать исключительно как сильных воинов, но завоевателей и грабителей.

³ Эту миссию особенно важно подчёркивать в странах Латинской Америки, Африки и Азии, за исключением Индии, Китая и отчасти Японии.

Америке, Ближнему Востоку и Центральной Азии¹. Необходимо учитывать, что штампы либеральной пропаганды об СССР как «душители свободы», «всеобщем ГУЛАГЕ», «тоталитарном государстве» и т.д. и т.п. в перечисленных регионах имеют ничтожное влияние на сознание общества, за исключением некоторых высших государственных лиц, компрадорской буржуазии и либеральной интеллигенции.

Чего хотят народы? — Вхождения в современный мир на равных с «золотым миллиардом», сохранения идентичности, возможности жить у себя дома, а не скитаться по свету. Миссия «культурного героя» позволяет решить все эти задачи и обеспечить не только взаимовыгодное и плодотворное сотрудничество, но и получить союзников в борьбе за мировое лидерство. России, если она преодолееет кризис идентичности, ей вполне по силам стать «капитаном» футбольной команды, в которой все народы мира смогут творчески развить свой потенциал на пути к главной цели — процветанию и творческому развитию личности.

Если не будет осуществляться указанная стратегия, то мы будем вынуждены идти по пути Вашингтона и Лондона и вытеснять их капитал, как это уже происходит в ЦАР и в некоторых других странах Африки, не имея никакой собственной идеи. Наше присутствие будет ограничено бизнесом, который, говоря математическим языком, «необходим, но не достаточен». Его сила ограничена особенно в том, что касается влияния на умы. Существенно, что идеолог американского гегемонизма З. Бжезинский, признает культурную экспансию важнейшим средством реализации стратегии мирового лидерства [1].

В заключение несколько практических рекомендаций для реализации стратегии «культурного героя»: образ любой страны в мире — это ее люди. Подчеркнем еще раз, что Россия должна

¹ В 2006 г. В Пакистане в высокогорной области Хунза я беседовал с местными мужчинами. Разговор коснулся и политических вопросов. Один владелец лавки по продаже сувениров и предметов народного творчества сказал мне, чем СССР отличается от США. «СССР строил нам индустрию, а США даст мне доллар займы, чтобы потом отобрать за долги мой маленький магазин».

ассоциироваться в сознании народов мира с рыцарем, учителем и строителем.

1. Россия — великодушный защитник. Особенно контрастно это должно выглядеть при противопоставлении Вашингтону как вероломному союзнику (пример с Хуссейном), грабителю (пример с Каддафи) и разбойнику (примеры сегодняшнего дня — Венесуэла, Куба и Иран).
2. Россия — учитель. Полезно обратиться к советскому опыту и восстановить преемственность. По нашим наблюдениям почти все иностранцы, особенно из Латинской Америки, Азии и Африки, учившиеся в СССР, сохранили самые лучшие воспоминания, и хотели бы возобновления прочных связей. Взаимовыгодно и развитие познавательного туризма как действенного средства публичной дипломатии
3. Россия — строитель дорог, соединяющих не только труднодоступные области стран Центральной Азии (как это успешно осуществлялось, например, в Афганистане), но и открывающих «двери» к далеким морям. Важно и участие России в развитии богатого энергетического потенциала стран региона.

Для реализации данной стратегии существенно и создание цикла документальных и художественных фильмов о выдающихся русских путешественниках по странам Латинской Америки, Азии и Африки.

Список литературы

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и ее геостратегические императивы). — М.: Международные отношения, 1998.
2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. — М.: Терра, 2008.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) / Министерство иностранных дел Российской Федерации.
4. Культурный герой / Мифы народов мира в 2-х т. Т. 1. — М.: Энциклопедия, 1990.

5. Разведчик от Бога // Военное обозрение. — <https://topwar.ru/119824-razvedchik-ot-boga.html>
6. *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств. — М.: Кучково Поле, 2013. — 400 с.
7. *Nye J.* The Power of Persuasion: Dual Components of US leadership. — 2003.

К.М. Табаринцева-Романова

кандидат филологических наук,
доцент Кафедры теории и истории международных отношений,
УрФУ, Екатеринбург

**ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ СИЛА
КАК «ЗОНТИЧНАЯ» СИСТЕМА «МЯГКОЙ» СИЛЫ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ
И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ В ПРАКТИКЕ
ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ**

K.M. Tabarintseva-Romanova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory
and History of International Relations, UrFU, Yekaterinburg

**TRANSFORMATIONAL FORCE AS AN “UMBRELLA” SYSTEM
OF “SOFT” POWER: LINGUISTIC, EMOTIONAL
AND AESTHETIC TURNS IN THE PRACTICE OF PUBLIC DIPLOMACY**

Аннотация. В статье рассматривается трансформация концепта «мягкая сила» в условиях «новой нормальности», эпох постмодерна и постправды. Актуальность исследования обусловлена фрагментарностью изучения феномена, который, не укладываясь в рамки одной теоретической парадигмы, порождает множество новых, частично дублирующих друг друга видов «мягкой силы». Методологическую базу составляет синтез «культурного», лингвистического, эмоционального и эстетического поворотов в международных отношениях. В результате анализа выявлено, что «мягкая сила» сегодня функционирует как целостная система. Предложено использование наработок указанных поворотов в практиках публичной дипломатии, что позволяет перейти от трансляции фактов к созданию иммерсивных нарративов и эмоционально-эстетической реальности для формирования внешнеполитического имиджа у зарубежной аудитории.

Ключевые слова: «мягкая сила», публичная дипломатия, лингвистический поворот, эмоциональный поворот, эстетический поворот, трансформационная сила.

Abstract. This article examines the transformation of the “soft power” concept within the context of the “new normal” and the eras of postmodernism and post-truth. The relevance of this study is determined by the fragmented nature of existing research on the phenomenon, which, not fitting within a single theoretical paradigm, generates numerous new, partially overlapping types of “soft power.” The methodological framework comprises a synthesis of the “cultural,” linguistic, emotional, and aesthetic turns in international relations. The analysis reveals that “soft power” today functions as a holistic system. The study proposes the application of insights from these turns to the practices of public diplomacy, facilitating a shift from the transmission of facts to the creation of immersive narratives and an emotional-aesthetic reality for shaping foreign policy image among international audiences.

Key words: soft power, public diplomacy, linguistic turn, emotional turn, aesthetic turn, transformative power.

Оценка современной ситуации как «новой нормальности», эпохи постмодерна и постправды приводит к переосмыслению понятия «мягкая сила». Трансформация термина определена как внешними факторами — происходящие геополитические изменения, развитие и внедрение ИКТ и ИИ во внешнеполитическую деятельность государств, международных организаций, НКО и НПО; так и внутренними — снижение «научной и политической привлекательности» данной проблематики, а также попытка отнести данную научную категорию только к политической пропаганде и сделать ее «академическим изгоем», появление новых видов «мягкой силы», которые приводят к излишнему дроблению сущностей, поскольку не представляют новых явлений, а просто демонстрируют различные аспекты одного и того же термин-поля. Последний включает в себя не только классическую привлекательность по Дж. Наю, но и такие предметные поля, как фальсификация истории, когнитивные и информационные войны, новая дипломатическая история, «культура отмены», культурная безопасность. Однако вышеперечисленные аспекты изучаются достаточно разрозненно друг от друга. В связи с этим предлагается ввести «зонтичную» концепцию трансформационной силы, которая бы включала все виды и ответвления «мягкой силы».

Базовая методологическая особенность и сложность изучения «мягкой силы» связана с тем, что ее невозможно изучать в

рамках одной теоретической парадигмы. В этом смысле данное понятие является своего рода межпарадигмальной универсалией, которая может быть синтезирована, опираясь на такие теории международных отношений, как либерализм (неолиберальный институционализм), рассматривающий «мягкую силу» как критически важный ресурс мировой политики, опирающийся на привлекательность ценностей, культуры и политики, а не на принуждение; конструктивизм, интерпретирующий «мягкую силу» как некий продукт разделяемых норм, ценностей и смыслов сквозь призму идей, идентичностей, социальных конструкций, притягательность возникает из восприятия легитимности и нормативной привлекательности; неореализм, признающий данную концепцию вторичной по отношению к военной и экономической мощи и трактующий ее как инструмент достижения национальных интересов; постструктурализм и марксизм, анализирующие «мягкую» силу как один из инструментов гегемонии и культурного доминирования. В рамках постмодернистского подхода происходит деконструкция бинарной оппозиции «жесткая — мягкая сила», а именно «мягкость» рассматривается как логичное продолжение «жесткой силы» и ее маскировка через производство «привлекательных истин» и желаний. Фокус смещается с изучения природы «мягкой силы» на то, как, кем и с какой целью это понятие конструируется и используется в дискурсе, например, через нарративы о ценностях, правах человека, культурой исключительности выстраивается иерархия между «цивилизационным/привлекательным» и «отсталым/непривлекательным». Таким образом, изучается, как «мягкая сила» производится через кино, новости, соцсети, образовательные программы, которые создают мифологизированные образы стран и народов. Эти репрезентации (часто стереотипные) становятся реальностью, по которой другие оценивают себя и других, формируя подчинение через самоидентификацию с «идеалом».

Современные научные и академические труды демонстрируют отсутствие в методологии исследования четкого парадигмального разделения по основным теориям международных отношений, что может свидетельствовать о невозможности изучать «мягкую силу» в рамках одной теории. Она должна изучаться на стыке

нескольких парадигм, при умелом сочетании «классических» и постмодернистских методов анализа. Такая методологическая «пестрота» обуславливает и порождение новых видов «сил» как в теории, так и в практике. Так, основатель Дж. Най, представитель неолиберальной школы вводит понятие «острой» силы, в арсенале которой присутствуют дискурсивные практики, изучаемые в рамках постмодерна. В итоге «мягкая сила» трансформируется в целостную систему, способную одновременно функционировать как ресурс, инструмент и стратегическая коммуникация.

На основе сплошной выборки различных научных и академических материалов, нами были выделены виды «мягкой силы», которые можно сгруппировать по категориям: акторы (государственная / негосударственная); сфера воздействия (многосторонняя / научная / культурная / идеологическая / нормативная — перекликается с современными видами дипломатии); по целям («острая» / реактивная / «умная»); по географическому/ цивилизационному признаку («мягкая сила» ЕС, китайская «мягкая сила» и пр.). Такая классификация видов сил предполагает широкий инструментарий ее использования, постоянными «мягкосиловыми» ресурсными константами при этом будут оставаться культура, ценности, привлекательность и притягательность. В частности, для предотвращения и/или урегулирования конфликтов используются следующие группы инструментов, направленные на: работу с общественным восприятием (межкультурный диалог, народная дипломатия); взаимодействие с системами (экспертно-техническая помощь в построении институтов); нормотворчество (продвижение международных норм); на работу с идентичностью (защита культурного наследия, поддержка культурного разнообразия).

Принимая теоретико-методологический синтез и «культурный поворот» в международных отношениях, при изучении и реализации трансформационной силы как «зонтичной» системы «мягкой силы», а также в практиках публичной дипломатии предлагается использовать наработки лингвистического, эмоционального и эстетического поворотов.

Суть лингвистического поворота заключается в том, что язык не просто нейтрально описывает международную реальность, а

активно ее конструирует; международная политика интерпретируется как совокупность дискурсивных практик, так, например, понятия «государство», «безопасность», «суверенитет» не существуют в природе объективно, а являются дискурсивными конструктами, значение которых определяется через язык. Д. Кэмпбелл показывает, что идентичность государства (например, «цивилизованный Запад») конструируется не изнутри, а через противопоставление внешнему «Другому», который определяется как угроза, хаос, варварство. Особое место занимает изучение того, как государства создают связные истории (нарративы) о себе и мире для обоснования своей политики. Например, метанарратив «западного мира» базируется на мифе об общей исторической судьбе, ценностях и цивилизационной идентичности и включает в себя такие элементы как историческое происхождение, непрерывный линейный прогресс, универсальные ценности (рационализм, индивидуализм, свобода, права человека, равенство, демократия, светскость, верховенство права; «бремя белого человека» в новой форме — миссия по распространению этих ценностей — через колонизацию, модернизацию, вмешательство во имя прав человека или «экспорт демократии» (Э. Сайд); геополитическое единство. Ключевыми функциями нарратива становятся легитимация гегемонии и интервенции; конструирование «другого» для внутренней консолидации; маскировка внутренних противоречий и исторической ответственности.

Эмоциональный поворот в международных отношениях — это теоретическое и методологическое направление, возникшее в начале XXI в. Ключевые идеи базируются на анализе эмоций, чувств и аффектов в мировой политике. Так, например, эмоции интерпретируются как социальная и политическая сила, конструирующая идентичность, национальные интересы и саму реальность. Предполагается, что эмоциями можно манипулировать, например, их можно «мобилизовать» для легитимации национализма, ксенофобии, или наоборот — для движения за мир. Существует тезис о том, что сами стратегические решения принимаются в контексте коллективных эмоций (страх, гнев, надежда и др.). Исследовательский интерес направлен на роль аффекта — как додискурсивного, телесного невербального

переживания (атмосфера на митинге, коллективная паника). Иллюстрацией может служить трампизм и политика обиды (ностальгия и потеря статуса «великой Америки»). Реакция США на события 11 сентября определялась не только стратегическим расчётом, но и глубокими коллективными эмоциями — шок, страх, гнев, жажда возмездия. Это создало общественную и политическую поддержку для вторжения в Афганистан и Ирак, а также для ограничения гражданских свобод внутри страны (Патриотический акт), что в более холодном, рациональном состоянии могло бы встретить большее сопротивление. Реакция Западной Европы на миграционный кризис 2015 г. колебалась между состраданием к фотографии утонувшего мальчика А. Курди (эмоция, толкающая к открытию границ) и страхом перед культурными изменениями и терроризмом (эмоция, толкающая к закрытию). Политика определялась борьбой этих эмоциональных режимов.

Эстетический поворот исследует, как восприятие, чувственные опыты, образы и художественные формы (эстетическое) конструируют политическую реальность мирового порядка. Он выходит за рамки текстовой и дискурсивной аналитики, обращаясь к визуальному, звуковому, телесному и пространственному измерению политики. Исходя из данного подхода, власть осуществляется не только через речь и договоры, но и архитектуру посольств, дизайн плакатов, мелодию национальных гимнов, кинематографические образы врага/друга и пр. Эстетический опыт предшествует политическому — картинка, звук, чувство формируют наше суждение о событии еще до его рационального осмысления. Например, дизайн лагерей для беженцев (например, Мориа): их планировка (колючая проволока, однотипные палатки, отсутствие приватности) создаёт эстетику временности, исключения и контроля. Стена на границе США и Мексики как эстетико-политический символ — материальность (высота, цвет, фактура) и визуальное воздействие создают ощущение крепости «Америка», физически воплощают политику изоляционизма и ксенофобии. К-пор (Korean pop) — эстетика (безупречный перформанс, яркие образы, запоминающаяся хореография) создаёт притягательный, современный и миролюбивый образ Южной

Кореи, напрямую воздействуя на чувства глобальной молодёжи, минуя официальную дипломатию.

Гипотетический синтез этих «поворотов» позволяет наметить основные рекомендации по реализации публичной дипломатии как инструмента трансформационной силы. Во-первых, создание/конструирование эмоциональной и эстетической «реальности» — цель не донести факты, а предложить/создать незабываемый чувственный и эмоциональный опыт, формирующий глубокую ассоциативную связь со страной (иммерсивный нарратив), как пример использование VR для «посещения» культурных объектов. Во-вторых, использование инклюзивных нарративов, которые не навязывают, а вовлекают (язык смыслов и идентичностей). В-третьих, создание физических и цифровых пространств с эстетикой открытости и нейтральности (используя цвет, звук, аромат) — «дизайн пространств диалога». В-четвертых, совместное создание смыслов — использование культурных активов для совместного творческого осмысления (по аналогии конкурса ремиксов в Нидерландах). С точки зрения эмоционального, эстетического и лингвистического поворотов публичная дипломатия может быть транслятором смысловой экосистемы, основанной на эмоциональном резонансе, эстетических переживаниях, совместном с зарубежной аудиторией создании нарративов.

Список литературы

1. *Caud Э.В.* Культура и империализм. — СПб.: Владимир Даль. 2012. — 733 с.
2. *Bleiker R., Hutchinson E.* Fear No More: Emotions and World Politics // *Review of International Studies*. . — 2008. — https://www.researchgate.net/publication/43517250_Fear_No_More_Emotions_and_World_Politics
3. *Callahan W.A.* Sensible Politics: Visualizing International Relations. — 2020. — https://www.researchgate.net/publication/383936580_Sensible_Politics_Visualizing_International_Relations
4. *Campbell D.* Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. — 1998. — <https://archive.org/details/writingsecurity0000camp>

5. *Crawford N.C.* The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // *International Security*. — 2000. — N 4. — P. 116–156.
6. *Kearn D.W.* The Hard Truth about Soft Power // *Journal of Political Power*. — 2011. — <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/2158379X.2011.556869?scroll=top&needAccess=true>
7. *Mattern J.B.* Why ‘Soft Power’ Isn’t So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium: Journal of International Studies*. — 2005. — Vol. 33. — P. 586.
8. *Nye J.S.* Soft Power: The Means to Success in World Politics // *Public Affairs*. — 2004. — <https://archive.org/details/softpowermeansto00nyej>
9. *Nye J.S.* The Future of Power // *Public Affairs*. — 2011. — https://archive.org/details/futureofpower0000nyej_p0j0

В.С. Шевцов

директор ОО «Белорусский зеленый крест»,
директор программы «Value Change» Международного зеленого креста, г. Минск
shevtsov@greencross.by

НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И НАРОДНАЯ НАУКА. О НАШЕМ (БЕЛОРУССКОМ) ОПЫТЕ

V.S. Shevtsov

Director of the NGO “Belarusian Green Cross”, Director of the “Value Change”
program International Green Cross, Minsk
shevtsov@greencross.by

PUBLIC DIPLOMACY AND PUBLIC SCIENCE. ABOUT OUR (BELARUSIAN) EXPERIENCE

Аннотация. Эта статья о много лет действующих «народной дипломатии» и «народной науке», которые проводит общественная организация «Белорусский зеленый крест» (БЗК) на постсоветском и европейском пространстве. Представлены цели международного вектора в стратегии БЗК, приведены примеры международных проектов и инициатив в русле «народной дипломатии» и «народной науки», которые инициировал БЗК или в которых принимал участие.

Ключевые слова: народная дипломатия, наука, международное сотрудничество, партнерство, добрососедство, обмен опытом, стратегия, зеленый крест, творчество, постсоветское пространство, общественная организация, Чернобыль, Евросоюз, солидарность, дети, молодежь, культура.

Abstract. This article is about the many years of active “people’s diplomacy” and “people’s science” conducted by the public organization “Belarusian Green Cross” (BGC) in the post-Soviet and European space. The objectives of the international vector in the BGC strategy are presented, and examples of international projects and initiatives in the field of “people’s diplomacy” and “people’s science” that BGC initiated or participated in are given.

Key words: public diplomacy, science, international cooperation, partnership, good neighborliness, exchange of experience, strategy, green cross, creativity, post-Soviet space, public organization, Chernobyl, European Union, solidarity, children, youth, culture.

Невозможно решить бесконечно разрастающийся список экологических проблем законодательными мерами. Для этого надо объединить усилия всех сторон, важнейшим фактором является участие самих людей, жителей городов и деревень, переживающих за то, что происходит у них и вокруг. Однако и сложность задачи не по плечу обычному человеку. Нужны знания, понимание реальных процессов, происходящих в живой природе, выведенной из равновесия безудержным потребительством, жадной наживы и поиском легких экономических путей самыми разными игроками. В этом и скрыты мотивы нашей «народной дипломатии» и «народной науки».

Начну с того, что ядро нашей общественной организации «Белорусский зеленый крест» — яркие люди, рожденные в СССР. И не просто рожденные, а выросшие в той системе, выучившиеся в школах и университетах и поработавшие в самых разных учреждениях науки, образования, здравоохранения и культуры и ставшие ведущими специалистами в своих отраслях. Помнящие, что такое живое многонациональное общество, и еще много чего полезного из той жизни.

Как инициатива наша организация родилась внутри общественной группы «Врачи — детям», работавшей в Чернобыльской зоне в далеком 1989 г. Начав тесное сотрудничество с Международным зеленым крестом в 1995, в 1999 наша организация вступила в него. И сразу наш горизонт расширился до более 30 стран с самым разным менталитетом, но умением найти общий язык и делать общие полезные дела. Оставаясь жителями этой Земли и продолжателями ее истории, мы сформулировали свою миссию так:

- Создать общее поле сотрудничества для бывших советских республик, наладить связи между учреждениями и специалистами наших стран;
- Сохранить то лучшее, что было в СССР — гуманизм, добрососедство, взаимопомощь, культуру, созданные педагогические школы и положить их в основу международного сотрудничества;
- Связать Восток и Запад через гуманитарные проекты на основе общих ценностей.

Достаточно популярна точка зрения, согласно которой любое государство больше или меньше, успешно или провально, проводит дипломатию для построения отношений со своими соседями. Как правило, она предполагает взаимодействие между государственными органами соседних стран, с элитами соседей, активными группами в них, реже с населением как таковым. Такую конструкцию сложно назвать «народной дипломатией», так как соседскому народу отведена роль стороны, «принимающей» ценности, поведение и действия «передающей» стороны, касается ли это вопросов культуры, истории, экологии и т.д. То есть движение, скажем так, одностороннее или полупроводящее. Скорее эту схему с большой натяжкой можно назвать «государственно-народной дипломатией», в которой участвуют с одной стороны само государство, а с другой — народ соседней страны. Путь этот и логика его понятны. Успешные реальные примеры, правда, найти не просто.

В данной статье мы попробуем остановиться на другом взгляде и другой конструкции «народной дипломатии» и «народной науки». Первый виток «народной» дипломатии в Беларуси начался с Чернобыльской катастрофы. Ничто не сближает людей так, как горе и беда. В ответ на Чернобыльский вызов в странах Европы помимо помощи со стороны государственных органов начали возникать всевозможные благотворительные инициативы. Они рождались внутри существующих гуманитарных организаций и местных коммун, а также приводили к созданию новых общественных организаций Чернобыльского профиля. Основными методами работы стали поставка медицинских товаров и лекарств, организация лечения и оздоровления в первую очередь детей, взаимные поездки друг к другу. Процесс этот шел достаточно активно, а после распада Советского Союза в течение нескольких лет просто стремительно. Но к настоящему моменту почти полностью иссяк и затих. Однако за тот небольшой, но уникальный период успели родиться общественные организации и инициативы нового типа, причем как в Беларуси, так и за рубежом. Эти общественные акторы разных стран связывались сами между собой, строили общую стратегию и организовывали общие дела. Но они не только связывали обычных людей разных стран между собой.

Так, например, посещение нашей страны делегациями и группами общественности других стран, выезд детских групп за рубеж на отдых или оздоровление, хотя мы и относились критически к эффективности оздоровления таких мероприятий, совершал другое бесконечно важное дело — он строил мосты между людьми, между разными менталитетами, а подспудно укреплял связи между народами, разрушал глупые стереотипы и открывал общий язык взаимодействия через прямое человеческое общение и понимание общих ценностей в человеческой жизни.

На заре первых интеграционных инициатив наша организация принимала участие в создании одной из первых ассоциаций «Европейская Чернобыльская сеть», которая связала более 40 организаций из 22 европейских стран. Следует отметить необыкновенно простой и гибкий механизм координации, а также тесное взаимодействие, сотрудничество и готовность прийти на помощь. Одним из способствующих этому факторов явилась солидарность, широко развитая среди местных европейских коммун. Даже было завидно. В результате сложились тесные партнерские связи между европейскими общественными организациями и коммунами с одной стороны, и нашими общественными организациями, школами, местными органами власти, с другой стороны. Помимо этого, образовались прямые связи между европейскими и белорусскими семьями, которые долго поддерживали между собой контакты и, конечно же, наладили прямую поставку помощи в белорусские семьи. Возникло бесконечное разнообразие форм поддержки и связей. Например, финансовая поддержка, обмен визитами, лекарства, предметы базовой необходимости, детская одежда, подарки к праздникам, помощь в дальнейшем обучении детей, совместные праздники и мероприятия и т.д.

В рамках ряда наших международных проектов, удалось задумать и осуществить серию туров для учителей и местных общественных активистов в местные коммуны Италии и Швейцарии, где они познакомились с организацией жизни, решениями многих социальных и экологических проблем, найденными в ходе тесного сотрудничества всех сил в местных сообществах. Хочу здесь вспомнить международный лагерь, проводимый в Швейцарии Швейцарским зеленым крестом совместно с партнерами

сети Зеленого креста. Интересный момент — ребята из разных стран жили в очень простых условиях, в комнатах по 10–12 человек на 2-х ярусных кроватях, все работы выполняли сами, готовили еду вместе с профессиональным поваром, убирали, мыли туалеты. А вместе с тем дружно с раннего утра до позднего вечера участвовали в напряженной программе, знакомившей их с самыми разными полезными экологическими решениями, найденными муниципалитетами, местными коммунами, рядовыми активистами. Полезным оказалось то, что мы отбирали для поездки обычных активных сельских ребят, заслуживших поездку через свои живые местные дела. Поэтому для наших ребят все было легко и по плечу, в отличие от соседей, которые пристроили в свои группы «блатных» детей. Но, в конце концов, все нашли общий язык.

С прошлого года наша организация совместно с НПЦ по биоресурсам и Институтом ботаники Национальной академии наук Беларуси запустила научно-общественный проект по выявлению инвазивных и потенциально инвазивных видов на территории нашей страны и в сопредельных регионах с подключением широкой сети сельских школ, на который уже откликнулись школы из Брянской и Калининградской областей. Вот Вам и еще один пример как «народной науки», так и «народной дипломатии».

Важным направлением стали появившиеся после распада Советского Союза разнообразные программы и проекты, проводимые международными организациями, в том числе ГЭФ, ФАО, ЮНЕП, ВОЗ, ПРООН, УВКБ и даже ОБСЕ, а также программы и проекты, инициированные Европейской Комиссией, отдельными странами и их агентствами по гуманитарному развитию, да и нашим Международным зеленым крестом. Как правило, проекты, в которых мы участвовали, охватывали 5-8 стран постсоветского пространства. Удивительным и архиважным с моей точки зрения результатом является то, что в результате сложилось профессиональное сообщество и тесные горизонтальные связи между ведущими специалистами и администраторами участвующих стран в областях экологии, сельского хозяйства и здравоохранения. Внутри этих проектов рождалась реальная «народная наука», да и «народная дипломатия» тоже. С такой силой можно было решать экстерри-

ториальные проблемы. Жаль, что этот период продлился только около 12 лет, но... он был и дал нам бесценный опыт!

Хочу также привести пример создания международного экологического общественно-научного совета стран ЕАЭС, инициированного в конце 2024 года со стороны научной общественности, еще сохраняющей постсоветские связи. В него избираются по 4 представителя от науки (в основном это национальные академии наук стран ЕАЭС), а также по одному от общественности. В настоящее время руководителем Совета избран Президент Национальной академии наук Кыргызстана академик К.Е. Абдрахматов, по ротации сменивший вице-президента Национальной академии наук Беларуси академика А.В. Кильчевского. Наша организация тоже входит в Совет от Беларуси. На заседаниях поднимались важные трансграничные вопросы, а на последнем в декабре 2025 года обсуждалось создание сквозного экологического образовательного пособия международным коллективом ученых.

Настоящая платформа, в рамках которой и подготовлено данное выступление, создана и поддерживается Университетом мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского. Под ее эгидой проводятся международные конференции и стратегические сессии. По нашему мнению, она тоже вносит существенный вклад в создание экологической общественно-научной среды. Дело это, безусловно, нужное и важное. Остается надеяться, что такие инициативы будут расти и наполняться совместными полезными практическими делами.

К великому сожалению, в последнее время международные отношения, в том числе и соседские, практически полностью перешли в прагматичное русло и зачастую стали основываться на зависимости слабых сторон от сильных. Взаимное недоверие висит в воздухе. Однако как и в межличностных отношениях, в человеке живут великодушие, сострадание, солидарность. В чрезвычайных ситуациях, в условиях бедствий и катастроф и государства, и люди просыпаются и пытаются чем-нибудь, да помочь. Неужели нам нужны новые потрясения, чтобы что-то доброе в нас проснулось и соединило разные силы в одно общее благое дело?!

В заключение хочется отметить, что главный секрет «народной дипломатии» и «народной науки» скрывается, а точнее

открывается в том, что ее может начинать и проводить каждая организация и даже каждый отдельный человек, вовлекая своих друзей, партнеров, знакомых и даже незнакомых в свои малые и большие дела, в активное участие, деловое партнерство, осторожное знакомство и даже в качестве просто стороннего наблюдателя. И это работает!

Е.Э. Эльц

к.и.н., доцент Кафедры международных гуманитарных связей,
Санкт-Петербургский государственный университет

ОБЩАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВ СНГ

E.E. Elts

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International
Humanitarian Relations, St. Petersburg State University

COMMON HISTORICAL MEMORY AS AN INTEGRATIVE VECTOR OF DEVELOPMENT OF INFORMATION AND EDUCATIONAL SPACES OF THE CIS

Аннотация. В статье анализируются роль институциональных механизмов интеграционного взаимодействия в СНГ в укреплении координации усилий в области сохранения исторической памяти. Особое внимание уделяется сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне и значению Победы в Великой Отечественной войне как фактора, объединяющего постсоветское пространство. На основе анализа современной отечественной академической литературы фальсификация истории Второй мировой войны представляется как инструмент геополитической борьбы и информационно-психологической войны, развернутой странами Запада с целью разрыва историко-культурных связей народов постсоветского пространства. Рассматриваются основные вехи «войны памяти» и динамическое развитие сотрудничества стран СНГ с 2010-х гг. в гуманитарной сфере, направленное на противодействие деструктивным стратегиям внерегиональных акторов. Изучаются механизмы взаимодействия в информационной и образовательной сферах.

Ключевые слова: историческая память, Содружество Независимых государств, единое информационное пространство СНГ, образовательная интеграция, институциональные механизмы интеграции.

Abstract. The article analyzes the role of institutional mechanisms of integration within the CIS in strengthening the coordination of efforts to preserve historical memory. Particular attention is paid to the preservation of the memory of the Great Patriotic War and the significance of the Victory as a crucial factor uniting the post-Soviet space. Based on an analysis of contemporary Russian academic literature, the falsification of the history of World War II is presented as a tool of geopolitical struggle and information-psychological warfare deployed by Western countries to sever the historical and cultural ties between the peoples of the post-Soviet space. The paper examines the key milestones of the «memory wars» and the dynamic development of cooperation among the CIS countries in the humanitarian sphere since the 2010s, aimed at countering the destructive strategies of extra-regional actors. The mechanisms of interaction in the information and educational spheres are also studied.

Key words: historical memory, Commonwealth of Independent States (CIS), common information space of the CIS, educational integration, institutional integration mechanisms.

Гуманитарное взаимодействие стран-участниц Содружества Независимых Государств строится по направлениям формирования общего образовательного, научного, информационного и культурного пространства. За практически 35-летнюю историю была сформирована прочная нормативно-правовая база, внедрены соответствующие механизмы и институциональная инфраструктура для сотрудничества по широкому спектру вопросов в гуманитарной сфере. Мощным консолидирующим фактором является общее историко-культурное пространство, обусловленное общим прошлым народов СССР и особенно памятью о Великой Отечественной войне, которая в сознании молодежи остается важнейшим событием советской истории¹. Великая Победа признается важнейшей духовной ценностью, объединяющей народы стран

¹ *Осадчая Г.И., Селезнев И.А.* Евразийское пространство интеграции: общая историческая память и гуманитарные вызовы: Ежегодный доклад интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2020 год. — М.: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2021.

Содружества, и нравственным ориентиром для всех послевоенных поколений¹.

В настоящее время в СНГ усиливается координация действий по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне, органы СНГ принимают решения в области исторической памяти, направленные на противодействие попыткам фальсификации истории. Международное сотрудничество приобретает все большую значимость в условиях растущего числа фальсификаций истории Второй Мировой войны.

По мнению И.С. Кондрашовой², А.С. Левченкова³ и других исследователей⁴, фальсификация истории Второй мировой войны является частью борьбы США и их союзников по НАТО за глобальное доминирование в условиях растущей геополитической конкуренции между Россией, с одной стороны, и США и рядом их партнеров в НАТО и ЕС, с другой. Фальсификация истории, сопровождающаяся ревизионизмом, десоверенизацией исторического образования и героизацией коллаборационизма, является таким образом инструментом геополитической борьбы, применяемым западными странами и их союзниками. Рассматривая проблемы фальсификации истории более широкого периода, Я.И. Листов добавляет к геополитическому фактору фактор развития истори-

¹ Совет МПА СНГ принял обращение в связи с 80-летием Победы в Великой Отечественной войне. — https://iacis.ru/novosti/novosti___/sovet_mpa_sng_prinyal_obrashenie_v_svyazi_s_80-letiem_pobedi

² Кондрашова, И.С. Противодействие фальсификации истории как условие устойчивой интеграции и формирования коллективной идентичности в Содружестве Независимых Государств // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. — 2025. — № 4. — С. 127-147.

³ Левченков А.С. Исторический ревизионизм и память о Великой Отечественной войне в геополитическом противостоянии на западном фланге постсоветского пространства // Постсоветские исследования. — 2021. — № 4 (7). — С. 581-590.

⁴ Гушчин А.В., Левченков А.С., Ханова И.Е. Роль интеграционных структур в сохранении памяти о Великой Отечественной войне на пространстве СНГ // Великая Отечественная война в современной историографии стран СНГ Сборник учебно-методических и просветительских материалов / под ред. Е.И. Пивовара. — М., 2025. — С. 20-37.

ческого модернизма, ассоциирующегося с глобализацией. Автор отмечает необходимость борьбы с этими явлениями на законодательном уровне¹.

Авторы статей журнала НИИ проблем безопасности СНГ характеризуют фальсификацию истории и итогов победы над фашизмом как элемент **информационно-психологической войны** или идеологическо-информационной борьбы², к основным направлениям которой относятся искажение роли СССР в разгроме фашизма, реабилитация и героизация коллаборационистов и военных преступников, дискредитация подвига советского солдата-освободителя Европы, дегероизация истории и компрометация символов общественной памяти³.

США и их союзники по НАТО определяют Россию как геополитического соперника и стремятся очернить образ СССР и Красной армии — армии-освободительницы, вычеркнуть из публичного информационного пространства память о месте и роли народов СССР в разгроме фашизма с целью разрыва историко-культурных связей народов постсоветского пространства. Для разобщения стран региона внерегиональные акторы, США, Великобритания и Европейский союз широко используют механизмы «мягкой силы». Противодействием этой стратегии недружественных государств должно стать укрепление взаимодействия в информационной и образовательной сферах⁴.

¹ *Листов Я.И.* Противодействие попыткам фальсификации истории России: научные и законодательные аспекты / Федеральное собрание Российской Федерации, Государственная Дума. — Москва: Издание Государственной Думы, 2020. — 158 с.

² *Шернаев В.И., Уматова Е.С.* К вопросу научного противодействия фальсификации исторической памяти // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2022. — № 4. — С. 68–74.

³ *Высотенко А.В.* Фальсификация истории Великой Отечественной войны как элемент информационно-психологического противоборства и угроза безопасности государств-участников СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. — 2023. — № 2. — С. 78–82.

⁴ *Калинин А.В., Белячков Е.Е., Буканов Е.К., Тесленко В.К.* «Мягкая сила» в новом международном контексте. Доклад аналитической группы

В 2022 г. на встрече секретарей Совета Безопасности СНГ Николай Патрушев отмечал, что США финансируют подготовку учебников для стран СНГ с искаженным пониманием истории СССР. Действенными инструментами в руках фальсификаторов являются Интернет, компьютерные игры, кинематограф, телевидение, радио, книги.

Данные процессы в идеологической сфере, в ходе которых политики западных стран пытаются создать «новый» образ Второй мировой войны, исказить факты с целью обеления истории и принизить вклад Советского Союза в Победу, воспринимаются в России как угроза. Важной задачей становится активизация и координация усилий по сохранению исторической памяти. Согласно заявлению Совета глав государств СНГ по случаю 30-летия Содружества (2021), сохранение памяти об общей победе в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) признано фундаментальной задачей сотрудничества; при этом осуждаются любые попытки фальсификации истории, пересмотра итогов Второй мировой войны и героизации нацизма вопреки решениям Нюрнбергского трибунала.

Масштабная кампания исторического ревизионизма, развернутая странами Запада против России проявляет себя с середины 2000-х годов, становится европейским мейнстримом в 2009 г. (в 2009 г. была принята резолюция ОБСЕ «Воссоединение разделенной Европы» (2009 г.) и достигает кульминации в резолюции Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» в 2019 году.

Выступление Владимира Путина на неформальном саммите СНГ в декабре 2019 года с критикой положений этой резолюции и тезисом о том, что причины войны крылись в комплексе событий, ответственность за которые несут многие страны¹, а также историческая статья Президента 2020 года, рассматриваются как

№ 4.2. Форума молодых международныхников СНГ. — https://gromyko.ru/report_2024_4_1_soft_power

¹ Неформальный саммит СНГ. — <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62376>

обозначение линии противостояния по ключевым точкам нового этапа «войны памяти»¹.

Активная работа по противодействию фальсификации истории отражена в соответствующих формулировках совместных программных документов СНГ, например, в «Обращении глав государств-участников Содружества Независимых Государств к народам государств-участников Содружества и мировой общественности в связи с 80-летием начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (2021), «Обращении Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств в связи с 80-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (2024). В последнем Совет МПА СНГ призывает к укреплению международного сотрудничества в деле сохранения исторической памяти путем поддержания в надлежащем состоянии мемориалов, музеев и архивных материалов, связанных со Второй мировой войной; к проведению совместной скоординированной военно-мемориальной работы по восстановлению имен советских воинов, которые покоятся в братских могилах; недопущению уничтожения памятников и актов вандализма в отношении воинских захоронений и обеспечению беспрепятственного доступа к ним независимо от их местонахождения.

Вопросы пропаганды роли народов стран Содружества в достижении Великой Победы и противостояния фальсификации истории в 2010-е гг. прочно вошли в повестку Министерств обороны стран содружества, одним из аспектов сотрудничества которых является информационная область. На Совет министров обороны государств-участников СНГ была возложена задача координировать действия по реализации «Соглашения об увековечении памяти о мужестве и героизме народов государств-участников Содружества Независимых Государств в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (2011 г.). Межпарламентская Ассамблея СНГ разработала правовые основы для сохранения исторической памяти об общей Победе, в том числе три модельных закона.

¹ *Beshkinskaya V.S, Miller A.I. The 75th Anniversary of the Victory of Russian Memory Politics // Russia in Global Affairs. — 2020. — Vol. 18, N 3, July-September. — P. 200-232.*

В 2025 г. вопросы сохранения и защиты исторической правды, а также объективной информации о Великой Отечественной войне и героических подвигах народов стран Содружества стали одним из ключевых направлений работы Совета министров юстиции государств-участников СНГ.

В 2021 году Совет министров иностранных дел СНГ утвердил Положение о Международной ассоциации (комиссии) историков и архивистов государств-участников СНГ, в цели и задачи которой входит противодействие попыткам искажения истории. Под эгидой ассоциации в 2025 году была опубликована коллективная монография, посвященная вкладу всех народов СССР в победу над нацистской Германией и её союзниками во Второй мировой и Великой Отечественной войнах. Книга подготовлена ведущими экспертами национальных академий наук 11 стран. Совет по сотрудничеству в области образования стран СНГ рекомендовал эту книгу для использования в образовательном процессе. Совместно с аппаратами Советов безопасности был разработан цикл документальных фильмов «Республика — фронту».

В 2022 году Советом глав государств СНГ было принято Решение об объявлении в СНГ 2025 года Годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне — Годом Мира и Единства в борьбе с нацизмом. В 2025 году Совет глав правительств СНГ утвердил План мероприятий по подготовке и празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, предусматривавший проведение ряда мероприятий, посвященных значимым событиям и памятным датам, включая военные парады, а также церемонии возложения венков и цветов.

В странах СНГ прошли многочисленные политические и культурные мероприятия, историко-патриотические акции. 19 городов в разных странах СНГ были удостоены звания «Город трудовой славы. 1941–1945 годы» в память о трудовом подвиге их жителей. Издательская деятельность, создание документальных фильмов и выставочных проектов, выявление архивов и совместные проекты по увековечиванию памятников героев являются распространенными формами взаимодействия на пространстве СНГ по сохранению исторической памяти и правды о событиях Великой Отечественной войны.

Одним из векторов сотрудничества в сфере сохранения исторической памяти и увековечивания подвигов защитников Отечества является поисковое движение стран СНГ, которое составляет часть системы воспитания гражданственности и патриотизма в молодежной среде, а также сотрудничества между общественными объединениями регионов России и стран СНГ. Большую поддержку проведения мероприятий Международного союза поисковых движений «наша Победа» с 2008 г. оказывал Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества стран СНГ.

Стоит отметить и активную роль институтов «мягкой силы» СНГ, таких как «Международная Ассамблея столиц и крупных городов стран СНГ» поддерживающая проведение конференций, юбилейных мероприятий, историко-мемориальную работу городов, а также освещающая эту деятельность в многочисленных публикациях.

Ключевым инструментом формирования единого информационного пространства стран СНГ является Межгосударственная телерадиокомпания «Мир», имеющая четкую структуру с руководящим органом в Москве и национальными филиалами в девяти странах Содружества¹. Ядро вещания, охватывающего более 80 миллионов человек, составляют информационно-аналитические программы, освещающие ключевые события в СНГ и мире, а также образовательные, развлекательные, публицистические передачи, документальные и художественные фильмы собственного производства. Компания обладает обширным опытом работы по сохранению исторической памяти. Все национальные филиалы участвуют в создании тематических программ и новостных сюжетов о событиях прошлого, которые регулярно выходят в эфир. Создаются документальные фильмы о героизме советских полководцев в годы Великой Отечественной войны, блокаде Ленинграда, реализуется проект «Народная книга памяти» и другие мемориальные инициативы. Продолжается работа по превращению телеканала в эффективный инструмент информационной политики для укрепления позитивного имиджа каждого

¹ Поддубская Т.А. Межгосударственная телерадиокомпания «Мир» на информационном пространстве стран СНГ // Преподаватель XXI век. — 2018. — №2-2. — С. 261-269.

государства-участника СНГ и Содружества в целом. Возросла гуманитарная направленность телеканала.

В рамках другого важного инструмента — Ассоциации национальных информационных агентств государств-участников СНГ (АНИА) — на постоянной основе ведется работа по сохранению исторической памяти об общем героическом прошлом и достижениях предков. На сайтах государственных информагентств — членов Информсовета СНГ — публикуются репортажи о важнейших исторических датах, памятных мероприятиях, связанных с Великой Отечественной войной, перезахоронениях воинов и открытиях новых мемориалов.

Важную роль в развитии единого образовательного пространства стран СНГ играет Совет по сотрудничеству в образовательной сфере, базовые организации, активно участвующие в разработке образовательных программ и методических материалов, повышении квалификации и проведении научных исследований; славянские университеты. В настоящее время идет активная работа над разработкой программы реализации Концепции формирования единого образовательного пространства СНГ (2027-2035) и обновление нормативно-правовой основы сотрудничества в образовательной сфере.

Тема сохранения исторической памяти занимает все более самостоятельное направление в образовательной интеграции стран СНГ. Наделение Российского государственного гуманитарного университета статусом базовой организации по подготовке кадров в области исторического образования в 2018 году, наряду с Московским педагогическим государственным университетом как базовой организацией по подготовке педагогических кадров, способствовало развитию институционального сотрудничества и формированию коллективной памяти в СНГ.

Важнейшими проектами РГГУ в этой сфере являются Форумы ректоров гуманитарных вузов и деканов гуманитарных факультетов стран СНГ, серийные издания, международные конференции, а также двусторонние встречи историков и архивистов, исследовательские проекты. Разработка методических пособий для проведения уроков памяти является важнейшим направлением деятельности РГГУ по сохранению исторической памяти в

соответствии с решениями Совета по сотрудничеству в области образования государств-участников СНГ.

В 2022 году при поддержке Минобрнауки России на базе Славянских университетов Армении, Беларуси, Кыргызстана и Таджикистана были созданы совместные центры евразийских исследований. Одной из их ключевых целей является продвижение и сохранение общей исторической памяти. В 2024 году РГГУ реализовал проект по развитию сотрудничества со Славянскими университетами, в рамках которого был подготовлен комплекс методических рекомендаций для проведения «Уроков памяти», посвященных общей победе народов СССР в Великой Отечественной войне.

В образовательной среде мультипликативный эффект в сфере сохранения исторической памяти могут иметь меры по созданию филиалов с программами гуманитарного профиля¹. Подобные программы в Таджикистане и Армении реализуется преимущественно Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова. В рамках Сетевого университета СНГ реализуются совместные программы по направлению «Международные отношения».

Сотрудничество между странами-участницами СНГ в сфере сохранения исторической памяти становится самостоятельным направлением интеграции и приобретает приоритетное значение в условиях растущих геополитических угроз и использовании фальсификации истории как инструмента информационно-психологической войны. Масштабной кампании исторического ревизионизма, развернутой странами Запада с целью разрыва историко-культурных связей народов постсоветского пространства противостоят усилия по укреплению институционально-правовой системы, направленной на защиту исторической памяти, диверсификации и расширению форм сотрудничества между странами Содружества в этой сфере. Особую роль приобретает координация

¹ Гусман М.С., Пивовар Е.И. О гуманитарных аспектах евразийской интеграции // Евразийское пространство интеграции: общая историческая память и гуманитарные вызовы: ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации за 2020 год. — М., 2021. — С. 148–152.

усилий в информационной и образовательной сферах. Борьба с фальсификацией истории подразумевает систематическую работу и взаимодействие образовательных учреждений, семей, общественных организаций, государственных органов, научного сообщества и СМИ. Анализ инструментов формирования общих информационного и образовательного пространств СНГ отражают укрепление взаимодействия и институционализацию новых форм взаимодействия в сфере сохранения исторической памяти.

Научное издание

**ПУБЛИЧНАЯ
И НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
В УРЕГУЛИРОВАНИИ
СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ**

*Материалы
стратегической сессии
(11 февраля 2026 года)*

Сборник статей

Компьютерная верстка и дизайн — *Е. Капнулина*

Подписано в печать 15.07.2026. Формат 60×90/16.

Гарнитура SchoolBookC. Усл. печ. л. 15,5.

Тираж 500 экз. (1-й завод 20 экз.)

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1

Тел.: +7 (499) 261-11-26

www.imc-i.ru; www.imc-ph.ru

Отпечатано ООО «ТОМИК»

115477, г. Москва, ул. Кантемировская, д. 60, помещ. 2, этаж 3

